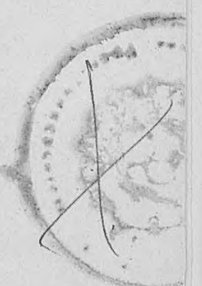
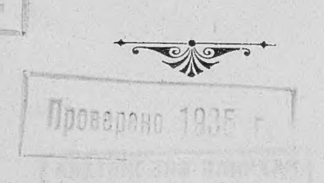
ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНІЕ.

Е. С. Шумигорскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., д. № 45.
1907.

Предлагаемая книга имѣетъ цѣлью представить общій обзоръ жизни и царствованія императора Павла, въ существенныхъ ихъ чертахъ, и тѣмъ заполнить пробѣлъ, существующій въ русской исторической литературѣ. Авторъ, желая сдѣлать трудъ свой болѣе доступнымъ публикѣ, при изложеніи царствованія Павла I, ограничивается наиболѣе важными фактами, предоставляя себѣ болѣе подробное изложеніе событій этого царствованія, а равно и критическій анализъ матеріаловъ, имъ для сей цѣли использованныхъ, сдѣлать въ большой, двухтомной „Исторіи Императора Павла", художественное изданіе которой, съ массой иллюстрацій, печатается въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Извольте оставить Г: Сиверса по вашей части Павелъ

Записка императора Павла
къ императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ (1798 г.)

Дозв. ценз. СПБ. 29 Марта 1902 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Б

ВВЕДЕНІЕ.

Въ тысячелѣтней жизни Россіи наиболѣе интереснымъ періодомъ по сложности историческихъ комбинацій, богатству красокъ и причудливости внѣшнихъ очертаній безспорно является XVIII в. Два міровыхъ генія: Петръ I и Екатерина Вторая заполняютъ своею дѣятельностію первую и вторую его половины и даютъ направленіе жизни русскаго народа, изъ московскаго, домашняго круга выводя его на широкую сцену міровой исторіи. На безпредѣльныхъ равнинахъ Россіи сошлись Востокъ и Западъ съ ихъ многовѣковыми культурами, и среди старѣйшихъ исторически—юный народъ дѣлалъ первые, робкіе, но гигантскіе шаги на пути созданія собственной, оригинальной культуры и уясненія собственнаго историческаго типа. Задача была трудная: мало было того, чтобы избѣжать поглощенія Европой или Азіей,—мало было съиграть роль равнодѣйствующей между двумя этими силами: нужно было проявить данныя для возсозданія третьей, регулирующей и руководящей міровой силы. Историческій процессъ этотъ далеко еще не законченъ и въ настоящее время: онъ будетъ продолжаться, пока жива будетъ Россія, живъ будетъ русскій народъ; но первые, самые тяжелые этапы этого пути уже пройдены, и чѣмъ далѣе мы удаляемся отъ нихъ, тѣмъ болѣе отметаемъ шелуху отъ зерна, тѣмъ болѣе уясняемъ себѣ сущность пережитаго историческаго періода. Съ этой точки зрѣнія и внѣшняя исторія русскаго государства получаетъ иное освѣщеніе: мы научились понимать, что Петръ I и Екатерина Вторая, какъ великіе историческіе дѣятели, сами созданы были нравственной и матеріальной мощью русскаго народа и что они возможны

были только въ Россіи, что гдѣ-нибудь въ Италіи или Германіи ихъ творческая дѣятельность, въ лучшемъ случаѣ, нашла-бы себѣ примѣненіе на другомъ, весьма и весьма скромномъ поприщѣ, и ихъ геніальныя дарованія заглохли бы въ самомъ началѣ, не получивъ развитія [1]). Какъ первые люди своего народа, какъ первые слуги государства, оба они отражали въ своей личности творческія способности народа, проявляя ихъ въ своей дѣятельности, и мы думаемъ, что между Петромъ и Екатериной долженъ былъ быть хронологическій перерывъ, чтобы элементы народной жизни, приведенные въ броженіе дѣятельностію перваго, могли бы успокоиться и обнаружить способность новаго воспріятія къ началу дѣятельности второй. Такова психологія жизни народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, и оттого государственная, иногда даже личная жизнь русскихъ самодержцевъ отражала на себѣ состояніе современной ей русской жизни, быть можетъ, въ бо́льшей степени, чѣмъ наоборотъ. Мы думаемъ также, что и краткое, четырехлѣтнее царствованіе непосредственнаго преемника Екатерины, императора Павла I, являющееся предметомъ нашего очерка,—было прямымъ послѣдствіемъ естественнаго, логическаго хода русской исторіи, и, отметая внѣшнее, случайное, личное, полагаемъ, что оно завершило собой XVIII вѣкъ въ русской исторіи недаромъ: ярко отражая въ себѣ современное положеніе русскаго общества и народа, царствованіе императора Павла было съ одной стороны, до нѣкоторой степени, коррективомъ къ царствованію его геніальной матери, а съ другой, во многихъ отношеніяхъ, началомъ новаго періода государственной жизни русскаго народа.

До послѣдняго времени царствованіемъ императора Павла занимались по-преимуществу съ анекдотической точки зрѣнія. Причину этого явленія напрасно было бы искать въ однихъ лишь внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлена была наша историческая литература: занимались, главнымъ образомъ, освѣ-

---

[1]) Екатерина сама писала Гримму: „Я люблю нераспаханныя земли, подъ паромъ; повѣрьте, это лучшія земли. Я уже тысячу разъ говорила вамъ: я годна только для Россіи (je ne suis bonne qu'en Russie)“. *Сборникъ И. Р. И. О.*, XXIII, 70.

щеніемъ именно отрицательныхъ сторонъ царствованія императора Павла или казавшихся таковыми,—тѣми фактами, въ которыхъ выразилась причудливая, нервная натура государя или свойства близкихъ къ нему лицъ; объективное изученіе событій, происшедшихъ въ царствованіе преемника Екатерины въ ихъ отношеніи къ русской жизни, критическая провѣрка историческихъ матеріаловъ за этотъ періодъ времени, отодвигались на второй планъ. Должно сознаться, что до сихъ поръ нѣтъ у насъ даже краткаго, фактическаго обозрѣнія Павловскаго періода русской исторіи: анекдотъ въ этомъ случаѣ оттѣснилъ исторію, хотя, естественно, не могъ упразднить ее. Врагами исторіи, нелицепріятной и правдивой, явились, прежде всего, всѣ лица, которыя боролись противъ правительственной системы Павла и противъ него самого, и какъ при жизни, такъ послѣ смерти его пользовались всѣми средствами, чтобы выставить всѣ его дѣйствія въ непривлекательномъ видѣ: это служило къ оправданію ихъ самихъ и ихъ дѣяній. Дѣятели Александровской и Николаевской эпохи, также склонны были поддерживать анекдотическій характеръ изученія исторіи Павла I, хотя не по одинаковымъ причинамъ,—и документы его царствованія лишь теперь выплываютъ наружу, отводя анекдотамъ приличное для нихъ мѣсто. Странно сказать, что объективному изученію именно Павловскаго времени ставились особыя препоны; лишь одному изъ изслѣдователей, гр. Д. А. Милютину, въ классическомъ трудѣ его о войнѣ 1799 г. [1]), удалось положить начало научному изученію царствованія императора Павла, и то лишь потому, что онъ занятъ былъ главнымъ образомъ только военными и дипломатическими фактами и мало касался внутренней политики императора. Оффиціальные и частные документы Павловскаго времени сваливались въ глубину архивовъ и въ одну изъ Кремлевскихъ башенъ, не считая тѣхъ, которыя уничтожались, иногда преднамѣренно, по тѣмъ или другимъ причинамъ... Съ другой стороны, со временъ Рылѣева и Пушкина, находившихся подъ живымъ впечатлѣніемъ разсказовъ современниковъ, говорить о „деспотизмѣ“ Павла, какъ

---

[1]) „Исторія войны 1799 г.“, 1-е изд.—Спб., 1853 г. I—V т.; 2-е—Спб. 1857, I—III т.

о „задахъ Іоанна Грознаго“, считалось признакомъ хорошаго литературнаго тона. Короче, о царствованіи Павла можно было писать лишь одну „горькую“ правду и неправду. Исторія такимъ образомъ превращалась въ памфлетъ, и, дѣйствительно, даже теперь, спустя сто лѣтъ, читая нѣкоторыя изслѣдованія объ императорѣ Павлѣ, мы какъ-бы переживаемъ впечатлѣнія и слушаемъ отзывы самыхъ пристрастныхъ и только пристрастныхъ его современниковъ: на основаніи ихъ можно подумать, что государственная жизнь Россіи въ Павловское время остановилась на четыре года, что цѣль дѣятельности правительства за это время заключалась главнымъ образомъ въ строгихъ, непомѣрныхъ и часто несправедливыхъ наказаніяхъ и стѣсненіяхъ частной жизни и что, наконецъ, самъ императоръ, не руководимый никакой опредѣленной правительственной системой, дѣйствовалъ, какъ говорили нѣкоторые изъ его современниковъ, только подъ вліяніемъ впечатлѣній и личныхъ чувствъ, не всегда уравновѣшенныхъ, „выворачивая всѣ пружины государственнаго строя“ и производя лишь „хаосъ“ и „кутерьму“. Вслѣдствіе односторонней разработки матеріаловъ объ императорѣ Павлѣ, въ историческихъ трудахъ о его царствованіи приводятся отзывы современниковъ и не всегда провѣренные факты, говорящіе въ пользу исходной точки зрѣнія авторовъ и исключаются, какъ излишніе, всѣ другіе, которые съ этой точкой зрѣнія не имѣютъ причинной связи; при изложеніи біографическихъ данныхъ объ императорѣ, для его характеристики берутся отдѣльные эпизоды изъ его правительственной дѣятельности, которые, какъ части одной и той же картины, взятыя въ отдѣльности, внѣ связи съ рядомъ другихъ фактовъ, теряютъ свой смыслъ и значеніе: нельзя, кажется, отрицать, что уясненіе нравственнаго образа Павла Петровича, какъ государя, будетъ возможно лишь послѣ изученія его дѣятельности въ цѣлостномъ ея видѣ. Говоря однажды о недовольствѣ дворянства его распоряженіями, императоръ Павелъ замѣтилъ: „я надѣюсь, что потомство отнесется ко мнѣ безпристрастнѣе“. Надеждѣ этой, кажется, не скоро еще суждено осуществиться. Хотя въ послѣднее время и появились цѣнныя въ научномъ смыслѣ работы объ императорѣ Павлѣ и его времени, но онѣ или касаются только частныхъ

вопросовъ, или преимущественно имѣютъ цѣлью изученіе великокняжескаго періода его жизни. Можно сказать съ увѣренностію, что полная исторія *царствованія* императора Павла въ истинномъ своемъ видѣ лежитъ еще въ государственныхъ и семейныхъ архивахъ.

Между тѣмъ, детальное изученіе царствованія императора Павла, помимо біографическаго и эпизодическаго интереса, должно имѣть большое значеніе и для общей исторіи Россіи XVIII и XIX вѣковъ: тогда только можетъ быть опредѣлена истинная связь между царствованіями Екатерины Второй и Александра I, тогда только вполнѣ можетъ уясниться личность и значеніе дѣятельности сына и преемника Павла, императора Александра Павловича, исторію царствованія котораго, уже довольно разработанную, до сихъ поръ приходится начинать или съ пустого мѣста, или со словъ манифеста, въ которомъ Александръ обѣщалъ „шествовать по премудрымъ стопамъ“ Екатерины, упраздняя тѣмъ значеніе предыдущаго царствованія однимъ почеркомъ пера...

Личность императора Павла, какъ государя, его характеръ и міросозерцаніе, поэтому, и не могли быть выяснены, и отзвуки рѣчей, раздававшихся при его жизни, преслѣдуютъ насъ на столѣтнемъ промежуткѣ времени. Одни называли его „сыномъ Минервы“, т. е. Екатерины: это были люди, недовольные политикой Павла и думавшіе, что онъ, какъ сынъ геніальной государыни, долженъ былъ мыслить и править не иначе, какъ въ духѣ своей матери; другіе, съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній, считали Павла Петровича „коронованнымъ Гамлетомъ“, приписывая всѣ причудливыя и неожиданныя по своей рѣзкости душевныя движенія императора внутренней борьбѣ, происходившей въ немъ отъ дней нѣжной его молодости и зависѣвшей будто бы исключительно отъ семейныхъ причинъ. И то, и другое названіе имѣетъ свою цѣну для историка, но лишь въ томъ случаѣ, если онъ даетъ имъ болѣе широкое толкованіе. Какъ „сынъ Минервы“, императоръ Павелъ не остался чуждъ вліянію ея могущественнаго ума, и широкаго политическаго кругозора, не усвоивъ себѣ, однако, ни ея міросозерцанія, ни правительственныхъ пріемовъ; какъ „коронованный Гамлетъ“, Павелъ Петровичъ, подобно

многимъ другимъ русскимъ людямъ того времени, не сознавая ясно ни историческихъ задачъ Россіи, ни направленія предлежащаго ей пути, всю жизнь провелъ въ борьбѣ между осаждавшими его западно-европейскими вліяніями культурнаго и некультурнаго свойства, съ одной стороны, и любовью къ своему народу во всемъ его цѣломъ и смутной вѣрой въ его великія силы — съ другой. Несомнѣнно одно, что двойная борьба эта, въ связи со многими другими условіями, въ концѣ концовъ, должна была тяжело отозваться на духовныхъ силахъ императора, на его болѣзненной, нервной организаціи: характеръ и міросозерцаніе его развились при самой неблагопріятной обстановкѣ. Такъ какъ дѣятельность Павла Петровича, какъ императора, тѣсно связана съ условіями его жизни до вступленія его на престолъ, то выясненію этихъ условій мы и посвятимъ первыя страницы нашего очерка [1]).

---

[1]) За послѣднее десятилѣтіе, кромѣ статей въ повременныхъ изданіяхъ, появились слѣдующіе труды, посвященные изученію личности императора Павла и его времени: 1) *Шумигорскій:* „Императрица Марія Ѳеодоровна", т. I, Спб., 1892; 2) *Шильдеръ:* „Императоръ Александръ I", т. I, Спб. 1897; 3) *Шумигорскій:* „Екатерина Ивановна Нелидова". Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898. 4) *Шумигорскій:* „Павелъ I". Спб. 1899. (Оттискъ изъ „Біографическаго Словаря" Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, въ продажу не поступалъ); 5) *Шильдеръ:* „Императоръ Павелъ Первый". Историко-біографическій очеркъ. (Въ этой интересной книгѣ, а также въ „Приложеніяхъ" къ ней, много новыхъ цѣнныхъ матеріаловъ). Спб. 1901; 6) *Гено и Томичъ:* „Павелъ I". Собраніе анекдотовъ, отзывовъ, характерныхъ указовъ и проч. Спб. 1901; 7) *Панчулидзевъ:* „Исторія кавалергардовъ". Т. II. Спб. 1901; и 8) Проф. *Буцинскій:* „Отзывы о Павлѣ I его современниковъ". Харьковъ. 1901. Оба послѣдніе труда, въ особенности первый, заслуживаютъ вниманія, какъ попытки къ объективному изученію Павловскаго времени.

Изданія матеріаловъ объ императорѣ Павлѣ и его времени за послѣднее десятилѣтіе: 1) „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина". изд. подъ редакціей *В. Н. Смольянинова*, I—IX; 2) „Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина", подъ редакціею *А. Брикнера*, т. I—VII; 3) „Correspondance de S. M. l'Impératrice Marie Féodorovna avec la demoiselle d'honneur Nélidow" (Paris, 1896), par la princesse Lise Troubetzkoi; 4) „Lettres de l' Impèratrice Marie Fèodorovna à m-lle Nélidow", publiées par Eugène Choumigorsky, 1897 (въ продажу не поступали); 5) „Записки графини Варвары Николаевны Головиной", Спб., 1900; много данныхъ объ императорѣ Павлѣ и въ 6) „Исторія Екатерины Второй" *В. А. Бильбасова*, т. XII, ч. I и II, Берлинъ, 1896. — Подробный обзоръ литературы о Павлѣ I см. въ статьѣ: „Павелъ I" въ „Біографическомъ Словарѣ" Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

I.

Рожденіе великаго князя Павла.—Первоначальное его воспитаніе.— Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.—Роль императрицы Екатерины II въ воспитаніи сына.—Совершеннолѣтіе Павла Петровича и политическое его значеніе.—Два брака.—Путешествіе за границу.—Семейныя отношенія и жизнь въ Гатчинѣ.—Политическое міросозерцаніе Павла Петровича.—Кто „виноватъ"?—Послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины.

Императоръ Павелъ Петровичъ родился 20 сентября 1754 г. отъ брака наслѣдника русскаго престола, великаго князя Петра Θеодоровича, съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Рожденіе царственнаго младенца обрадовало бабушку его, императрицу Елисавету Петровну, и всю Россію, дотолѣ долго и напрасно ждавшую упроченія престолонаслѣдія въ родѣ Петра Великаго: казалось, что наступилъ конецъ дворцовымъ и военнымъ переворотамъ, наполнявшимъ собою исторію Россіи послѣ Петра, и что самодержавная власть перестанетъ наконецъ быть орудіемъ вожделѣній высшаго русскаго дворянства и всякаго рода иностранцевъ. Императрица, по духу своему чисто—русская, желала, чтобы новорожденный и единственный внукъ ея получилъ русское воспитаніе, внѣ иностранныхъ вліяній, и поэтому взяла его, съ перваго же дня, на свое попеченіе, устранивъ отъ него родителей, къ которымъ она не чувствовала довѣрія. Великій князь Петръ Θедоровичъ съ ничтожными умственными и нравственными задатками соединялъ въ себѣ любовь ко всему нѣмецкому, и судьбы родной Голштиніи, которой онъ былъ герцогомъ, были для него дороже интересовъ великой имперіи, смотрѣвшей на него, какъ на будущаго своего монарха. Мать Павла, будущая императрица Екатерина Вторая, также не пользовалась полнымъ довѣріемъ императрицы Елисаветы:

тонкій умъ 25-лѣтней великой княгини, ея широкое образованіе, неоднократно проявлявшійся въ ней интересъ къ государственнымъ дѣламъ, даже отталкивали отъ нея императрицу, давая ей поводы подозрѣвать въ своей невѣсткѣ скорѣе склонность къ политическимъ интригамъ, чѣмъ способность къ воспитанію дѣтей. Императрица не пощадила въ этомъ случаѣ даже естественныхъ чувствъ матери и дѣйствовала въ этомъ смыслѣ, съ непривычною для нея сухостію, тотчасъ по рожденіи младенца—внука. „Только что спеленали его", — разсказываетъ сама Екатерина въ своихъ „Запискахъ",—„какъ явился, по приказанію императрицы, ея духовникъ и нарекъ ребенку имя Павла [1]), послѣ чего императрица тотчасъ велѣла повивальной бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели.... Я и безъ того заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Меня особенно огорчало то, что меня совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій я оставалась рѣшительно безъ призору, между дверями и окнами, плохо затворявшимися... Такое забвеніе или небрежность, конечно, не могли быть мнѣ лестны. Въ городѣ и имперіи была великая радость по случаю этого событія. На другой день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и сверхъ того со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, не смотря на то, я и въ тотъ день не удостоилась большого вниманія. Впрочемъ великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрерывно плакала и стонала; въ комнатѣ была одна только Владиславова (камеръ-фрау); въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей нечѣмъ было помочь. Да я и не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться: я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастной была для ме-

[1]) Имя Павла дано было императрицей Елисаветой внуку очевидно изъ желанія сблизить его имя съ именемъ великаго его прадѣда, Петра Великаго: память первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла празднуется православною церковью въ одинъ день—29 іюня и въ честь ихъ построенъ былъ Петромъ В. Петропавловскій соборъ въ Петербургской крѣпости.

ня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала все, что могла, чтобы не казаться таковой.... Наконецъ великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ, по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графиней Елизаветой Воронцовой, которая, какъ нарочно, была хуже всѣхъ лицомъ“ [1]).

Крещеніе Павла Петровича совершено было 25 сентября. Россія, подобно императрицѣ, была обрадована рожденіемъ младенца, правнука Петра В., и цѣлый годъ тянулись по этому случаю праздники всякаго рода при дворѣ и у знатныхъ лицъ. Свою благодарность матери новорожденнаго императрица выразила тѣмъ, что послѣ крестинъ сама принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ Кабинету о выдачѣ ей 100.000 р., но увидѣть сына въ первый разъ послѣ родовъ разрѣшено было великой княгинѣ только чрезъ шесть недѣль, когда она принимала очистительную молитву: тогда Елисавета Петровна во второй разъ пришла къ ней въ комнату и велѣла принести къ ней Павла. Въ третій разъ показанъ былъ Павелъ матери, по ея просьбѣ, лишь весною 1755 г., по случаю отъѣзда великокняжеской четы въ Ораніенбаумъ. Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ къ рожденію сына отнесся совершенно равнодушно.

Первоначальная семейная обстановка жизни великаго князя Павла была такимъ образомъ рѣшена: баловень самодержавной бабушки, встрѣченный при появленіи своемъ на свѣтъ слезами геніальной матери и равнодушіемъ ничтожнаго отца, долженъ былъ долгое время расти и развиваться на попеченіи мамушекъ и нянюшекъ, которымъ поручила его придерживавшаяся старозавѣтныхъ русскихъ традицій государыня. Павла Петровича, какъ помѣщичьяго сынка, сдали постепенно на руки невѣжественной женской дворнѣ, со страхомъ заботившейся лишь о томъ, чтобы беречь и холить барское дитя, оставшееся безъ родительской ласки и призора. „Я должна была“ пишетъ Екатерина, „лишь украдкой навѣдываться о его здоровьѣ, ибо просто послать спросить

[1]) „Записки императрицы Екатерины“. Лондонъ, 1859, стр. 156—158.

о немъ значило бы усумниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она помѣстила его у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый его крикъ: его буквально душили излишними заботами. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, во фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго тика на ватѣ, а сверхъ того еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его укутаннымъ такимъ образомъ; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего когда онъ выросъ, то простуживался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ причинили ему несравнено больше зла, физическаго и нравственнаго, чѣмъ добра“ [1]. На руки этимъ нянюшкамъ отдана была и сестра Павла, великая княжна Анна Петровна, родившаяся 9 декабря 1757 г. Чрезъ годъ съ небольшимъ, 7 марта 1759 г., великая княжна Анна скончалась, и лишь послѣ этого Екатерина получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю, тогда какъ прежде для каждаго ея свиданія съ нимъ требовалось особое разрѣшеніе императрицы. Еще весною 1758 г., когда Павлу было уже четыре года, Екатерина заявила, что такъ какъ она лишена утѣшенія видѣть своихъ дѣтей, то ей все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ [2].

Въ обществѣ нянь и мамушекъ Павелъ съ ранняго дѣтства научился живому русскому языку, но здоровье его, вообще слабое, несомнѣнно пострадало еще болѣе отъ недостатка попечительнаго надзора, хотя доктора, по приказанію императрицы, навѣщали его ежедневно. Разсказы суевѣрныхъ женщинъ о домовыхъ и привидѣ-

---

[1] Тамъ же, 160.—Этому отзыву нельзя впрочемъ придавать большое значеніе, такъ какъ „Записки“ свои Екатерина писала уже въ то время, когда, предавъ внука своего, великаго князя Александра Павловича, на воспитаніе въ руки иностранца Лагарпа и не предчувствуя происшедшихъ отъ того послѣдствій, желала показать, „какая разница между воспитаніемъ его и отцовскимъ“.

[2] Тамъ-же, 251.

піяхъ разстроили воображеніе впечатлительнаго ребенка, а нервы его такъ разстроились, что онъ прятался подъ столъ при сколько-нибудь сильномъ хлопаньи дверьми. Дошло до того, что Павелъ трясся даже тогда, когда приходила его навѣщать бабушка, императрица: несомнѣнно, что нянюшки передали ему страхъ свой предъ государыней, и страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что Елисавета вынуждена была навѣщать внука лишь изрѣдка. Обучать грамотѣ Павла начали съ 1758 г., когда назначенъ былъ къ нему воспитателемъ Өедоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ; тогда же четырехлѣтняго Павла одѣли въ модное платье и надѣли на него парикъ, предварительно окропленный няней святою водою. Павелъ однако продолжалъ оставаться въ женскомъ обществѣ до назначенія воспитателемъ генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера Никиты Ивановича Панина, который постепенно отстранилъ женщинъ отъ своего воспитанника. Совершенно „отлучены были бабы отъ великаго князя“, лишь послѣ смерти императрицы Елисаветы, въ 1762 г., когда онѣ получили пенсію и, послѣ этого, только три—четыре раза въ годъ являлись къ Павлу съ поздравленіями. По разсказу самаго Павла Петровича, ему до слезъ было жаль разставаться съ привычнымъ для него обществомъ нянь и бѣдныхъ дворянъ, призывавшихся обѣдать къ нему, и очутиться вдругъ среди степенныхъ „кавалеровъ“, которыми окружилъ его Панинъ [1]).

По вступленіи своемъ на престолъ онъ съ благодарностію вспомнилъ своихъ „простонародныхъ“ воспитательницъ и собесѣдниковъ, оставшихся еще въ живыхъ, и щедро наградилъ ихъ. Слезы малолѣтняго великаго князя и благодарность императора доказываютъ, что нянюшки оставили въ Павлѣ Петровичѣ доброе по себѣ воспоминаніе: несомнѣнно, что именно онѣ прежде всего заронили въ немъ навсегда искреннее благочестіе и любовь къ русскому народу.

Изъ рукъ нянюшекъ цесаревичъ перешелъ затѣмъ въ руки русскихъ „европейцевъ“.

Новый воспитатель Павла, прежде всего, извлекъ его изъ душной комнаты, изъ общества нянюшекъ, на широкую при-

---

[1]) Записки Порошина, изд. „Р. Ст.“, 607—609.

дворную сцену: едва исполнилось малолѣтнему великому князю шесть лѣтъ, какъ ему начали представлять иностранныхъ посланниковъ на торжественныхъ аудіенціяхъ, его стали возить на придворные спектакли и обѣды. Эта внезапная перемѣна въ образѣ жизни великаго князя объясняется ходившими въ то время правдоподобными слухами, что Елисавета Петровна предполагала объявить Павла Петровича своимъ наслѣдникомъ, лишивъ престолонаслѣдія отца его, великаго князя Петра Ѳеодоровича, и назначить мать регентшей; самъ Никита Ивановичъ Панинъ сообщалъ объ этомъ Екатеринѣ незадолго до кончины императрицы Елисаветы. Имя Павла дѣлается съ этого времени орудіемъ въ рукахъ политическихъ интригановъ и, прежде всего, самого Панина. Интриги придворныхъ помѣшали императрицѣ осуществить свое намѣреніе, но на смертномъ одрѣ она просила Петра Ѳедоровича доказать ей свою признательность любовью къ сыну своему и ея внуку.

Новый императоръ пожаловалъ сыну лишь титулъ цесаревича, что́, быть можетъ, въ глазахъ Петра, равнялось объявленію его наслѣдникомъ, вопреки мнѣнію сторонниковъ Екатерины и ея самой, находившихъ полезнымъ для себя видѣть въ этомъ пожалованіи признакъ устраненія Павла отцомъ отъ наслѣдства [1]). Въ теченіе кратковременнаго своего царствованія Петръ III во всякомъ случаѣ мало интересовался сыномъ, если даже не придавать полной вѣры словамъ Екатерины,

---

[1]) Въ исторіи съ манифестомъ нельзя не видѣть слѣдовъ борьбы личныхъ честолюбій и партій, господствовавшихъ при дворѣ. Манифестъ былъ наскоро и неумѣло написанъ сторонникомъ Елисаветы Воронцовой, А. И. Глѣбовымъ, послѣ того, какъ отказался написать его извѣстный дѣлецъ Д. В. Волковъ, которому, по собственному его свидѣтельству, „*въ послѣдніе часы* жизни сей въ Бозѣ опочивающей Государыни (Елисаветы) *приказывано было неоднократно*, чтобы онъ не отлучался и заготовилъ бы присяги.“ „Въ тогдашней горести отвѣтствовалъ я коротко и дерзко, что при живомъ государѣ новыхъ присягъ писать не умѣю ... Тогдашній *нескладный* манифестъ уже давно господиномъ Глѣбовымъ написанъ былъ, и сколько ни трудились другіе, чтобы я оный высмотрѣлъ напередъ и исправилъ, однакожъ онъ до того не допустилъ, такъ что мнѣ досталось токмо оный прочитать“. — „Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи“, Семевскаго. (От. Записки, 1866, CLXXIII, 599). — Если Волкову „въ послѣдніе часы“ было „*приказывано неоднократно*“ писать манифестъ, то очевидно, Петръ III не зналъ еще о давно готовомъ проектѣ манифеста, писанномъ Глѣбовымъ, или былъ недоволенъ имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, называя манифестъ „нескладнымъ“, Волковъ какъ бы устраняетъ мысль о возможности злого умысла въ этой нескладности.

что она „*съ сыномъ* видѣла себя въ гоненіи и почти крайнемъ отдаленіи отъ императорской фамиліи“. Ребенокъ однако любилъ отца; мало того, въ немъ начали обнаруживаться нѣкоторыя свойства Петра, а не Екатерины; еще болѣе, материнскія чувства Екатерины скоро не принадлежали уже ему безраздѣльно... Ребенокъ не могъ понять, что отецъ видѣлъ въ немъ одно время соперника во власти, и не могъ предвидѣть, что онъ будетъ имъ также и въ глазахъ матери. Въ день низложенія Петра III съ престола и объявленія Екатерины II самодержавной императрицей, 27-го іюня 1762 г., Павелъ Петровичъ перевезенъ былъ Панинымъ изъ Лѣтняго въ Зимній дворецъ и вскорѣ затѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, услышалъ о кончинѣ отца: лишь долго спустя могъ онъ узнать, что до самого дня восшествія своего на престолъ Екатерина не была вполнѣ увѣрена въ томъ, что она будетъ провозглашена самодержицей, а не регентшей только на время несовершеннолѣтія своего сына, на чемъ особенно настаивалъ воспитатель Павла, Никита Ивановичъ Панинъ, надѣявшійся играть въ этомъ случаѣ первенствующую роль въ управленіи государствомъ. Манифестомъ Екатерины Павелъ былъ объявленъ лишь ея наслѣдникомъ, и это объявленіе всѣми принято было съ восторгомъ: въ Павлѣ народъ видѣлъ правнука Петра В., а въ Екатеринѣ, едва начинавшей свою государственную дѣятельность,—лишь только мать его. Когда, чрезъ мѣсяцъ, во время коронаціи Екатерины въ августѣ 1762 г., Павелъ заболѣлъ въ Москвѣ, вѣсть о томъ произвела на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе; зато и выздоровленіе его всѣхъ обрадовало до крайности. Съ своей стороны, Павелъ Петровичъ, съ дѣтства проявлявшій добрыя свойства ума и характера, какъ только сталъ оправляться послѣ болѣзни, просилъ императрицу, быть можетъ не безъ вліянія воспитателя, стремившаго сдѣлать имя своего питомца народнымъ,—учредить въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ; императрица исполнила его желаніе и приказала назвать ее, въ честь сына, Павловскою.

Павелъ Петровичъ, какъ мальчикъ, не понималъ еще въ это время политическаго своего значенія, которымъ главнымъ образомъ должны были впослѣдствіи опредѣлиться отношенія его къ матери; зато за него думали и дѣйствовали всѣ враги

Екатерины, сплотившіеся по восшествіи ея на престолъ; въ особенности думалъ воспользоваться именемъ единственнаго законнаго наслѣдника престола, для личныхъ и государственныхъ своихъ цѣлей, его воспитатель, нѣмецъ по воспитанію, русскій по имени, Никита Ивановичъ Панинъ, на долгое время сдѣлавшійся руководителемъ царственнаго мальчика. Обстоятельства, казалось, вполнѣ оправдывали планы Панина. Послѣ кончины Петра В., вслѣдствіе отсутствія закона о престолонаслѣдіи, русскій тронъ сдѣлался игрушкой партій, изъ которыхъ преобладающее значеніе получила въ концѣ концовъ партія высшаго военнаго и придворнаго дворянства, стремившаяся къ выдѣленію дворянства изъ ряда сословій, обреченныхъ на службу государству, и развитію его привиллегій въ ущербъ др. сословіямъ. Не имѣя силъ прямо бороться съ идеей самодержавія, въ которомъ народная масса инстинктивно чувствовала единственное огражденіе національныхъ своихъ интересовъ, представители этой партіи пользовались слабостію ея носителей, возводимыхъ ими на престолъ, чтобы на практикѣ осуществлять свои цѣли, и добились наконецъ того, что Петръ III освободилъ дворянство отъ обязательной службы государству, оставивъ за нимъ однако всѣ его привиллегіи, сопряженныя съ этой службой. Панинъ, долгое время бывшій посланникомъ въ Швеціи, желалъ, прежде всего, дать дворянству политическое значеніе въ государственной жизни Россіи. Пользуясь своимъ положеніемъ и не успѣвъ помѣшать восшествію Екатерины на престолъ, Панинъ, совмѣстно съ извѣстнымъ политическимъ интриганомъ этого смутнаго времени, Тепловымъ, составилъ тогда же проектъ объ учрежденіи Императорскаго Совѣта, въ сокровенныхъ цѣляхъ ограниченія власти Екатерины по шведскимъ, олигархическимъ образцамъ,—въ надеждѣ, что императрица, чувствовавшая себя еще слабой на тронѣ вынуждена будетъ пойти на уступки. Дѣйствительно, какъ ни оскорбительно было для императрицы самое содержаніе этого проекта, потому что мотивомъ его составленія выставлялась необходимость ослабить вліяніе фаворитовъ, подъ которыми подразумѣвались Орловы,—но проектъ былъ разсмотрѣнъ императрицей, даже подписанъ ею въ концѣ 1762 г., хотя и не былъ никогда обнародованъ; такое же

отношеніе встрѣтили въ ней и занятія вновь учрежденныхъ комиссій о расширеніи правъ дворянства въ видѣ развитія указа Петра III. Это были немногія одна изъ тѣхъ „тысячи странностей“, которыя должна была допустить новая государыня, возведенная на престолѣ гвардіей и высшимъ дворянствомъ: „иначе, прибавляла она, не знаю, что можетъ случиться“. Самою важною изъ этихъ „странностей“ Екатерины явилась ея рѣшимость оставить своего сына и наслѣдника на рукахъ у Панина, вызывавшаяся для нея естественнымъ чувствомъ самосохраненія. Фаворитизмъ Григорія Орлова и рожденіе Бобринскаго давали поводъ врагамъ Екатерины говорить о полуопальномъ положеніи цесаревича, объ опасности, угрожающей его жизни отъ Орловыхъ, о его законныхъ правахъ на престолъ. Въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины заговоръ Гурьевыхъ, дѣла Ласунскаго съ товарищами, Арсенія Мацѣевича, Опочинина, Оловянкина,—выдвигали послѣдовательно имя Павла, какъ соперника матери во власти, и на ряду съ нимъ всегда являлось имя Панина, какъ оберегателя жизни и интересовъ единственнаго отпрыска Петра В. Особенный авторитетъ въ этомъ смыслѣ въ глазахъ общества пріобрѣлъ Никита Панинъ съ 1763 г., когда онъ, поддерживаемый сильной партіей, рѣшительно возсталъ противъ проекта брака Екатерины съ Григоріемъ Орловымъ и имѣлъ по этому поводу объясненіе съ императрицей. Дѣло Мировича и убійство Іоанна Антоновича также принесло Панину долю пользы: враги Екатерины распускали слухъ, что убійство это совершено по ея приказанію; въ изданной по этому поводу въ Лондонѣ брошюрѣ, обратившей на себя вниманіе императрицы, было прямо высказано предположеніе, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ также сдѣлается жертвой властолюбивой матери. Всѣ эти обстоятельства въ полной мѣрѣ объясняютъ намъ тотъ повидимому странный фактъ, что Екатерина должна была держать себя въ сторонѣ при воспитаніи сына и предоставить это дѣло Панину. „Мнѣ не было воли сначала“ (при Елисаветѣ), сказала она однажды Храповицкому, „а послѣ, по политическимъ причинамъ не брала его отъ Панина: всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ“. Екатерина знала дарованія Панина, но, узнавъ его впослѣдствіи поближе, не цѣнила какъ человѣка. „Г. Панинъ“, говоритъ она въ одной

изъ своихъ замѣтокъ, „обладая многими дарованіями, имѣетъ однако малодушное и слабое сердце (le coeur lâche, effeminè). Онъ способенъ предаться всякому, кто льститъ ему и ухаживаетъ за нимъ, и слабость его къ окружающимъ доходитъ до того, что они большею частію руководятъ имъ; между тѣмъ, они—люди презрѣнные (détestables)“. Впрочемъ, въ первое время своего царствованія Екатерина была лучшаго мнѣнія о Панинѣ, хотя и сдѣлала попытку ослабить его вліяніе на сына, съ одной стороны возложивъ на него въ началѣ 1763 г. управленіе иностранной коллегіей, съ другой—пригласивъ для занятія должности воспитателя при Павлѣ француза—д'Аламбера, сочиненія котораго вызвали къ нему у Екатерины чувство уваженія. Попытка эта не удалась, вслѣдствіе отказа д'Аламбера, и Панинъ, укрѣпившись въ своемъ положеніи при Павлѣ, въ глазахъ всѣхъ сдѣлался какъ бы его опекуномъ впредь до его совершеннолѣтія. Съ тѣхъ поръ Екатерина была, по ея выраженію, „въ превеликомъ амбара́„ (затрудненіи) всякій разъ, когда дѣло шло о Павлѣ и ея мнѣнія могли не совпадать съ мнѣніями Панина, и, разумѣется, это „амбара́“ матери не могло не отражаться въ видимой холодности ея отношеній къ сыну: оно постоянно останавливало ее въ выраженіи естественныхъ ея чувствъ и мыслей. Трагизмъ исторіи Павла Петровича, въ его отношеніяхъ къ матери, и коренится въ той исторической необходимости, по которой мать его, сдѣлавшись самодержавной государыней, именно поэтому и должна была съ самаго начала держать себя въ сторонѣ отъ него и передать его воспитаніе въ чужія, завѣдомо враждебныя ей руки.

Что же за человѣкъ былъ Панинъ и какъ воспиталъ онъ молодого великаго князя?

Какъ многіе изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII в., Никита Ивановичъ Панинъ имѣетъ и панегиристовъ, и порицателей, ибо каждый изъ нихъ искалъ въ немъ лишь то, что хотѣлъ. На самомъ же дѣлѣ, личность его не поддается еще всестороннему освѣщенію, такъ какъ даже фактическая сторона его біографіи не выяснена еще во многихъ существенныхъ чертахъ. Проведя дѣтство среди прибалтійскихъ нѣмцевъ, въ Перновѣ, и усвоивъ себѣ нѣмецкія

привычки и симпатіи, Панинъ, по распущенности въ жизни, напоминалъ собою французскихъ петиметровъ; слывя за добродѣтельнаго и добраго человѣка, онъ, какъ политическій дѣятель, не чуждался самыхъ темныхъ происковъ и интригъ и часто самъ являлся орудіемъ лукавыхъ царедворцевъ; лѣность Панина, происходившая, по объясненію нѣкоторыхъ, „отъ полнокровнаго сложенія“, извѣстна была всѣмъ современникамъ, а между тѣмъ, независимо отъ должности оберъ-гофмейстера при великомъ князѣ, Панинъ, одновременно съ этимъ, былъ при „тайныхъ дѣлахъ“ и долгое время управлялъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, гдѣ при Екатеринѣ нельзя было дремать на креслѣ. Уступчивый и въ высшей степени гибкій въ сношеніяхъ съ иностранцами, Панинъ съумѣлъ двадцать лѣтъ держаться у кормила правленія при государынѣ, сына которой онъ, завѣдомо для нея, воспитывалъ въ нежелательномъ для нея направленіи; мало того, онъ былъ единственнымъ изъ ея подданныхъ, который всталъ по отношенію къ ней въ независимое положеніе, какъ негласный опекунъ ея сына. Въ довершеніе всего, на долю Никиты Ивановича Панина выпала странная судьба: не успѣвъ самъ сдѣлаться фаворитомъ при Елисаветѣ, Панинъ главною цѣлью своей дѣятельности при Екатеринѣ поставилъ борьбу противъ фаворитовъ, для вящшаго успѣха явившись покровителемъ одного изъ нихъ, Васильчикова; всегда враждебно дѣйствуя противъ Петра III, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и принявъ затѣмъ участіе въ низверженіи его съ престола, Панинъ сына его, Павла Петровича, воспиталъ въ благоговѣйномъ почитаніи его памяти, тѣмъ самымъ поселяя въ цесаревичѣ холодное отношеніе къ матери и осуждая свое собственное поведеніе. Въ одномъ нельзя было не видѣть превосходства Никиты Ивановича предъ многими другими екатерининскими вельможами: въ широкомъ, разностороннемъ образованіи и, если можно такъ выразиться, въ денежной честности.

Воспитаніе цесаревича Панинъ, съ внѣшней стороны, велъ во французскомъ духѣ, такъ какъ въ то время французскій языкъ, французская литература и французскія моды господствовали въ культурныхъ слояхъ европейскаго общества и прочно привились и у насъ при дворѣ Елисаветы. Есте-

ственно, что, по мнѣнію Панина, и Павелъ Петровичъ долженъ былъ быть воспитываемъ какъ французскій дофинъ, съ обычною обстановкой рыцарскихъ характеровъ, chevallerie и т. п. Эстетическая впечатлительность, слабонервность, съ одной стороны, поклоненіе рыцарскимъ добродѣтелямъ: великодушію, мужеству, стремленію къ правдѣ, защитѣ слабыхъ и уваженію къ женщинѣ—съ другой, навсегда привились къ натурѣ Павла. На Павлѣ сказались впослѣдствіи всѣ достоинства и недостатки французскаго воспитанія: живой, любезный, остроумный, онъ полюбилъ внѣшность, декораціи, любилъ щеголять своими костюмами и десяти, одиннадцати лѣтъ уже занятъ былъ „нѣжными мыслями“ и „махaніемъ“. Но въ то же время воспитателями и преподавателями цесаревича приглашены были Панинымъ, какъ и слѣдовало ожидать, преимущественно нѣмцы, педантически, тяжеломысленно дававшіе свои уроки и, какъ всегда, презрительно смотрѣвшіе на Россію и русскій народъ; цесаревичъ очень скучалъ ихъ уроками и даже возненавидѣлъ нѣмецкій языкъ. Счастливымъ противовѣсомъ въ ихъ вліяніи на маленькаго Павла явился законоучитель, іеромонахъ Платонъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ, и въ особенности одинъ изъ его воспитателей, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, душой предавшійся своему царственному воспитаннику и дѣлавшій все возможное, чтобы правнукъ Петра В. былъ достоинъ своего дѣда и по своему образованію, и по любви къ Россіи. Чуткій довѣрчивый, добрый, цесаревичъ очутился, самъ того не зная среди двухъ боровшихся между собою ради него теченій, и, по счастію, его тянуло болѣе къ Платону, уроки котораго навсегда утверждали въ его душѣ чувство преданности и любви къ православной вѣрѣ, и къ Порошину, близко принимавшему къ сердцу всѣ его интересы. Самъ Панинъ лично мало входилъ въ подробности первоначальнаго воспитанія Павла, ограничиваясь внѣшнимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и предоставляя главное наблюденіе за нимъ тупому „информатору“ Остервальду. По воспитательному плану Никиты Ивановича обученіе цесаревича „государственной наукѣ“ должно было начаться лишь съ 14 лѣтняго возраста, когда Павелъ Петровичъ долженъ былъ сдѣлаться его болѣе или менѣе осмысленнымъ политическимъ

орудіемъ; до этого времени лѣнивый и небрежный Панинъ не считалъ нужнымъ входить въ душевное настроеніе своего воспитанника и оттого едва было не прозѣвалъ неудобнаго для его плановъ, но постепенно возраставшаго вліянія Порошина. Онъ довольствовался тѣмъ, что постоянно присутствовалъ за обѣдомъ великаго князя, приглашая къ нему же екатерининскихъ вельможъ и кавалеровъ, преимущественно своихъ единомышленниковъ; за обѣдомъ велись рѣчи о „высокихъ государственныхъ матеріяхъ“, часто мало доступныя уму 10—лѣтняго мальчика, причемъ Панинъ иногда позволялъ себѣ „сатирически“ отзываться о дѣятельности Екатерины. Прочіе застольные собесѣдники Панина также не стѣснялись при наблюдательномъ мальчикѣ въ выраженіи мыслей и чувствъ, не всегда чистыхъ и часто не искреннихъ. Въ обществѣ этомъ, слушая споры и разсужденія взрослыхъ, мальчикъ преждевременно старѣлся, привыкая ко всему относиться недоумѣнно, подозрительно, и, будучи не въ силахъ самъ разобраться въ противорѣчіяхъ, которыя были выше его пониманія, быстро усваивалъ себѣ на лету чужое мнѣніе, почему-либо болѣе другихъ дѣйствовавшее на его впечатлительную душу, хотя столь же быстро, по той же причинѣ, мѣнялъ его часто на противоположное. Вообще въ образѣ мышленія цесаревича замѣтно было господство впечатлѣній и образовъ, а не ясно сознанныхъ идей; проявлялась въ немъ также наклонность подчиняться чуждымъ внушеніямъ—обычное послѣдствіе ранняго постояннаго общенія дѣтей со взрослыми. Лишь изрѣдка, по праздникамъ и на урокахъ танцевъ, Павелъ находился въ обществѣ сверстниковъ, изъ которыхъ особымъ его расположеніемъ пользовались племянникъ Панина, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, и графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій.

Панинъ подготовлялъ, такимъ образомъ, успѣшно почву для будущаго своего господства надъ умомъ Павла, увѣренный, что въ этомъ отношеніи руки у него совершенно развязаны, какъ вдругъ въ 1765 г. онъ узналъ, что имѣетъ надъ собой наивнаго, но опаснаго соглядатая въ лицѣ Порошина, который день за днемъ велъ „Записки“ о воспитаніи цесаревича и имѣлъ неосторожность, съ одной стороны, чи-

тать ихъ Павлу, а съ другой вступить въ открытую борьбу съ своими товарищами по воспитанію Павла, нѣмцами. Панинъ тотчасъ же удалилъ Порошина не только отъ двора, но и изъ Петербурга, какъ черезчуръ опаснаго человѣка *), и затѣмъ, не дожидаясь уже 14-лѣтняго возраста Павла, окружилъ его желѣзнымъ кольцомъ изъ своихъ клевретовъ **).

„Записки" Порошина несомнѣнно имѣютъ большой интересъ для біографіи императора Павла, рисуя правдиво и безъискусственно дѣтскіе его годы. Но, конечно, не совсѣмъ осмотрительно давать имъ первенствующее значеніе для характеристики Павла Петровича, какъ человѣка и какъ императора, что склонны дѣлать его біографы, при скудости другихъ данныхъ: въ словахъ и дѣйствіяхъ 10-лѣтняго мальчика нельзя искать объясненія всей жизни императора и ставить ему въ строку каждое лыко въ извѣстномъ направленіи. Разумѣется, въ 10—11 лѣтъ, въ возрастѣ, въ которомъ Порошинъ оставилъ Павла, не складывается ни характеръ человѣка, ни его міросозерцаніе: иначе, пришлось бы, пожалуй сдать въ архивъ не только всѣхъ педагоговъ и, въ этомъ званіи, заднимъ числомъ самого Никиту Ивановича Панина, но и всѣ, крупныя и мелкія, жизненныя условія, которыя такъ могущественно дѣйствуютъ явными и тайными путями на душу человѣка въ молодомъ и даже зрѣломъ его возрастѣ. Можно пожалѣть, напротивъ, о томъ, что „Записки" Порошина не обнимаютъ собою болѣе поздняго періода жизни Павла Петровича, когда чуткій, впечатлительный и несомнѣнно умный мальчикъ, какимъ рисуется Павелъ въ „Запискахъ" Порошина — попалъ подъ непосредственное вліяніе своего негласнаго опекуна и приступилъ къ изученію „государственной науки". Описанная

---

*) По словамъ А. Ѳ. Малиновскаго, благотворное вліяніе Порошина на Павла сознавали впослѣдствіи даже враги его: братъ Никиты Ивановича, Петръ Ивановичъ Панинъ, „всегда съ сожалѣніемъ вспоминалъ о Порошинѣ и отлученіе его почиталъ потерею для наслѣдника" (ркп. письмо Малиновскаго къ Аракчееву).

**) Подробности о воспитаніи Павла въ дѣтскіе его годы см. у *Лебедева:* „Графы Никита и Петръ Панины", Спб., 1863, *Кобеко:* „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", Спб., 1883 г., *Иконникова:* („Отчетъ о XXVII присужденіи наградъ гр. Уварова), *Шумигорскаго:* „Павелъ I" (статья въ „Біографическомъ Словарѣ И. Р. И. О).

Порошинымъ обстановка Павла въ дѣтскіе его годы даетъ однако ясное понятіе о томъ, какъ могли окружавшіе цесаревича люди относиться къ нему позже, когда мальчикъ превращался въ юношу. Объ этомъ періодѣ жизни Павла Петровича, самымъ важнымъ для его нравственнаго развитія, сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, но и по нимъ можно судить объ атмосферѣ, которою дышалъ въ это время молодой великій князь: Панинъ началъ учить его своему политическому катехизису.

Политическія убѣжденія Панина въ области внѣшней политики требовали для Россіи постояннаго, вѣчнаго союза съ Пруссіей, на которую онъ смотрѣлъ, какъ истый прибалтійскій нѣмецъ того времени, глазами вѣрноподданнаго: въ области же дѣлъ внутреннихъ Никита Ивановичъ не имѣлъ случая проявить конечныя свои стремленія. Наклонность Панина къ шведскимъ, олиграхическимъ учрежденіямъ укрѣпилась въ немъ со времени посланничества его въ Стокгольмѣ, но, потерпѣвъ крушеніе въ своей попыткѣ образовать Императорскій Совѣтъ при Екатеринѣ, въ первый годъ по восшествіи ея на престолъ, и убѣдившись затѣмъ изъ общаго хода дѣлъ по внутреннему управленію, что молодая императрица имѣетъ свою собственную политику, Никита Ивановичъ началъ исподоволь указывать лишь на необходимость водворить законность въ управленіи,—мысль, съ которой соглашались всѣ и которую, прежде всѣхъ, проводила сама императрица, созвавшая въ 1767 г. въ Москвѣ коммиссію для составленія новаго уложенія и составившая для нея свой знаменитый „Наказъ“. Но явныя, теоретическія мысли о законности находили у Панина практическое примѣненіе въ другой области, которую онъ не считалъ удобнымъ открывать Екатеринѣ: онъ считалъ, что Екатерина восшествіемъ своимъ на престолъ нарушила законныя права Павла, что о законности въ Россіи не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока верховная власть будетъ въ рукахъ „узурпатора“, подчиняющагося вліянію фаворитовъ и др. случайныхъ людей. Поэтому ближайшею практическою цѣлью Панина явилось стремленіе нравственно разъединить своего воспитанника съ его матерью, внушить ему недовѣріе къ ней и, подчинивъ его своему руководству,

открыть ему блестящую, но туманную перспективу благоденствія Россіи, когда Павелъ, въ силу той или другой случайности, вступитъ на престолъ или, яко бы по праву, сдѣлается соправителемъ матери. Короче, Панинъ дѣлалъ все возможное, чтобы увѣрить своего питомца въ невозможности согласить его интересы и даже интересы Россіи съ интересами Екатерины еще болѣе, онъ возбуждалъ въ Павлѣ сыновнюю скорбь объ участи его отца, будто бы павшаго исключительно жертвою честолюбія матери. Нечего и говорить о томъ, что, въ случаѣ успѣха, Панинъ разсчитывалъ управлять имперіей именемъ своего питомца.

Второй воспитательный періодъ жизни Павла Петровича, при этихъ условіяхъ, также не могъ привести къ благопріятнымъ для его душевнаго спокойствія результатамъ. Безпристрастный его наблюдатель, Платонъ, разсказывалъ впослѣдствіи, что „разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію; графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ; императрица сама лично никогда въ сіе не входила“: *) Павелъ росъ, такимъ образомъ, повидимому, подъ исключительнымъ надзоромъ аккуратнаго своего „информатора“ Остервальда. Но, при кажущейся безпечности, Панинъ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы цесаревичъ не вышелъ изъ-подъ его вліянія. Что Панинъ не брезгалъ для этого никакими средствами, можно видѣть изъ его отношеній къ самой императрицѣ, которую онъ, пользуясь ея довѣріемъ къ себѣ въ дѣлахъ, рѣшался обманывать для достиженія своихъ политическихъ цѣлей даже въ болѣе мелкихъ случаяхъ, утаивая отъ нея документы, давая ложныя объясненія и не останавливаясь даже предъ клеветой. **) Въ XVIII в., болѣе чѣмъ когда-либо со временъ Маккіавелли личная честность въ дѣлахъ политическихъ на языкѣ государственныхъ людей называлась глупостію.

По воспитательному плану Панина, великій князь долженъ былъ въ это время „приступить къ прямой государственной наукѣ, т. е. къ познанію коммерціи казенныхъ дѣлъ, поли-

---

*) „Автобіографія Платона, митрополита Московскаго“, 30.
**) *Бильбасовъ:* „Историческія монографіи“, IV, 74—81.

тики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства". На самомъ дѣлѣ „познаніе" это, какъ и многія другія прекрасныя слова Панина, осталось въ существенныхъ своихъ частяхъ только на бумагѣ. Цесаревичъ лишь впослѣдствіи, самостоятельно, путемъ чтенія и размышленія, уяснялъ себѣ „государственную науку". Свидѣтельствуютъ объ этомъ цѣлые томы собственноручныхъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ прочитанныхъ имъ лучшихъ произведеній европейской литературы и сохранившихся до настоящаго времени въ библіотекѣ Павловскаго дворца. Преимущественной заботой Панина было дать „политическимъ мыслямъ" своего воспитанника извѣстное направленіе. Каково было это направленіе—легко опредѣлить, назвавъ лицъ, которые окружали Павла и, прямо или косвенно, знакомили его съ „государственной наукой": все это были единомышленники или клевреты Никиты Ивановича, не менѣе, чѣмъ самъ онъ „сатирически" относившіеся къ дѣятельности Екатерины. То были главнымъ образомъ: братъ Никиты Ивановича, генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ, не скрывавшій своего убѣжденія, что править Россіею долженъ „прирожденный государь мужскаго пола, который могъ-бы заниматься обороной государственной", т. е. военной частію; то былъ извѣстный интриганъ и политическій талантъ - проходимецъ, Тепловъ, участникъ восшествія на престолъ Екатерины, присутствовавшій при кончинѣ Петра III въ Ропшѣ и допущенный Панинымъ къ Павлу какъ единомышленникъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ Екатерины; то былъ, наконецъ, ближайшій другъ Панина, наглый голштинскій выходецъ, „искатель счастья и чиновъ", Сальдернъ, который самъ охарактеризовалъ себя однажды, за обѣдомъ, великаго князя, словами обращенными къ графу Строганову: „вы тѣ интриги крупными называете, кои я весьма мелкими почитаю". Въ этой обстановкѣ положена была основа политическаго міросозерцанія Павла Петровича: критическое отношеніе къ правительственной дѣятельности матери, сочувствіе къ личности отца, бывшаго будто-бы лишь жертвой „дурныхъ импрессій", и признаніе важнаго значенія „военныхъ мелкостей" на прусскій образецъ; въ то же время душа самолюбиваго

и впечатлительнаго великаго князя отравлена была смутнымъ чувствомъ боязни и подозрительности къ государынѣ-матери; взглядъ Никиты Панина, что Екатерина явилась похитительницей трона, въ ущербъ правамъ сына, естественно, по мѣрѣ развитія жажды дѣятельности въ Павлѣ, — не могъ не находить сочувственнаго отклика въ тайникахъ его сердца. Такъ, въ нѣжномъ еще возрастѣ, Павелъ переживалъ въ своей душѣ тяжелую драму, являясь невольнымъ выраженіемъ дворскихъ и общественныхъ настроеній.

Какъ часто бываетъ, однако, вмѣстѣ съ ядомъ нечувствительно дано было Павлу его воспитателями и противоядіе. „Сатирическое“ отношеніе къ Екатеринѣ и ея дѣятельности всегда обосновывалось чувствомъ „законности“, „страданіями вѣрнѣйшихъ и усерднѣйшихъ сыновъ отечества“, т. е. всего народа, — и Павелъ постепенно привыкалъ ставить законъ и благо народа во всемъ его цѣломъ, внѣ общественныхъ классовъ, выше всѣхъ случайныхъ факторовъ; слыша о дворскихъ и гвардейскихъ смутахъ и переворотахъ, произведенныхъ высшимъ дворянствомъ, Павелъ Петровичъ проникался сознаніемъ, что благо народное можетъ быть обережено лишь полнотою монархической власти, а не санкціей олигархическихъ вожделѣній его воспитателя. Внутренняя борьба, происходившая въ великомъ князѣ, облегчалась для него, кромѣ того, высокоразвитымъ религіознымъ чувствомъ: по свидѣтельству его законоучителя Платона, „оно внѣдрено было въ него императрицей Елисаветой Петровной и приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами“ *) и упрочено было самимъ Платономъ, такъ что „вольтеріанство“ екатерининскихъ вельможъ, по счастію, не заразило души великаго князя. Религіозное чувство великаго князя служило для него также мѣриломъ его поведенія по отношенію къ матери и окружавшимъ его людямъ, въ тѣхъ особенно случаяхъ, гдѣ жизнь и политика представляли не мало искушеній дѣйствовать несогласно съ христіанской моралью, допуская для слабой совѣсти возможность компромиссовъ... Тѣмъ не менѣе, эта постоянная работа мысли, постоянная необходи-

*) Автобіографія Платона, митрополита Московскаго М., 1887, 30.

мость сдерживаться, скрывать свои чувства, не могли пагубнымъ образомъ не влiять на психическiй строй юноши, который съ дѣтства отличался „остротой своего ума“, былъ „горячъ и развлекателенъ“: чѣмъ болѣе и продолжительнѣе онъ сдерживался, тѣмъ сильнѣе были его вспышки; веселое, живое его остроумiе часто отзывалось желчью; природная довѣрчивость смѣнялась, по отношенiю къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, чрезвычайной подозрительностiю, а боязнь умалить свое значенiе дѣлала его иногда не въ мѣру гордымъ и притязательнымъ. Въ концѣ концовъ, у юноши, отъ природы добраго, веселаго, начали проявляться припадки меланхолiи...

По отзывамъ современниковъ, на сколько смѣли они судить по внѣшности, великiй князь производилъ вообще самое благопрiятное впечатлѣнiе: дурныя черты характера цесаревича, не смягченныя воспитанiемъ, и созданныя воспитанiемъ, и окружающей обстановкой больныя мѣста въ нравственномъ его обликѣ нелегко было замѣтить постороннему глазу. Записки Порошина, относящiяся къ дѣтскому перiоду жизни Павла Петровича, и показанiя Платона,—двухъ лицъ, любившихъ царственнаго своего питомца, но не скрывавшихъ недочетовъ въ его воспитанiи,—даютъ намъ достовѣрный, хотя и ограниченный матерiалъ для исторiи этого воспитанiя, но не выясняютъ вполнѣ его результатовъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для потомства являются замѣчанiя о немъ случайнаго свидѣтеля, познакомившагося съ цесаревичемъ тотчасъ по завершенiи его образованiя, безспорно умнаго и тонкаго наблюдателя, искренно желавшаго добра Екатеринѣ и ея сыну. Наблюдателемъ этимъ былъ знаменитый философъ-энциклопедистъ Дидро, проведшiй въ 1773—1774 гг. нѣсколько мѣсяцевъ при дворѣ Екатерины. Послѣ знакомства своего съ Павломъ Петровичемъ, Дидро отмѣтилъ, самъ того не зная, именно тѣ дурныя слѣдствiя воспитанiя великаго князя, которыя завѣдомо выращивалъ такъ долго Панинъ и которыя впослѣдствiи мучительно отзывались на Павлѣ въ теченiе всей его жизни. „Да не ѣздитъ никогда императрица въ Царское Село безъ своего сына, да никогда сынъ не возвращается безъ нея!“ пророчески восклицаетъ онъ въ своемъ трудѣ: „Principes de politique des souverains“, написанномъ тотчасъ

по возвращеніи изъ Россіи. Десятью годами ранѣе поѣздки своей въ Петербургъ Дидро служилъ для Екатерины посредникомъ въ дѣлѣ приглашенія Даламбера, сухого ученаго, въ воспитатели къ Павлу, но, познакомившись въ Петербургѣ поближе съ дѣломъ, Дидро тономъ глубокаго убѣжденія говорилъ всѣмъ не стѣсняясь, даже самой императрицѣ: „Даламберъ не былъ пригоденъ для воспитанія цесаревича; не Даламбера слѣдовало пригласить, а Гримма, друга моего Гримма!“ *) Гриммъ, литературный корреспондентъ Екатерины могъ имѣть, какъ воспитатель Павла, единственное преимущество: онъ главнымъ образомъ старался бы создать наилучшія отношенія сына къ матери. Замѣтимъ кстати, что къ отзывамъ о Павлѣ иностранцевъ, въ особенности дипломатовъ, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностію: Павелъ раздѣлялъ симпатіи своего воспитателя къ Пруссіи и отчужденіе его отъ Франціи; поэтому, въ донесеніяхъ своимъ правительствамъ, французскіе дипломаты столь же неумѣренно унижали великаго князя, сколько прусскіе—его восхваляли **).

Дидро былъ въ Петербургѣ какъ разъ въ то время, когда сокровенныя цѣли многихъ дворскихъ людей—сдѣлать Павла орудіемъ честолюбивыхъ своихъ происковъ, въ ущербъ императрицѣ,—выяснились уже съ достаточною опредѣленностію. Когда въ 1772 г. великій князь достигъ совершеннолѣтія, враги Екатерины разсчитывали, что онъ будетъ допущенъ въ той или другой формѣ къ соучастію въ управленіи государ-

*) Puisse l'Impératrice n'aller jamais à Sarskoselo sans son fils! puisse son fils n'en revenir jamais sans elle!“—*Бильбасовъ:* „Историческія монографіи“, IV, 352—353.

**) Для примѣра укажемъ отзывы о Павлѣ за одно и то же время французскаго посланника, Дюрана, и его прусскаго товарища, графа Сольмса. *Дюранъ:* „Воспитаніе цесаревича пренебрежено совершенно, и это исправить невозможно, если только природа не сдѣлаетъ какого-либо чуда... Здоровье и нравственность великаго князя испорчены въ конецъ“. (Донесеніе отъ 25-го августа 1773 г.). *Сольмсъ:* „Цесаревичъ очень красивъ лицомъ, разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ, веселаго нрава. Подъ этой прекрасной оболочкой скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ самой отталкивающей стороны и вообще свѣдуща о дурномъ лишь на столько, на сколько это нужно для того, чтобы вооружиться рѣшимостью избѣжать его самому и не одобрять. Словомъ, невозможно сказать довольно въ похвалу великому князю“. (Письмо 1773 г. барону Ассебургу).

ствомъ. На самомъ дѣлѣ Екатерина вовсе не думала поступаться въ чью-бы то ни было пользу хотя бы долей своей власти, и день совершеннолѣтія Павла, на который особенно въ этомъ смыслѣ разсчитывала враждебная Екатеринѣ партія, прошелъ какъ и всѣ будничные дни; императрица съ умысломъ не отмѣтила его даже какимъ-либо чисто внѣшнимъ знакомъ вниманія къ великому князю, чтобы не подать повода къ излишнимъ толкамъ о его правахъ. Павелъ получилъ лишь возможность исполнять канцелярскія обязанности по званію генералъ-адмирала и командовать кирасирскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ; *) оба эти званія были пожалованы Павлу еще въ 1762 г.; кромѣ того, отъ времени до времени, Екатерина приглашала сына присутствовать при разборѣ почты и на нѣкоторыхъ докладахъ. „Усерднѣйшіе и вѣрнѣйшіе дѣти отечества", какъ именовали себя сторонники великаго князя, очутились теперь въ большомъ затрудненіи, что имъ дѣлать. Самъ Павелъ Петровичъ, по убѣжденію и по чувствамъ, былъ врагомъ какого-бы то ни было насильственнаго переворота въ свою пользу, Никита Ивановичъ Панинъ, по характеру своему, не былъ способенъ ни къ какому рѣшительному дѣйствію, а братъ его, Петръ Ивановичъ, вынужденный жить въ Москвѣ по неудовольствію на императрицу, могъ изливать свое негодованіе лишь тѣмъ, что, по донесенію московскаго главнокомандующаго, кн. Волконскаго, „много и дерзко болталъ, хотя такого не было слышно, чтобы клонилось къ какому бы дерзкому предпріятію": послѣ десятилѣтняго царствованія Екатерина, какъ оказалось, сидѣла на тронѣ на столько прочно, что даже „персональные ея оскорбители" не видѣли и отдаленной возможности для какого бы то ни было „дѣйства" противъ нея. Одинъ лишь Сальдернъ, помимо Панина, пробовалъ внушить Павлу Петровичу мысль о необходимости требовать отъ

*) Еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, по разсказу Порошина, Павелъ пришелъ въ сильное раздраженіе, когда въ собраніи печатныхъ указовъ императрицы онъ не нашелъ указа о своемъ пожалованіи въ это званіе, что объяснили ему случайностію. Разумѣется, впослѣдствіи онъ понялъ, что случайность эта была предумышленная.

императрицы нѣкоторой доли для себя въ управленіи государствомъ; цесаревичъ обратился тогда за совѣтомъ къ Панину. Но въ это время палъ уже ненавистный Панину фаворитъ Екатерины, Орловъ, и его мѣсто заступилъ креатура самого Панина, Васильчиковъ; притомъ, старый царедворецъ слишкомъ хорошо зналъ, что такое требованіе, не опирающееся ни на какую реальную силу, можетъ повести лишь къ противоположнымъ результатамъ, и рѣшительно воспротивился настояніямъ Сальдерна, хотя и скрылъ его дѣйствія отъ Екатерины, боясь, очевидно, навести ее на многія непріятныя для себя мысли. Павелъ, въ минуту откровенности, желая предостеречь мать отъ Сальдерна, самъ разсказалъ ей о его внушеніяхъ, и съ той минуты участь Панина, въ умѣ проницательной императрицы, была рѣшена: она положила „очистить свой домъ", по ея выраженію, освободивъ сына отъ опеки хитраго воспитателя. Единственнымъ прямымъ результатомъ интриги Сальдерна было заключеніе съ Даніей въ 1773 г. трактата, по которому Павелъ Петровичъ уступилъ ей родовыя свои владѣнія: Шлезвигъ и Голштинію, въ обмѣнъ на графство Ольденбургъ и Дельменгорстъ, переданныя имъ затѣмъ коадьютору Любскому Фридриху—Августу, представителю младшей линіи голштинскаго дома.

Задумавъ женить сына и освободить его отъ вліянія Панина, императрица сблизилась съ нимъ и старалась пріобрѣсти его довѣріе. Не понимая хорошо ни матери, ни своего воспитателя, юный Павелъ видимо считалъ возможнымъ сохранить добрыя отношенія съ ними обоими, болѣе всего дорожа лишь душевнымъ своимъ спокойствіемъ и радуясь перемѣнѣ отношеній къ нему Екатерины. „Я составилъ себѣ, писалъ онъ другу дѣтства своего, гр. Андрею Разумовскому,— планъ поведенія на будущее время, который изложилъ графу Панину и который онъ одобрилъ (sic),—это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуацій и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ... Отсутствіе иллюзій, отсутствіе

безпокойства, поведеніе ровное и отвѣчающее лишь обстоятельствамъ, которыя могли бы встрѣтиться, вотъ мой планъ: счастливъ буду, если мнѣ удастся мой или, вѣрнѣе, нашъ общій проектъ... Я обуздываю свою горячность, на сколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставлять работать мой умъ и примѣнять къ дѣлу мои мысли... Не переходя въ сплетничанье, я сообщаю графу Панину обо всемъ, что представляется мнѣ двусмысленнымъ или сомнительнымъ" *). Разумовскій одобрилъ эти мысли цесаревича, въ тайной надеждѣ занять постепенно мѣсто Панина въ умѣ и сердцѣ цесаревича...

Панинъ однако не думалъ еще сдаваться, думая заручиться содѣйствіемъ будущей супруги своего воспитанника, при помощи друга своего Фридриха II, короля прусскаго, взявшаго на себя роль свата невѣсты наслѣднику русскаго престола: втайнѣ отъ императрицы, онъ давалъ свои инструкціи ея агенту, Ассебургу, посланному въ Германію для выбора невѣсты; сдѣлать это было тѣмъ легче, что Ассебургъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преданнымъ слугою Фридриха II и также получалъ отъ него инструкціи. Объ этой интригѣ Екатерина узнала, и то лишь отчасти, только тогда, когда, по указанію Фридриха, выборъ невѣсты для Павла Петровича былъ уже предрѣшенъ **). Ландграфиня Гессенская съ тремя своими дочерьми прибыла въ Россію 6 іюня 1773 г., и выборъ цесаревича палъ на заранѣе предназначенную ему Панинымъ и Фридрихомъ II среднюю принцессу, Вильгельмину, принявшей въ православіи имя Наталіи Алексѣевны. Бракосочетаніе цесаревича съ нею совершено было 29 сентября 1773 г., но еще недѣлей ранѣе графъ Никита Панинъ, при милостивомъ рескриптѣ, уволенъ былъ отъ должности оберъ-гофмейстера великаго князя. Въ знакъ признательности за воспитаніе сына Екатерина осыпала Панина чрезвычайными наградами, какъ бы желая позолотить пилюлю; съ своей стороны, Панинъ, въ видѣ нѣкоторой демонстраціи, значительную часть пожалованныхъ ему помѣстій подарилъ

*) *Васильчиковъ:* „Семейство Разумовыхъ".

**) Подробности у *Кобеко*, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ" и у *Шумигорскаго:* „Императрица Марія Θеодоровна", I.

тремъ секретарямъ своимъ, въ томъ числѣ извѣстному Д. И. Фонвизину на томъ основаніи, что они раздѣляли труды его. „Домъ мой очищенъ, писала Екатерина, или почти очищенъ; всѣ кривляне произошли, какъ я предвидѣла, но, однако-жъ, воля Господня совершилась“.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ моментъ былъ единственный въ исторіи отношеній Екатерины къ сыну, когда обѣ стороны воодушевлены были лучшими намѣреніями по отношенію другъ къ другу, и сама супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна, вопреки ожиданіямъ Панина и Фридриха II, способствовала этой семейной гармоніи, такъ какъ великій князь привязался къ ней со всѣмъ пыломъ своего впечатлительнаго сердца, а она окружала императрицу всѣми знаками своего вниманія и преданности. „Я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына, сказала она однажды, и отнынѣ всю жизнь употреблю на то, чтобы отплатить ей за эту услугу“. Назначая состоять при дворѣ великаго князя для исполненія гофмаршальскихъ обязанностей генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова, Екатерина писала сыну: „Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убѣждена въ томъ; но вы очень молоды, общество смотритъ на васъ во всѣ глаза, а оно—судья строгій. Во всѣхъ странахъ не дѣлаютъ различія между молодымъ человѣкомъ и принцемъ: поведеніе перваго, къ несчастію, слишкомъ часто служитъ къ помраченію славы второго. Съ женитьбой кончилось ваше воспитаніе; отнынѣ невозможно оставлять васъ въ положеніи ребенка и въ двадцать лѣтъ держать васъ подъ опекою; общество увидитъ васъ одного и съ жадностію слѣдить будетъ за вашимъ поведеніемъ. Въ свѣтѣ все подвергается критикѣ: не думайте, чтобы пощадили васъ, либо меня. Обо мнѣ скажутъ: она предоставила этого неопытнаго молодого человѣка самому себѣ, на его страхъ; она оставляетъ его окруженнымъ молодыми и льстивыми царедворцами, которые развратятъ и перепортятъ его умъ и сердце; о васъ же будутъ судить смотря по благоразумію или неосмотрительности вашихъ поступковъ; но подождите немного. Это мое дѣло вывести васъ изъ затрудненія и унять это общество и льстивыхъ и болтающихъ царедворцевъ, которые желаютъ, чтобы вы были

Катономъ въ двадцать лѣтъ и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы имъ сдѣлались. Вотъ что я должна сдѣлать: я опредѣлю къ вамъ генерала Салтыкова, который, не имѣя званія гофмаршала вашего двора, будетъ исполнять его обязанность, какъ вы увидите изъ прилагаемой записки, въ которой я подробно перечисляю его обязанности. Сверхъ сего, приходите ко мнѣ за совѣтомъ такъ часто, какъ признаете въ томъ необходимость; я скажу вамъ правду со всею искренностію, къ какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольнымъ, выслушавъ ее, понимаете? Вдобавокъ, чтобы основательнѣе занять васъ, къ удовольствію общества, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ *одинъ* для выслушанія бумагъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, съ законами страны и моими правительственными началами. Устраиваетъ это васъ?“ *).

И содержаніе, и тонъ этого чисто материнскаго письма должны были казалось „устроить“ цесаревича. Мало того, не умѣя быть искреннимъ въ половину, онъ самъ сообщилъ матери, что камергеръ Матюшкинъ истолковывалъ ему и великой княгинѣ назначеніе Салтыкова желаніемъ императрицы имѣть шпіона при маломъ дворѣ. Разумѣется, что императрица была возмущена этой попыткой Матюшкина „положить руку между коркой и деревомъ“ и „поссорить мать съ сыномъ и государыню свою съ наслѣдникомъ“. Но эти интриги придворныхъ, сами по себѣ ничтожныя, должны были повторяться и въ будущемъ: причины разлада между Екатериной и Павломъ лежали глубже, чѣмъ предполагалъ это самъ Павелъ, и, употребляя сравненіе Екатерины, класть руку между деревомъ и коркою“ было возможно только потому, что между ними давнымъ-давно образовалась пустота. Въ концѣ концовъ поняла это и Екатерина.

Возмужалый сынъ, въ глазахъ многихъ законный наслѣдникъ отца своего, Петра III, жаждалъ дѣятельности, участія въ государственныхъ дѣлахъ; мать, съ своей стороны, не желала и даже не могла, по условіямъ своего положенія, до-

*) Р. Арх., 1864, 485.

пустить сына къ соучастію въ управленіи государствомъ: надежды враговъ Екатерины, связанныя съ именемъ Павла, его характеръ, прямой и горячій, не давали возможности даже приблизительно указать предѣлъ, до котораго могло бы дойти въ будущемъ это соучастіе; между тѣмъ права, данныя Павлу разъ, не могли бы быть уже отняты отъ него безъ потрясеній. Уже въ письмѣ по поводу назначенія Салтыкова, разрѣшая цесаревичу являться къ себѣ на часъ или два въ недѣлю для занятій государственными дѣлами, императрица нечувствительно выразила свои опасенія: она созналась, во-первыхъ, что эти занятія были бы „къ удовольствію общества“ и, во-вторыхъ, ограничила эти занятія бесѣдами глазъ на глазъ, требуя, чтобы сынъ приходилъ къ ней „одинъ“. Это было, слѣдовательно, не участіе въ управленіи государствомъ, а слушаніе лекцій по этому управленію,—лекцій, безъ сомнѣнія драгоцѣнныхъ для будущаго русскаго государя, если бы онъ не былъ воспитанъ тайнымъ недоброжелателемъ Екатерины, „сатирически“ относившимся къ ея дѣйствіямъ. На лекціи эти Павелъ долженъ былъ смотрѣть какъ на продолженіе своего образованія во второмъ періодѣ своего воспитанія и, безъ сомнѣнія, скучалъ по практической дѣятельности, отмѣчая въ государственныхъ бесѣдахъ съ матерью главнымъ образомъ лишь пункты своего несогласія съ нею; сама Екатерина, при обмѣнѣ мыслей съ сыномъ, также должна бы вынести убѣжденіе, что ея политическіе взгляды совершенно противоположны его взглядамъ. Бесѣды эти были притомъ, очевидно, односторонни, ограничиваясь текущими дѣлами: императрица не посвящала сына въ свои планы, не довѣряла ему дѣлъ, считавшихся государственною тайною, быть можетъ предполагая и не безъ основанія, что великій князь будетъ дѣлиться этими сообщеніями съ Панинымъ *). Что самъ Павелъ Петровичъ не придавалъ бесѣдамъ съ матерью особаго, практическаго значенія для подготовки къ управленію государствомъ, видно изъ того, что, по вступленіи своемъ на престолъ, онъ допустилъ своего наслѣдника, въ томъ же 20-лѣтнемъ возрастѣ, къ широкому участію въ

*) *Шумигорскій:* „Императрица Марія Θеодоровна“ I, 197, 255.

государственныхъ дѣлахъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Между тѣмъ, самъ Павелъ не могъ быть допущенъ матерью даже въ совѣтъ при высочайшемъ дворѣ: здѣсь, при своемъ горячемъ и открытомъ характерѣ, Павелъ волей-неволей очутился бы во главѣ оппозиціи, сдѣлался бы орудіемъ партіи, враждебной императрицѣ, привлекъ бы на себя общественное вниманіе и, кто знаетъ, въ пылу борьбы, при всемъ уваженіи своемъ къ законности, нечувствительно втянутъ бы былъ своими сторонниками въ какое-либо „дѣйство". Въ этомъ отношеніи Екатерина была права съ своей точки зрѣнія, твердо помня прошедшее и какъ бы предугадывая будущее... Съ этой точки зрѣнія, даже искренность отношенія къ ней сына, доказанная изобличеніемъ интригъ Сальдерна и Матюшкина, не имѣла для нея цѣны, хотя, съ другой стороны, она была для нея весьма полезна, уясняя сторонникамъ правъ цесаревича, какъ мало могли они довѣрять его сдержанности, если касались его чувствъ. Практически дѣло сводилось къ тому, что великій князь продолжалъ командовать кирасирскимъ полкомъ и подписывалъ бумаги адмиралтействъ-коллегіи, по званію своему генералъ-адмирала: флоту онъ не смѣлъ показываться и имъ на дѣлѣ никогда не командовалъ.

Впрочемъ, какъ бы лично мать съ сыномъ ни старались поладить между собой, установивъ соглашеніе на взаимныхъ уступкахъ—Екатерина была не одна: ее окружали ее поддерживали ея „пособники", бывшіе враги Петра III, память котораго сыновне чтилъ цесаревичъ. Для нихъ призваніе Павла къ дѣятельности было бы громовымъ ударомъ, источникомъ постоянныхъ тревогъ за настоящее и будущее: при искренности цесаревича, ни для кого не было тайной, что Панинъ, самъ не послѣдній участникъ переворота 1762 г., успѣлъ, съ цѣлью унизить Екатерину, внушить своему воспитаннику, что, Петръ III принялся заводить порядокъ, но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность можетъ быть была у него въ характерѣ и отъ нея дѣлалъ многія вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ по-

рочный видъ старались дать“ *). Въ лицѣ Павла Петровича нарождался для дѣятелей 1762 г. грозный судья и мститель... Кто изъ совѣтниковъ императрицы не предпочелъ бы видѣть сына ея возможно далѣе подальше отъ дѣлъ? Не являлось ли это лучшимъ средствомъ не вызывать опасной памяти о столь еще недавнемъ прошломъ?

Тѣнь Петра III вставала въ это время сама собою въ грозномъ возстаніи на далекомъ Яикѣ. Чрезъ недѣлю послѣ бракосочетанія Павла Петровича съ Наталіей Алексѣевной въ Петербургѣ разнеслась вѣсть о появленіи самозванца—Пугачева, принявшаго на себя имя покойнаго императора и призывавшаго къ себѣ любезнаго сына—Павла Петровича. Существуютъ достовѣрныя свидѣтельства самой Екатерины, что цесаревичъ строго, строже чѣмъ она сама, относился къ бунту и его руководителямъ. Но не менѣе достовѣрно и то, что самая форма бунта, появленіе самозванца и народное противопоставленіе интересовъ великаго князя интересамъ императрицы, должны были повести къ частымъ весьма щекотливымъ объясненіямъ между матерью и сыномъ или къ столь же частымъ и не менѣе щекотливытъ умолчаніямъ. Ближайшимъ совѣтникомъ императрицы сдѣлался въ это время Потемкинъ, и на ряду съ нимъ цасаревичъ чувствовалъ себя при матери на заднемъ планѣ. Павелъ слушалъ лекціи, а ходъ событій направляемъ былъ рукою счастливаго временщика. Павелъ желалъ доказать и свои способности къ занятіямъ государственными дѣлами и въ 1774 г. представилъ матери свое „Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ“. Павелъ доказывалъ, что наступательныя войны, которыя вела Россія, вредно отзываются на ея благосостояніи, что военная система государства должна имѣть цѣлью лишь оборону его и что, для избѣжанія злоупотребленій, вся высшая власть должна быть подвергнута строгой регламентаціи. По существу своему „Разсужденіе“ Павла было критикой Екатерининскаго царствованія, бывшей отзвукомъ рѣчей Панина, а въ чисто-военной части—пробой преобразованія русской арміи по прусскому образцу. Чувствуя, вѣроятно, что „Разсужденіе“ его не понравится императрицѣ и не будетъ одобрено Потем-

кинымъ, занимавшимъ постъ президента военной коллегіи, цесаревичъ заканчивалъ свой трудъ слѣдующими задирательными по отношенію къ совѣтникамъ Екатерины словами: „Совершилъ намѣреніе сдѣлать себя полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе забывъ первые два подвига (т. е. усердіе и любовь къ отечеству), заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ (т. е. пристрастію и корысти), и что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ“ *).

„Разсужденіе“ цесаревича могло только укрѣпить Екатерину въ ея мысли держать сына вдали отъ дѣлъ, не щадя его самолюбія: какъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ страдать Павелъ при мысли, что въ единственной отрасли государственной дѣятельности, въ которой, по его мнѣнію, Екатерина, какъ женщина, не могла лично входить въ распоряженія, — въ военномъ дѣлѣ, — главнымъ ея помощникомъ являлся не онъ, единственный сынъ и законный наслѣдникъ, а простой смертный и, притомъ фаворитъ! Мало того, Екатерина, вѣроятно не безъ умысла, подчеркнула обидное для Павла предпочтеніе: 21 апрѣля 1774 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, празднуя день своего рожденія, она подарила сыну недорогіе часы, а Потемкину 50 тысячъ рублей, — сумму, которую цесаревичъ давно просилъ для уплаты своихъ долговъ; лишь 29 іюня, въ день именинъ Павла, просьба его была удовлетворена и то лишь частію: ему пожаловано было 20 тысячъ. Отсюда — ненависть Павла къ Потемкину, подогрѣваемая Панинымъ, звѣзда котораго и на дипломатическомъ поприщѣ окончательно померкла въ лучахъ славы баловня счастія; отсюда мрачность и раздражительность великаго князя, бросавшаяся въ глаза постороннимъ наблюдателямъ; отсюда, наконецъ, стремленіе удаляться императрицы и замыкаться въ своемъ семейномъ кругу, гдѣ онъ чувствовалъ себя, повидимому, вполнѣ счастливымъ.

Современники, единогласно, свидѣтельствуютъ, что, при крайней впечатлительности, Павелъ Петровичъ въ юношескую

пору жизни не обнаруживалъ признаковъ твердаго характера *). Привязавшись душою къ супругѣ своей, великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ, женщинѣ гордой и честолюбивой, онъ подчинился ея вліянію, не замѣчая, что сама Наталія Алексѣевна постепенно приблизила къ себѣ камергера гр. Андрея Разумовскаго, злоупотребившаго довѣріемъ цесаревича, который считалъ его лучшимъ своимъ другомъ. Подъ вліяніемъ жены и Разумовскаго, дружившаго съ французскимъ посольствомъ, Павелъ началъ удаляться отъ Никиты Ивановича Панина, а затѣмъ, когда между великой княгиней и императрицей произошло охлажденіе, Павелъ Петровичъ, подчиняясь супругѣ, также началъ держать себя болѣе самостоятельно, болѣе активно, чѣмъ прежде, выражая свое неудовольствіе различными выходками. Современники были убѣждены, что великая княгиня думала о государственномъ переворотѣ, пользуясь именемъ своего супруга, и считали ее вполнѣ на то способною **). Въ сущности Павелъ Петровичъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ жены и Разумовскаго. Графъ Никита Пининъ, по собственному свидѣтельству, „съ окровавленнымъ сердцемъ видѣлъ его погружающимся въ послѣдующія бѣдствія", вслѣдствіе сильнаго дѣйствія зараженія мыслей", которое „великое неправосудіе производитъ во многихъ его дѣяніяхъ и отнимаетъ у него свободу пользоваться своимъ просвѣщеннымъ разсудкомъ и добродѣтельной душою". „Онъ не былъ бы столь несчастно обманутъ, разсуждалъ Панинъ, если бы предался, вопреки ослѣпляющему его зараженію, вѣрнѣе и счастливѣе разсматривать все чистыми глазами, а не зараженной мыслію, гдѣ уже все то скрывается, что долженствуетъ зараженію противоборстворать, а отъ сего натуральнымъ образомъ и происходитъ слѣпое себя преданіе въ руки людей невѣрныхъ съ доскональнымъ затвореніемъ къ отверстію глазъ и разсудка (sic) ***). Павелъ Петровичъ прозрѣлъ лишь послѣ вне-

*) См. наприм. отзывъ *Гунинга* и *Корберона:* „Un diplomate français à la Cour de Catherine II (1775—1780). — Journal intime du chevalier de Corberon, I, 245: Le grand duc non seulement est d'un caractere faible, mais il n'en a point du tout".

**) „Si celle—là ne fait pas une révolution, personne n'en fera". Corberon, II, 19.

***) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, X, 447.

запной кончины Наталіи Алексѣевны отъ родовъ въ апрѣлѣ 1774 г.; въ шкатулкѣ великой княгини Екатерина нашла письма къ покойной Разумовскаго и сообщила ихъ сыну... Ударъ былъ жестокій, но, по словамъ Панина, „перемѣнилъ чувства супруга и подалъ всему двору утѣшеніе въ сей потерѣ“. Павелъ Петровичъ не возражалъ матери противъ ея мысли о новомъ бракѣ его, съ принцессой Софіей-Доротеей Виртембергской. Братъ Фридриха II, принцъ Генрихъ Прусскій, случайно бывшій въ это время въ Петербургѣ, предложилъ свои услуги, какъ сватъ, и затѣмъ Павелъ уѣхалъ въ Берлинъ для свиданія съ избранной ему невѣстой. Екатерина въ этомъ случаѣ вновь показала себя нѣжной матерью: она страстно желала имѣть внуковъ.

Въ Берлинѣ, куда Павелъ Петровичъ явился съ пышной свитой, во главѣ которой находился самъ фельдмаршалъ Румянцевъ, король-философъ принялъ его съ особыми почестями и вниманіемъ: Фридрихъ хотѣлъ навсегда заполонить сердце наслѣдника русскаго престола и привязать Россію къ прусской колесницѣ. Семья невѣсты Павла Петровича, многочисленная и бѣдная, также давно находилась на попеченіи Фридриха и вполнѣ подчинялась его вліянію. Отецъ принцессы Софіи-Доротеи, герцогъ Фридрихъ-Евгеній, долгое время былъ на прусской службѣ и только въ 1769 г. сдѣлался намѣстникомъ небольшого виртембергскаго владѣнія, съ городомъ Монбельяромъ, на границѣ Франціи; мать ея была принцесса бранденбургъ-шведтскаго дома, всѣ владѣнія котораго заключались въ небольшомъ городкѣ Шведтѣ, расположенномъ вблизи Берлина. Принцесса Софія-Доротея, 17 лѣтняя, красивая, но не бывавшая еще при большихъ дворахъ дѣвушка, сразу плѣнила великаго князя своими семейными привычками, простотою, кроткимъ, привязчивымъ характеромъ, противопожнымъ характеру покойной великой княгини, Софія-Доротея также была въ восторгѣ какъ отъ своего жениха, такъ и отъ ожидавшей ее блестящей будущности, которой она никакъ не ожидала, воспитываясь въ Монбельярѣ. Среди увеселеній и парадовъ, на которыхъ Фридрихъ показывалъ воспитаннику Панина свое войско, дѣло было быстро рѣшено, и Павелъ уѣхалъ изъ Пруссіи, очарованный всѣмъ, что онъ видѣлъ въ

ней, и давъ Фридриху клятву въ вѣчной дружбѣ. Уѣзжая Павелъ Петровичъ высказалъ однако одну черту своего воспитанія, далеко оставившую за собою нѣмецкіе свои образцы: онъ счелъ нужнымъ оставить своей невѣстѣ для ознакомленія инструкцію, гдѣ подробно указаны были его желанія относительно ея образа жизни и поведенія по вступленіи въ бракъ. Замѣчательно, что въ этомъ своеобразномъ сочиненіи Павелъ самъ сознавался въ своей горячности и вспыльчивости, заранѣе прося снисхожденія къ этимъ своимъ недостаткамъ; но въ то же время обнаружилъ стремленіе къ методичности и порядку въ образѣ жизни и къ соблюденію строгой лойяльности въ отношеніи императрицы и всѣхъ окружающихъ, указывая, что къ этому вынуждаетъ ее примѣръ покойной великой княгини. Стряхнувъ съ себя иго подчиненія Наталіи Алексѣевнѣ, цесаревичъ радъ былъ видѣть, наконецъ, въ невѣстѣ своей существо, готовое повидимому во всемъ слѣдовать его волѣ.

По пріѣздѣ принцессы Софіи въ Петербургъ, она приняла православіе и наречена была Маріей Ѳеодоровной; затѣмъ, 26 сентября 1776 г., совершено было бракосочетаніе ея съ Павломъ Петровичемъ Екатерина была въ восторгѣ отъ своей невѣстки, дворъ и Петербургское общество вторили ей своими похвалами. Случилось, однако, что новый бракъ цесаревича еще болѣе ухудшилъ отношенія между нимъ и матерью.

Павелъ Петровичъ возвратился изъ Берлина подъ вліяніемъ „сильнаго дѣйствія зараженія мыслей", на которое такъ еще недавно плакался Никита Панинъ, но на этотъ разъ къ выгодѣ Панина по духу, политическимъ симпатіямъ, онъ сталъ чистымъ пруссакомъ, а увѣренность въ дружбѣ Фридриха II, на котораго съ уваженіемъ смотрѣла вся Европа, давала ему нѣкоторую опору, которой онъ не чувствовалъ прежде. Молодая его супруга, отличавшаяся необычайною привязанностію къ семьѣ своей и къ прусскому королю, ея покровителю, не имѣла политическаго ума и широкаго кругозора и только укрѣпляла прусскія симпатіи своего мужа; вдобавокъ, она получала инструкціи отъ своей матери изъ Германіи и въ разладѣ своего мужа съ Екатериной, сохраняя всѣ внѣшніе знаки почтительности къ ней, всецѣло обвиняла ее, считая мужа жертвой ея честолюбія и развращенности нравовъ. При такомъ

настроенiи великокняжеской четы графъ Панинъ сдѣлался другомъ ея и руководителемъ тогда какъ его племянникъ, князь Александръ Куракинъ, человѣкъ образованный, но легкомысленный и тщеславный, какъ другъ дѣтства цесаревича, заступилъ мѣсто Разумовскаго въ его сердцѣ: Павелъ называлъ его даже своею „душою". Отъ Екатерины не укрылось настроенiе сына и невѣстки, но, въ сознанiи своей силы и умственнаго превосходства, она относилась къ ихъ дѣйствiямъ снисходительно, лѣдуя разъ навсегда принятому правилу. „Moi, писала она однажды Гримму, à tout cela je réponds comme le Barbier de Séville: Je dis à l'un: Dieu vous bénisse, et à l'autre: va te coucher, et je vais mon train" *). На самомъ дѣлѣ дѣйствiя малаго двора не были такъ невинны и требовали большаго вниманiя на себѣ Екатерины, которая, разочаровавшись въ эгоистической дружбѣ Пруссiи и „стараго Ирода", какъ стала она называть Фридриха II, уже думала разорвать союзъ съ нимъ и заключить новый—съ Австрiей. Графъ Панинъ, заправлявшiй еще иностранными дѣлами, сообщалъ цесаревичу тайкомъ всѣ депеши, а тотъ, въ свою очередь, морально поддерживалъ прусскаго короля. Это настроенiе цесаревича особенно проявилось въ бесѣдахъ его съ Густавомъ III, королемъ шведскимъ, прiѣзжавшимъ въ Петербургъ въ 1777 г., и во время столкновенiя Австрiи съ Пруссiей въ 1778, прекращеннаго Тешенскимъ миромъ, условiя котораго продиктованы были Россiей, взявшей на себя посредничество. Въ основѣ этихъ симпатiй цесаревича къ Пруссiи была еще не вполнѣ продуманная мысль, внушенная Панинымъ, что для Россiи нуженъ миръ, для обезпеченiя котораго союзъ съ Пруссiей являлся будто бы вполнѣ удобнымъ средствомъ, тогда какъ союзъ съ Австрiей увлекалъ насъ къ завоевательной политикѣ, проводникомъ которой былъ Потемкинъ.

Въ оцѣнкѣ дѣлъ внутреннихъ руководителями цесаревича явились тѣ же Никита Ивановичъ и Петръ Ивановичъ Панины. Что именно внушали братья Панины Павлу Петровичу, хорошо видно изъ того проекта манифеста, который графъ

*) Сборникъ И. Р. И. О., XXIII, 62

Петръ Панинъ, единомысленный съ братомъ, еще при жизни Екатерины, приготовилъ въ 1784 г. для Павла „къ изданію при законномъ, по предопредѣленію Божескому, восшествіи на престолъ Наслѣдника“: „Призирающе всегда на отечество Наше, а особливо при опасныхъ случаяхъ, — милосердіе Всевышняго Творца соизволило Насъ какъ единый остатокъ уже крови, предопредѣленной Святымъ промысломъ Его къ обладанію Всероссійскаго Престола, возрастить со младенчества безотлучно въ нѣдрахъ Нашего отечества и, сохранивъ чудесно отъ разныхъ бѣдственныхъ угроженій, угодно стало Святой Его волѣ возвести Насъ на Прародительскій Престолъ, руководствуясь и къ сему, что Мы, поелику созрѣвали въ возрастѣ, потолику входило въ Наше примѣчаніе и вниманіе все то, что, отъ царствованія незабвенной никогда памяти покойнаго Прародителя Нашего Государя Петра Великаго, вовлечено зловреднаго въ отечество Наше, какими соблазнами и чьими похитительными алчностьми отъ захватившихъ довѣренности Государей своихъ во злоупотребительное самовластіе, и что оныя зловредности окоренились (sic.) въ Государствѣ Нашемъ до такой степени, что большую часть сыновъ Россійскихъ совратили съ кореннаго Россіянъ праводушія, прежде утвержденнаго на страхѣ Божескихъ, естественныхъ и гражданскихъ законовъ, а развращеніемъ общаго благонравія снизвергли всю святость законовъ частію въ неисполнительное ослабленіе, а частію и въ совершенное попраніе, предпочитая законамъ при всякихъ случаяхъ собственную каждаго корысть и домогательство до возвышенія въ чины не дѣятельными заслугами Отечеству и Государю, а ухищренными происками и угожденіями страстямъ и требованіямъ захватившихъ силу въ свое злоупотребленіе. Мы, взирая на все оное съ содроганіемъ сердца, но съ великодушной терпѣливостію, соблюдали во всей неприкосновенности заповѣди Божіи, законы естественные и гражданскіе, и не позволяли Себѣ по тогдашнему Нашему природію (sic.) и законами обязательству ничего, кромѣ единединственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всѣми тѣми усерднѣйшими и вѣрнѣйшими дѣтьми отечества, которые съ похвальною твердостію душъ не попускали прикасаться къ себѣ никакихъ соблазновъ на государственное

уязвленіе, но, пребывая въ безмолвіи, не могли скрывать только отъ Насъ душевныхъ своихъ страданій"...

Эти „усерднѣйшіе и вѣрнѣйшіе дѣти отечества" и были графъ Никита Ивановичъ Панинъ съ авторомъ вышеприведеннаго документа, графомъ Петромъ Ивановичемъ, котораго Екатерина, очевидно, не даромъ называла „первымъ врагомъ и персональнымъ своимъ оскорбителемъ". Теперь, кажется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію въ какихъ именно чувствахъ и мысляхъ въ политическомъ отношеніи воспитанъ былъ Павелъ Петровичъ, но было бы несправедливо утверждать, что главною цѣлью Паниныхъ было только возбудить Великаго Князя противъ матери: это были убѣжденные противники правительственной системы Екатерины, стремившіеся провести въ жизнь государства иныя политическія начала, положить въ основаніе государственной машины новые правовые институты. Павелъ Петровичъ призванъ былъ, въ ихъ мечтахъ, воплотить эти государственныя теоріи и явиться знаменемъ, которое должно было объединить всѣ враждебные Екатеринѣ элементы. На самомъ дѣлѣ, Павелъ Петровичъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, воспринимая въ существѣ внушенія своихъ сторонниковъ, значительно уклонился отъ мнѣній въ практическомъ ихъ приложеніи. Самый характеръ Павла не отвѣчалъ его положенію, требовавшему осторожности и скрытности въ его поведеніи.

„Если бы мнѣ надобно было, писалъ онъ въ 1776 г. одному изъ своихъ друзей,—образовать себѣ политическую партію, я могъ бы молчать о безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ, но, будучи тѣмъ, что я есмь, —для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть что дѣла идутъ вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое".

Въ обмѣнѣ мнѣній и перепискѣ между Павломъ Петровичемъ, съ одной стороны, и Паниными съ ихъ родственниками: кн. Н. В. Репнинымъ и кн. А. Б. Куракинымъ, съ другой,—образъ мыслей цесаревича слагался въ стройную систему. Какъ политическій мыслитель, Никита Ивановичъ ста-

вилъ на первомъ планѣ и превыше всего законность управленія и умѣлъ внушить Павлу Петровичу высокое понятіе о правахъ и обязанностяхъ Государя. Сохранился предсмертный весьма важный трудъ гр. Никиты Панина съ добавленіями брата его Петра о формѣ государственнаго правленія и о „фундаментальныхъ законахъ“, какъ сводъ его мнѣній о правительствѣ, усвоенныхъ и его царственнымъ воспитанникомъ.

„Верховная власть, говорилъ онъ въ немъ ввѣряется Государю для единаго благаего подданныхъ... Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не преставъ быть достойнымъ Государемъ. Безъ сихъ правилъ, или точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе государства, ни состояніе Государя... Державшійся правоты и кротости просвѣщенный Государь не поколеблется никогда въ истинномъ своемъ Величествѣ, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое состраданіе поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій — всѣ на одной чредѣ стоятъ; добрый Государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣлъ правленіе, и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями...“.

Правленіе Екатерины, при кажущимся самовластіи ея фаворитовъ: Орлова и Потемкина и вліяніи ихъ на всѣ части государственнаго управленія, не удовлетворяло этому идеалу государя, сложившемуся у Павла Петровича. По его мнѣнію, какъ это видно изъ переписки его съ Петромъ Панинымъ за это время,— вся внѣшняя политика русскаго государя должна была быть направлена исключительно лишь къ „оборонѣ го-

сударственной", такъ какъ, по мнѣнію Павла, Россія не нуждалась въ территоріальномъ приращеніи; напротивъ того, раскинувшись на громадномъ пространствѣ и заключая въ себѣ самыя разнородныя народности, Россія имѣла насущную потребность устроить свои дѣла внутреннія: установить на твердыхъ началахъ законодательство, развить промышленность и торговлю, организовать отвѣтственную передъ закономъ администрацію, которая была бы выраженіемъ власти „для всѣхъ одинаково добраго" монарха, а не господствующаго въ государствѣ сословія.

Уже въ это время Павелъ Петровичъ пришелъ къ мысли о необходимости для достиженія этихъ цѣлей, установить, на прочныхъ началахъ, прежде всего, порядокъ престолонаслѣдія, какъ ни щекотливо казалось ему касаться этого вопроса лично. „Спокойствіе внутреннее,—писалъ онъ графу Петру Панину,—зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобы каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобы его собственныя, такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы; чѣмъ ихъ обуздать инымъ, какъ не законами? Они общая узда, и такъ должно о семъ фундаментъ спокойствія общаго подумать. Здѣсь воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердостью непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его. Когда единожды законы утвердятся тѣмъ способомъ, которымъ и состояніе каждаго утверждается, такъ трудно будетъ приступить къ исполненію какого бы то ни было предпріятія, ибо тогда не можетъ иного быть въ необыкновенномъ теченіи вещей, какъ сходнаго съ благоразуміемъ". Цесаревичъ, однако, чувствовалъ, что отъ матери его, вступившей на престолъ путемъ военнаго переворота, невозможно ожидать установленія закона о престолонаслѣдіи. „Между тѣмъ,—писалъ онъ Панину, съ нѣкоторою самоувѣренностію,—ничто не мѣшаетъ приступить къ исполненію частнаго моего намѣренія о военной части, поелику сходно можетъ быть и допустятъ нынѣшнія обстоятельства". Необходимость немедленнаго и подробнаго изученія организаціи военнаго дѣла въ Россіи вызывалась для Павла Петровича и тѣмъ соображеніемъ,

что, по его мнѣнію „Россія истощена была безпрерывными наборами, силы государства израсходованы въ постоянныхъ войнахъ“ и потому нужно было отыскать „способъ къ исправленію своего недостатка и къ проведенію арміи въ надлежащую пропорцію въ разсужденіи земли“. Но и этотъ, частный вопросъ оказался непосильнымъ для разрѣшенія безъ общихъ коренныхъ реформъ государственной жизни, такъ что въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ отчасти взглядовъ графа Петра Панина, цесаревичъ пришелъ къ убѣжденію, что реформа арміи, изученіе связанныхъ съ нею всѣхъ мелочей военнаго дѣла являются самыми важными изъ будущихъ его „государскихъ“ обязанностей. Съ реформой арміи связалъ онъ и болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей дворянскаго сословія въ государствѣ, такъ какъ чувство равенства и дисциплины, бывшее основнымъ мотивомъ мыслей Павла, возмущалось при видѣ постояннаго уклоненія дворянства отъ службы, отъ главнѣйшей его обязанности—заниматься „обороной государственной“. „Первую и главную причину этого удаленія,—писалъ онъ Петру Панину,—почитаю я полнѣйшее неуваженіе службы военной, которое, присоединяясь къ тому, что у насъ ничего непоколебимаго нѣтъ (слѣдовательно, и важность вещей всегда зависитъ отъ временнаго расположенія того, котораго воля служитъ закономъ), болѣе отвращаетъ, нежели привлекаетъ къ себѣ, а особливо отъ злоупотребленій, родившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Не скрою и того, что приписываю я, хотя не безпосредственно, отчасти и свободѣ, данной дворянству служить и не служить, недостатокъ нынѣшній дворянства на службѣ, ибо когда оно получило таковую свободу, то было еще оно, исключая нѣкоторое число, не довольно просвѣщено воспитаніемъ, чтобы видѣть цѣль и чувствовать прямую цѣну сдѣланной для него выгоды. Свобода, конечно, первое сокровище всякаго человѣка, не должна быть управляема весьма прямымъ понятіемъ оной, которое не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ, но оное не можетъ быть инымъ управляемо (чтобъ служило къ добру), какъ фундаментальными законами; но какъ сего послѣдняго нѣтъ, слѣдовательно и воспитанія порядочнаго быть не можетъ, а отъ того рождаются всякія неправыя понятія вещей, слѣдовательно и злоупотребленія, каковаго рода

и въ семъ казусѣ народятся, а особливо, будучи прикрыты неоспоримыми причинами неудовольствія отъ дурного управленія начальниковъ сей части... Я, конечно, удаленъ отъ той мысли, чтобы потребить какіе-нибудь способы принужденія для препятствія оставлять военную службу, но почитаю необходимымъ отнять всѣ способы къ таковому побѣгу изъ оной во 1-хъ большимъ отношеніемъ всякаго военно служащаго, во 2-хъ персональнымъ уваженіемъ государя къ сей службѣ, въ 3-хъ отнятіемъ средствъ у начальниковъ исполнять по прихотямъ своимъ, слѣдовательно развращать и портить службу и въ 4-хъ строгимъ взысканіемъ, чтобы служба исполнялась вездѣ равнымъ образомъ".

Изъ этихъ выписокъ политической программы молодого, 25-лѣтняго цесаревича легко увидѣть тѣ-же основныя начала управленія, которыми руководился онъ 17 лѣтъ спустя по вступленіи своемъ на престолъ. Чувство законнаго равенства и дисциплины, стремленіе къ законности и порядку, проявляется у Павла Петровича одновременно со строгимъ и просвѣщеннымъ взглядомъ его на „свободу, какъ на первое сокровище всякаго человѣка", прямое понятіе о которой „не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ". Занятія военнымъ дѣломъ являются для Павла въ это время лишь временнымъ средствомъ, а не цѣлью его государственной дѣятельности, направленной исключительно къ созданію „фундаментальныхъ законовъ", отсутствіе которыхъ низводило Россію на степень азіатской державы. Этой программѣ Павелъ Петровичъ въ сущности оставался вѣренъ до конца своей жизни, и въ дальнѣйшемъ изложеніи его жизни и дѣятельности намъ остается только прослѣдить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и въ какой мѣрѣ первоначальная программа эта постепенно видоизмѣнялась къ худшему одновременно съ измѣненіемъ тоже къ худшему любезнаго, благороднаго характера ея царственнаго автора. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что при самомъ ея нарожденіи графъ Петръ Панинъ уже внесъ въ нее элементъ вредной односторонности Онъ, какъ человѣкъ военный, обратилъ вниманіе великаго князя преимущественно на „мелкости" военной службы: государь, по его мнѣнію, долженъ былъ непосредственно и лично начальствовать строевою частью

всѣ, даже малѣйшія измѣненія въ порядкѣ службы и личномъ составѣ требовали разрѣшенія самого государя, который, введя строго единообразіе въ обмундированіи, обученіи и образѣ обхожденія съ солдатами и офицерами, долженъ былъ налагать строжайшее взысканіе за всякое отступленіе.

Мечтамъ Павла Петровича о реформахъ во внутреннемъ управленіи Россіи, хотя-бы только по военной части, не суждено было однако осуществиться въ это время. Напротивъ, даже въ области внѣшней политики Россіи, гдѣ онъ до сихъ поръ еще могъ сочувствовать идеямъ матери въ періодъ 1777-1780 гг. готовилась крупная перемѣна: подъ вліяніемъ Потемкина Екатерина оставила систему Сѣвернаго аккорда, созданную Никитой Панинымъ, и въ основу своей политики, вмѣсто союза съ Пруссіей, положила союзъ съ Австріей. Тешенскій договоръ, 13 мая 1789 г. разрѣшавшій, съ участіемъ Россіи, распрю между Пруссіей и Австріей изъ за Баварскаго наслѣдства, былъ послѣднимъ ея дѣйствіемъ въ пользу Пруссіи, послѣднимъ актомъ союза съ нею. И Павелъ, и Марія Ѳеодоровна были крайне недовольны такимъ оборотомъ дѣлъ: еще въ 1777 г., когда шведскій король Густавъ III, во время пріѣзда своего въ Петербургъ выражалъ Павлу непріязненныя чувства свои по отношенію къ Пруссіи, цесаревичъ рѣзко заявилъ ему о своихъ симпатіяхъ къ Фридриху II, основанныхъ на чувствахъ родства и благодарности; мало того, объ этомъ разговорѣ своемъ онъ поспѣшилъ сообщить въ Берлинъ, и старый король-философъ съ восторгомъ одобрилъ этотъ поступокъ наслѣдника русскаго престола. Въ этихъ симпатіяхъ къ Пруссіи, кромѣ Панина, укрѣпляла Павла и Марія Ѳеодоровна, ревностно заботившаяся объ интересахъ своей нѣмецкой родни, зависѣвшей отъ Пруссіи. События однако шли своимъ чередомъ, и уже въ 1780 г., послѣ свиданія съ Екатериной въ Могилевѣ, Іосифъ II прибылъ въ Петербургъ, чтобы упрочить союзъ свой съ Россіей личнымъ знакомствомъ съ великокняжеской четой; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ думалъ привлечь на свою сторону великую княгиню Марію Ѳеодоровну, предложивъ брачный союзъ между сестрой ея Елизаветой и будущимъ наслѣдникомъ австрійской короны, Францомъ, сыномъ брата его Леопольда, герцога Тосканскаго. Старанія Іосифа, повидимому были не-

безплодныя: не успѣвъ поколебать симпатій великокняжеской четы къ Пруссіи, онъ пріобрѣлъ однако нѣкоторое довѣріе великаго князя и великой княгини. Замѣчательно, что довѣріе Павла Петровича къ Іосифу выразилось, прежде всего, въ томъ, что онъ сообщилъ ему о неловкости положенія своего по отношенію къ матери и говорилъ о другомъ сынѣ императрицы. „Трудно,—писалъ въ это время Іосифъ, угодить обѣимъ сторонамъ. Великій князь одаренъ многими качествами, которыя даютъ ему полное право на уваженіе; тяжело однако, быть вторымъ лицомъ при такой государынѣ“. Легко понять ближайшую причину грусти Павла Петровича и его отчужденія отъ матери за это время: „Очень тяжело, сообщалъ онъ Сакену 22 мая 1778 года, въ двадцать четыре года смотрѣть на всѣ затрудненія, вызванныя честолюбіемъ, не имѣя возможности дѣйствовать. Будущія поколѣнія станутъ судить только по наружности, а наружность въ этомъ случаѣ будетъ противъ меня“. Фридрихъ II поспѣшилъ прислать въ Петербургъ своего племянника и наслѣдника Фридриха Вильгельма, чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное Іосифомъ, но визитъ этотъ не достигъ своей цѣли, хотя Панинъ побудилъ Павла и Вильгельма обмѣняться, въ своемъ присутствіи, увѣреніями въ вѣчномъ союзѣ Россіи и Пруссіи: Екатерина не только обошлась съ Вильгельмомъ холодно, но даже прямо дала ему понять, чтобы онъ сократилъ свое пребываніе въ Россіи.

Екатерина весьма искусно воспользовалась измѣнившимся настроеніемъ сына и невѣстки. Желая, чтобы они отдали визитъ Іосифу въ Вѣнѣ, она въ іюнѣ 1781 г. въ отсутствіи графа Панина, бывшаго въ отпускѣ, возбудила посредствомъ кн. Репнина въ великокняжеской четѣ желаніе совершить путешествіе за границу для ознакомленія съ иными государствами, для пріобрѣтенія знаній и опытности; особенно желала этой поѣздки великая княгиня Марія Өеодоровна, жаждавшая свиданія съ родными, которые были уже приглашены Іосифомъ въ Вѣну для переговоровъ о предстоящемъ бракѣ. Не зная того, что онъ былъ лишь безсознательнымъ орудіемъ своей матери, Павелъ Петровичъ, побуждаемый своей супругой и снѣдаемый бездѣятельностію, просилъ мать о разрѣшеніи отправиться путешествовать за границу. „Надо—говорилъ онъ,—употребить всѣ

усилія, чтобы принести возможно больше пользы свему отечеству, а для этого надо пріобрѣтать познанія, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ, сложа руки". Эта просьба великаго князя была удовлетворена, какъ и всѣ другія, касавшіяся предположеннаго путешествія; въ одномъ лишь великокняжеская чета получила гнѣвный и рѣшительный отказъ—въ дозволеніи заѣхать въ Берлинъ. Руководитель Павла, графъ Панинъ, поспѣшившій возвратиться въ Петербургъ, уже не могъ, при всемъ своемъ стараніи, воспрепятствовать успѣху Екатерины и былъ лишь 19 сентября 1781 г. молчаливымъ свидѣтелемъ отъѣзда великокняжеской четы, бывшаго признакомъ окончательнаго паденія его политической системы и вмѣстѣ съ тѣмъ, конецъ его политической роли.

Путешествіе великокняжеской четы продолжалось годъ и два мѣсяца. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, посѣтили Австрію, Италію, Францію, Нидерланды, Швейцарію и южную Германію. Великій князь лично не придавалъ политическаго значенія своей поѣздкѣ, замѣчая иронически, что „ему, по его званію, не полагается знать въ этомъ толкъ и что онъ только предоставляетъ себѣ право посмѣяться при случаѣ". Между тѣмъ его повсюду встрѣчали какъ сына и наслѣдника Екатерины, заискивая его расположенія и вниманія и отдавая ему всѣ почести, какія только допускало его инкогнито: такимъ образомъ лишь за границей Павелъ Петровичъ воспользовался преимуществомъ своего сана. въ которомъ ему часто отказывали на родинѣ. Въ Вишневцѣ, проѣздомъ его черезъ Польшу, привѣтствовалъ его польскій король Станиславъ Августъ. Іосифъ II встрѣтилъ высокихъ своихъ гостей въ Троппау и сопровождалъ ихъ до Вѣны, куда они пріѣхали 10 ноября. Пребываніе ихъ въ Вѣнѣ продолжалось шесть недѣль, какъ желала того императрица. Пріемъ оказанный великокняжской четѣ Іосифомъ былъ роскошный и крайне любезный. „Мы, писалъ Павелъ Петровичъ Сакену—употребляемъ всѣ усилія, чтобы доказать свою признательность, но зато у насъ нѣтъ ни минуты свободной, все наше время занято или удовлетвореніемъ требованій вѣжливости или стараніями нашими ознакомиться со всѣмъ, что есть здѣсь интереснаго и замѣчательнаго; правду сказать, машина такая ве-

личественная и такъ хорошо устроена, что она на каждомъ шагу представляетъ множество интересныхъ сторонъ для изученія, въ особенности сравнивая съ нашей. Есть что изучать по моей спеціальности, начиная съ самаго главы государства". Глава государства предъ отъѣздомъ Павла далъ ему новыя доказательства своего вниманія и довѣрія: семейныя дѣла нѣмецкой родни Маріи Θеодоровны были устроены, и Павлу онъ сообщилъ въ тайнѣ о своемъ секретномъ союзѣ съ Россіей, о которомъ великій князь не имѣлъ еще понятія, такъ какъ Екатерина боялась, что онъ можетъ измѣнить этой тайнѣ. При всемъ томъ, Іосифу не удалось подорвать окончательно симпатій къ Пруссіи ни въ Павлѣ, ни въ Маріи Θеодоровнѣ.

По отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны, 9 января 1782 г. великокняжеская чета проѣхала всю Италію, посѣтивъ Венецію, Неаполь, Римъ, Флоренцію и наконецъ Туринъ и всюду знакомясь съ историческими памятниками, съ произведеніями древняго и новаго искусства. Всюду цесаревичъ производилъ самое обаятельное впечатлѣніе своею любезностью, прямодушіемъ, благороднымъ образомъ мыслей, хотя подъ часъ и дурныя его свойства: впечатлительность и недостатокъ сдержанности ослабляли привлекательность его личности. „Я не имѣю претензіи быть блестящимъ" писалъ онъ изъ Рима: „человѣкъ невольно дѣлается неловкимъ, когда старается казаться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, такъ какъ мои дѣйствія были только дѣйствіями частнаго лица, то я сознаю, что даже мнѣ самому было-бы затруднительно судить по нимъ о характерѣ лица оффиціальнаго и политическаго. Впрочемъ, вы такъ хорошо знаете мой пылкій характеръ, что можете легко угадать, что изъ этого слѣдуетъ. Это, конечно, не нравится, особенно по исключительности моего положенія". Въ сущности темпераментъ Павла сказывался въ немъ одинаково, былъ ли онъ въ положеніи частнаго или оффиціальнаго лица.

Въ Неаполѣ, встрѣтившись въ первый разъ послѣ 1776 года со старымъ своимъ другомъ - предателемъ, графомъ Андреемъ Разумовскимъ, занимавшимъ тамъ должность русскаго посланника, Павелъ схватилъ его за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувши изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ въ пози-

цію, воскликнулъ: „Flamberge au vent, monsieur le comte!“ Свита великаго князя едва могла его успокоить. Точно также во Флоренціи, въ бесѣдахъ съ Леопольдомъ, герцогомъ Тосканскимъ, братомъ Іосифа, онъ открыто выражалъ свое недовольство политикой Екатерины и ея ближайшими помощниками; Потемкинымъ, Безбородко, Бакунинымъ, Воронцовыми: Семеномъ и Александромъ и Марковымъ, бывшимъ въ то время русскимъ посланникомъ въ Голландіи. „Я вамъ называю ихъ, говорилъ Павелъ Леопольду:—я буду доволенъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть ихъ отстегаю (je les ferai ausruthen) уничтожу и выгоню“. Пребываніе великокняжской четы въ Туринѣ было замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь завязались дружескія отношенія ея съ Савойскимъ домомъ, въ особенности съ наслѣдникомъ Сардинскаго короля Виктора Амедея III, принцемъ Пьемонтскимъ Карломъ Эммануиломъ и супругою его, принцессою Маріею Клотильдою, сестрой французскаго короля Людовика XVI. Связь эта послужила исходной точкой для симпатій Павла Петровича и къ французскимъ Бурбонамъ.

Франція и Парижъ, куда Павелъ со своей супругой прибыли 7 мая 1782 г. произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе. Уже 14 мая Павелъ писалъ Сакену: „это настоящій водоворотъ, въ которомъ кружатся люди, событія и факты: молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы справиться со всѣмъ. Другъ мой, все, что я вижу здѣсь,—все для меня совершенно новое. Я еще не знаю, что я намѣренъ дѣлать, и едва помню, что сомной было: я веду здѣсь такую разсѣянную жизнь. Впрочемъ, тотъ, кто старается пріобрѣсти хорошую репутацію, не боится ни трудовъ, ни безсонныхъ ночей. Сѣешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденнымъ за все“. Дѣйствительно, среди всякаго рода праздниковъ, которыми Людовикъ XVI и королева Марія Антуанета чествовали своихъ высокихъ гостей, Павелъ Петровичъ не упускалъ ничего, что могло бы обогатить его познаніями и опытностью. Онъ подробно осматривалъ и изучалъ ученыя и благотворительныя заведенія, искалъ случая познакомиться и бесѣдовать съ выдающимися представителями французской науки и литературы. Рыцарскія свойства великаго князя, развитыя въ немъ

воспитаніемъ, отвѣчали національному характеру французовъ; его любезность, остроуміе и привѣтливость приводили ихъ въ восхищеніе, да и самъ Павелъ чувствовалъ себя въ Парижѣ легко и свободно. По словамъ корреспондента Екатерины, Гримма, въ Версали великій князь имѣлъ видъ, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Греза и Гудона онъ выказалъ такія свѣдѣнія въ искусствѣ, которыя свѣдѣнія могли дѣлать его одобренія для нихъ болѣе цѣннымъ для художниковъ. Въ нашихъ лицеяхъ, академіяхъ, своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного таланта и рода работъ, который-бы не имѣлъ права его интересовать, и что онъ давно зналъ всѣхъ людей, просвѣщенность или добродѣтели коихъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣды и всѣ слова, которыя остались въ памяти обнаруживали не только образованный умъ, но и изящное пониманіе всѣхъ особенностей нашего языка".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ Петровичъ дружески сталъ относиться къ французской королевской четѣ и въ особенности проявилъ много расположенія къ принцу Конде, который въ своемъ знаменитомъ помѣстьѣ Шантильи далъ рядъ блестящихъ празднествъ въ честь русской великокняжской четы.

Вѣсти изъ Россіи отравили однако спокойное настроеніе великаго князя. Въ половинѣ мая онъ получилъ письмо Екатерины, въ которомъ она извѣщала его, что въ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ находившемуся въ свитѣ Павла другу его дѣтства, князю Александру Куракину, оказались дерзкія выраженія, относившіяся къ Потемкину и даже къ самой императрицѣ. Письмо это глубоко опечалило Павла: онъ былъ встревоженъ не только за кн. Куракина, являвшагося единомышленникомъ Бибикова, но и за себя лично, такъ какъ дружескія отношенія Павла къ Куракину были всѣмъ извѣстны. Ожидая съ часу на часъ отозванія Куракина изъ Парижа, Павелъ Петровичъ не могъ скрыть своего волненія и однажды на вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого онъ могъ бы положиться, Павелъ Петровичъ съ горечью отвѣтилъ: „Ахъ, я былъ бы очень недоволенъ, если-бы возлѣ меня находился самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный: мать моя велѣла-бы бросить его въ воду прежде

чѣмъ мы оставили-бы Парижъ". Выѣхавъ изъ Парижа 7-го іюня для путешествія по Бельгіи и Голландіи, цесаревичъ и тамъ выразилъ свое раздраженіе, сдѣлавъ дурной пріемъ русскому посланнику въ Голландіи Моркову, котораго считалъ онъ креатурой Потемкина, и поблагодаривъ профессоровъ Лейденскаго университа за то, что трудами своими они сдѣлали многихъ русскихъ способными съ пользою служить родинѣ. Даже Морковъ понялъ, что слова эти относились къ кн. Куракину, бывшему слушателемъ Лейденскаго университета. Этой несдержанностію великій князь только вредилъ самому себѣ въ глазахъ матери и ухудшалъ положеніе Куракина.

Подъ такими впечатлѣніями великій князь черезъ Франкфуртъ прибылъ 21 іюня въ Монбельяръ, гдѣ его ожидала вся германская семья Маріи Θеодоровны. Родственная, чуждая этикета обстановка благодѣтельно подѣйствовала на Павла. По собственному признанію, онъ „наслаждался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла". „Мы уже восемь дней живемъ въ семейномъ своемъ кругу", писалъ онъ Румянцеву: „это совсѣмъ новое для меня чувство, тѣмъ болѣе для меня сладкое, что оно имѣетъ своимъ источникомъ сердце, а не умъ". Проживъ мѣсяцъ въ Монбельярѣ, великокняжеская чета спѣшила уже возвратиться въ Россію. Посѣтивъ на короткое время Швейцарію, она черезъ Штутгартъ вновь пріѣхала въ Вѣну, гдѣ попрежнему радушно встрѣчена была Іосифомъ, который такимъ образомъ имѣлъ возможность скорѣе другихъ оцѣнить вліяніе заграничной поѣздки на великокняжескую чету. „Думаю, что не ошибусь", писалъ Іосифъ Екатеринѣ при отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны изъ Вѣны, „что они возвратятся къ вамъ въ гораздо болѣе благопріятномъ настроеніи и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ у нихъ, на сколько то допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя вѣроятно одни только и вселяли эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляется мнѣ существенно необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность". Съ своей стороны Павелъ вынесъ изъ путешествія болѣе спокой-

ный, разносторонный взглядъ на вещи. „Если чему обучило меня путешествіе, писалъ онъ Платону,—то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ... и въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющихъ свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, розниствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ“. Но съ другой стороны именно во время своего путешествія Павелъ Петровичъ пропитался тѣми высоко аристократическими идеями и чувствами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которыя довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго порядка.

20 ноября великокняжеская чета возвратилась наконецъ въ Петербургъ. Екатерина встрѣтила ихъ повидимому дружески: она довольна была въ общемъ политическими результатами ихъ путешествія, такъ какъ союзъ съ Австріею былъ упроченъ и всего лишь за два мѣсяца до ихъ возвращенія, при косвенномъ содѣйствіи Австріи, русскія войска заняли Крымъ. Но личныя отношенія между матерью и сыномъ не улучшились, въ особенности послѣ дѣла Бибикова. Екатерина исполнила совѣтъ Іосифа: Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, Куракинъ—въ свою деревню въ Саратовской губерніи. Графъ Никита Панинъ, въ то время лежавшій на смертномъ одрѣ, былъ въ опалѣ, и великій князь, навѣстивъ его на другой-же день послѣ пріѣзда, послѣ того не смѣлъ заглядывать къ нему цѣлыхъ четыре мѣсяца. Лишь за нѣсколько дней до смерти Панина великокняжеская чета „пришла въ несказанную чувствительность“, говоря о немъ, и въ тотъ-же вечеръ отправилась къ нему, чѣмъ чрезвычайно его обрадовала. Послѣднія силы и минуты свои старый воспитатель Павла посвятилъ на то, чтобы продиктовать для него Д. И. Фонвизину свое политическое завѣщаніе. Работа эта была прервана смертью Панина 31 марта 1784 г., и переслана была Фонвизинымъ графу П. И. Панину въ Москву и, распространившись въ копіяхъ, считалась и считается до сихъ поръ „Considerant“ предисловіемъ къ конституціонной хартіи, составленной будто-бы Панинымъ въ 1772 году. Павелъ былъ чрезвычайно огорченъ смертью Панина, при кончинѣ котораго

онъ присутствовалъ: съ нимъ онъ лишался единственнаго авторитетнаго друга и совѣтника. Тогда же завѣдывать его дворомъ поручено было графу В. П. Мусину-Пушкину, смѣнившему Н. И. Салтыкова, который назначенъ былъ воспитателемъ Александра и Константина Павловичей.

Послѣ смерти Панина Екатерина, кажется, надѣялась нѣкоторое время на измѣненіе образа мыслей Павла въ благопріятномъ для нея смыслѣ; однажды, 12 мая 1783 г., она завела съ нимъ такую откровенную бесѣду по поводу занятія Крыма и польскихъ дѣлъ, что самъ Павелъ, записавъ этотъ разговоръ, сдѣлалъ замѣчаніе: „довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная". Кажется, она была и послѣдняя въ этомъ родѣ, потому что, извѣдавъ мысли сына, Екатерина замѣтила однажды: „мнѣ больно было-бы, если-бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы послужила знакомъ измѣненія всей системы русской политики". Къ этому именно времени относится возникновеніе слуховъ о намѣреніи императрицы лишить Павла Петровича престола наслѣдія въ пользу старшаго его сына Александра.

6 августа 1783 г. Екатерина подарила Павлу Петровичу великолѣпную мызу Гатчину, принадлежавшую прежде Г. Г. Орлову. Съ этого времени начинается новый, гатчинскій періодъ жизни великаго князя, когда онъ, постоянно удаляемый отъ дѣлъ правленія и удаляясь самъ отъ матери и отъ большого екатерининскаго двора, замыкается постепенно самъ въ себѣ, предаваясь, въ качествѣ „гатчинскаго помѣщика", хозяйственной и благотворительной дѣятельности, а также излюбленнымъ своимъ военнымъ занятіемъ. Переписка его, относящаяся къ этому періоду его жизни, ясно свидѣтельствуетъ о мрачномъ, безнадежномъ взглядѣ его на свое положеніе. „Я по убѣжденію считаю лучшимъ молчать", сообщалъ онъ Сакену 8 іюня 1783 г., а 12 января 1784 г. ему-же съ горечью писалъ: „часто все мое вліяніе, которымъ я могу похвалиться, состоитъ въ томъ, что мнѣ стоитъ только упомянуть о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, чтобы повредить имъ"; наконецъ, весною 1784 г., возражая противъ слуховъ о новомъ своемъ путешествіи за границу, Павелъ замѣтилъ саркастически: „это вѣроятно, путешествіе in partilus infidelium;

я не вижу ни необходимости въ немъ, ни его возможности, развѣ что это будетъ путешествіе въ Индію, или на острова для моего исправленія". Къ матери онъ обращался съ просьбами только по вопросамъ, касавшимся интересовъ многочисленной нѣмецкой родни Маріи Ѳеодоровны и воспитанія своихъ дѣтей. Это отчужденное, оскорбительное для самолюбія цесаревича, жаждавшаго дѣятельности и желавшаго быть полезнымъ отечеству, вызывали въ немъ раздраженіе, которое, не проявляясь наружу, уходило въ глубь души Павла, становилось интенсивнѣе, и Павелъ Петровичъ постепенно превращался въ задумчиваго, угрюмаго, желчно настроеннаго человѣка. „Мнѣ вотъ ужъ 30 лѣтъ, - писалъ великій князь Павелъ Румянцову, — а я ничѣмъ не занятъ. Спокойствіе мое, увѣряю васъ, вовсе не зависитъ отъ окружающей меня обстановки но оно покоится на чистой моей совѣсти, на созданіи, что существуютъ блага, не подлежащія дѣйствію никакого земного могущества и къ нимъ-то и должно стремиться. Это служитъ для меня утѣшеніемъ во многихъ непріятностяхъ и ставитъ меня выше ихъ; это пріучаетъ меня къ терпѣнію, которое многіе считаютъ за признакъ угрюмости въ моемъ характерѣ. Что касается до моего поведенія, то вы знаете, что я стремлюсь согласовать его съ нравственными моими понятіями, и что я не могу ничего дѣлать, противнаго моей совѣсти". Но постоянное упражненіе Павла въ терпѣніи, сдержанности, должно было самымъ невыгоднымъ образомъ отразиться на характерѣ его психической дѣятельности, тѣмъ болѣе, что обязанности цесаревича къ отечеству, своеобразно имъ понимаемыя, находились въ полномъ противорѣчіи съ обязанностями его по отношенію къ матери. Всегда глубоко религіозный, Павелъ искалъ утѣшенія въ религіи. Онъ часто молился, стоя на колѣняхъ и обливаясь слезами. Графъ Никита Панинъ, бывшій членомъ многихъ масонскихъ ложъ, ввелъ и своего воспитанника, посредствомъ кн. Куракина, въ масонскій кругъ, и мало-по малу чтеніе масонскихъ, мистическихъ книгъ сдѣлалось любимымъ чтеніемъ Павла Петровича. Панинъ умеръ, Куракинъ былъ въ опалѣ, но въ порѣдѣвшемъ кружкѣ своихъ приближенныхъ Павелъ нашелъ новыхъ друзей, отвѣчавшихъ его настроенію: то былъ капитанъ-лейтенантъ Сер-

гѣй Ивановичъ Плещевъ, масонъ, руководившій его религіозными упражненіями, и фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова, восторженный, мечтательный умъ которой и прямодушный характеръ мало-по малу подчинили цесаревича своему вліянію; въ бесѣдахъ съ этими лицами старался великій князь смягчить волновавшія его чувства и поддержать душевное свое равновѣсіе.

Упражняясь, такимъ образомъ, въ терпѣніи, Павелъ Петровичъ продолжалъ однако упражняться и въ своихъ обязанностяхъ: по-прежнему внимательно слѣдилъ за ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Россіи и по-прежнему работалъ въ тиши своего кабинета, составляя проекты въ духѣ, противоположномъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ матери; онъ пробовалъ даже принять участіе въ литературной полемикѣ, возникшей между Екатериной и Фонвизинымъ на страницахъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова“. Помня слова гр. Петра Панина, что „ничего нѣтъ свойственнѣе, какъ хозяину мужескаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ и государства“,— цесаревичъ, подъ предлогомъ очистить окрестности Гатчины и Павловска отъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, сформировалъ себѣ небольшой отрядъ, который онъ постепенно, благодаря снисходительности Екатерины, съ двухъ командъ, численностью въ 30 человѣкъ каждая довелъ къ 1788 году до трехъ баталіоннаго состава. Отрядъ этотъ заключалъ въ себѣ элементы всѣхъ войсковыхъ частей, даже конную артиллерію,— цесаревичъ завелъ у себя, на гатчинскомъ дворѣ, даже флотилію, вооруженную пушками. Въ основу военнаго устава положены были инструкціи Фридриха II, войско одѣто было въ прусскую военную форму, дисциплина была введена строгая до жестокости. Вообще Павелъ постарался возродить въ своихъ батальонахъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, служить образцомъ для всей русской арміи, тѣ самые „обряды неудобоносимые“, которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, „не токмо храбрости военной не умножили, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ его войскъ“. Среди офицеровъ гатчинскихъ войскъ было много нѣмцевъ, а

первымъ ихъ командиромъ назначенъ былъ пруссакъ, баронъ Штейнверъ.

Прусскія симпатіи Павла проявились въ то время и въ его противодѣйствіи и внѣшней политикѣ Екатерины. Побуждаемый отчасти вліяніемъ супруги своей, великій князь тайно сносился съ Фридрихомъ II и его преемникомъ, содѣйствуя имъ своимъ вліяніемъ въ осуществленіи извѣстнаго проекта союза князей. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Павелъ даже сообщалъ въ Берлинъ тайныя политическія извѣстія, узнавая о нихъ при дворѣ матери и склонялъ дѣйствовать въ пользу Пруссіи даже русскаго посланника въ Германіи Румянцева. „Ради Бога,—писалъ онъ ему,—не судите никакъ о моемъ поведеніи и предоставьте времени объяснить мои дѣйствія. Я не имѣлъ и не имѣю другой цѣли, какъ только исполнять Божіи завѣты во всемъ томъ, что я дѣлаю и что переношу съ покорностію“. Можно предположить, зная образъ мыслей Павла, что онъ не сочувствовалъ завоевательной политикѣ матери, поддерживаемой Австріей, и надѣялся, что Пруссія, опираясь на союзъ князей, явится оплотомъ европейскаго мира. Союзъ съ Австріей Павелъ Пелровичъ считалъ невыгоднымъ для Россіи и, согласно со взглядами гр. Панина, предпочиталъ ему „союзы на сѣверѣ съ державами, которыя больше въ насъ нужды, а мѣстничества съ нами имѣть не могутъ“.

Военныя и политическія занятія Павла чередовались съ болѣе плодотворной и тихой работой его и какъ гатчинскаго помѣщика, и какъ будущаго преобразователя Россіи. Какъ помѣщикъ, наслѣдникъ престола дѣйствительно могъ служить образцомъ для другихъ. Первыми его дѣйствіями было устройство школы и больницы для жителей Гатчины; затѣмъ онъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ существовавшихъ уже, еще четыре церкви для жителей Гатчины, принадлежавшихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ: православную въ госпиталѣ, общую лютеранскую, римско-католическую и финскую въ Колпинѣ; на свой счетъ онъ содержалъ и духовенство этихъ церквей. Крестьянамъ, у которыхъ хозяйство не по ихъ винѣ приходило въ упадокъ, цесаревичъ помогалъ и денежными ссудами и прирѣзкой земли; въ то-же время, чтобы дать гатчинскимъ крестьянамъ заработакъ въ свободное отъ земледѣль-

ческихъ занятій время, цесаревичъ содѣйствовалъ возникновенію въ ней стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики, шляпной мастерской и сукновальни. Всѣ эти дѣйствія Павла Петровича въ его маленькомъ хозяйствѣ были выраженіемъ его взглядовъ и на внутреннее управленіе государствомъ, бывшихъ развитіемъ его мыслей, высказанныхъ еще ранѣе въ 1778 г. въ перепискѣ съ Панинымъ. Взгляды эти, рѣзко отличавшіеся отъ взглядовъ современнаго ему общества, онъ изложилъ въ 1787 г. на случай своей смерти въ особомъ „Наказѣ“ своей супругѣ объ управленіи государствомъ: въ немъ Павелъ вполнѣ явился царемъ „одинаково добрымъ и справедливымъ“, такъ какъ дворяне-помѣщики, непонятно по его мнѣнію, должны были имѣть всегда въ виду благо своихъ крѣпостныхъ. „Крестьянство, — писалъ цесаревичъ, — содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его... Надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить. Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу“. Финансовыя предположенія Павла также поражаютъ своею вѣрностью. „Расходы, — говорилъ онъ, — должно соразмѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными и для того вѣрно однажды расписать такъ, чтобы никакъ не отягчать земли, и изъ двоякихъ доходовъ съ земли или промысла, первые держать соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ лицъ; другіе — поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдашнихъ средствахъ силы и могущества земли“. Тогда-же, совмѣстно съ Маріей Ѳеодоровной, цесаревичъ выработалъ основной законъ о престолонаслѣдіи по праву первородства въ мужской линіи царствующаго дома, „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, и дабы сохранить право родовъ въ наслѣдіи, не нарушая права естественнаго и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ“. Въ отсутствіе закона о престолонаслѣдіи Павелъ

Петровичъ справедливо видѣлъ главную причину и революцій въ Россіи XVIII вѣка и собственнаго печальнаго положенія.

Въ этой постоянной работѣ, въ этомъ вѣчномъ сравненіи того, что должно было-бы быть съ тѣмъ, что было въ дѣйствительности протекло слишкомъ 4 года. Характеръ великаго князя начиналъ за это время измѣняться къ худшему: его несдержанность переходила въ запальчивость, гнѣвъ доходилъ до бѣшенства; все рѣже и рѣже напоминалъ онъ собою прежняго веселаго, любезнаго, остроумнаго человѣка, какимъ знали его во время заграничнаго путешествія. Привычка скрывать свои мысли и чувства, таить въ глубинѣ души истинное свое настроеніе, это вѣчное насиліе надъ психической своей природой—были не по силамъ Павлу: оно разстроивало его нервную систему, и достаточно было иногда самого ничтожнаго повода, часто незамѣтнаго для окружающихъ, чтобы онъ проявлялъ истинныя свои чувства тѣмъ рѣзче, чѣмъ тщательнѣе и продолжительнѣе онъ усиливался скрывать ихъ ранѣе. При дворѣ Екатерины и при дворѣ Павла дежурили поочередно одни и тѣ-же лица; многія изъ нихъ переносили вѣсти отъ одного двора къ другому, возбуждая подозрительность великаго князя, боявшагося, что онъ окруженъ шпіонами Екатерины или ея фаворитовъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для цесаревича была его семейная жизнь: Марія Ѳеодоровна всегда была его вѣрной и любящей супругой. „Тебѣ самой извѣстно,—писалъ онъ ей въ 1788 г., - сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа передъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты была мнѣ первою отрадою и подавала лучшіе совѣты“. Любовь Маріи Ѳеодоровны къ своей многочисленной германской роднѣ и ея мелочность въ домашнихъ дѣлахъ доставляли, однако, Павлу Петровичу не мало горькихъ минутъ. За границу шло не мало денегъ Павла на устройство дѣлъ родителей Маріи Ѳеодоровны и ея братьевъ, въ большинствѣ случаевъ людей мало достойныхъ, а въ Россіи Павелъ Петровичъ долженъ былъ ходатайствовать за нихъ предъ матерью. Въ особенности много хлопотъ доставилъ ему своимъ недостойнымъ поведеніемъ старшій его шуринъ, Фридрихъ, женатый на принцессѣ Августѣ Брауншвейгской, Екатерининской Зельмирѣ и бывшій

на русской службѣ. Часто Павелъ Петровичъ находился между двухъ огней, отдавая справедливость строгому образу дѣйствій Екатерины по отношенію къ Фридриху и волнуясь просьбами и отчаяніемъ своей супруги. Когда однажды Екатерина прислала ему письмо по этому дѣлу, то Павелъ Петровичъ отказался сообщить его своей супругѣ: „я подданный россійскій, сказалъ онъ, — и сынъ императрицы россійской: что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому.

Семья Павла Петровича увеличилась въ это время четырьмя дочерьми: Александрой (род. 29 іюля 1783 г.), Еленой (род. 13 декабря 1784 г.), Маріей (род. 4 февраля 1786 г.) и Екатериной (род. 10 мая 1788 г.). Для воспитанія ихъ избрана была Екатериной вдова генералъ-маіора, Шарлотта Карловна Ливенъ, умѣвшая установить добрыя отношенія и къ Маріи Θеодоровнѣ. Но въ воспитаніи своихъ сыновей великокняжеская чета по прежнему не принимала никакого участія; мало того, собираясь въ 1787 году въ путешествіе въ Крымъ, императрица, вопреки желанію родителей, предполагала взять внучатъ съ собою и Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ по этому близкому для него дѣлу обращаться съ ходатайствомъ къ ненавистному для него Потемкину.

Въ 1787 году, съ началомъ второй турецкой войны, Павелъ Петровичъ надѣялся, что ему наконецъ откроется достойное его сана поприще для дѣятельности и 10 сентября просилъ мать о дозволеніи отправиться въ армію волонтеромъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Это намѣреніе Павла Петровича не нравилось Екатеринѣ: она не желала ни создавать затрудненій Потемкину, командовавшему арміей, ни содѣйствовать популярности сына, отъ устраненія котораго отъ престолонаслѣдія въ пользу великаго князя Александра Павловича она уже думала въ это время. Подъ всевозможными предлогами императрица или отказывала Павлу въ своемъ разрѣшеніи или откладывала дѣло въ даль. „Лучше-бы было сказать, что не хотятъ меня пустить, нежели волочить“,—писалъ онъ въ январѣ 1788 г. въ письмѣ гр. В. П. Пушкину, которое разрѣшилъ представить государынѣ. Въ письмѣ къ самой императрицѣ Павелъ Петровичъ указывалъ, между про-

чимъ, на щекотливость своего положенія вслѣдствіе постоянныхъ проволочекъ, такъ какъ въ Европѣ уже сдѣлались извѣстны его приготовленія къ походу. „Касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса, на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы, отвѣчать вовсе не трудно: вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я настоятельно васъ просила“. Лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1788 г. Екатерина дала наконецъ Павлу столь желанное для него дозволеніе, но внезапно открывшаяся война со Швеціей направила цесаревича не на югъ, а на сѣверъ въ финляндскую армію, которою командовалъ гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, „сей мѣшокъ нерѣшимый“, по отзыву самой Екатерины; туда-же направленъ былъ и гатчинскій отрядъ великаго князя. Военныя дѣйствія противъ шведовъ происходили главнымъ образомъ на морѣ, покрывъ славою русскій флотъ и адмираловъ: Чичагова и Грейга, но сухопутныя войска наши, благодаря нерѣшительности гр. Мусина-Пушкина, ограничивались рекогносцировками и аванпостными стычками. Павелъ Петровичъ, разумѣется, не этого ждалъ въ ту минуту, когда шведскія пушки слышны были въ Петербургѣ и когда, по собственному отзыву Павла, уже „лошади готовы были“ для отъѣзда двора изъ Петербурга. Готовясь ко всѣмъ случайностямъ войны, онъ оставилъ Маріи Ѳеодоровнѣ свое завѣщаніе, три письма на ея имя, составленный совмѣстно съ ней актъ о престолонаслѣдіи, наказъ объ управленіи государствомъ и письмо дѣтямъ. 1 іюля Павелъ Петровичъ прибылъ въ Выборгъ, мечтая о военныхъ трудахъ, и лишь 22 августа ему удалось участвовать въ рекогносцировкѣ шведскихъ укрѣпленій Гекфорса. „Теперь я окрещенъ“,— съ удовольствіемъ сказалъ Павелъ, заслышавъ свистъ шведскихъ пуль. Но этимъ „крещеніемъ“ и ограничилось участіе великаго князя въ военныхъ дѣйствіяхъ: Павелъ не догадывался, что и генералу Кноррингу, состоявшему въ его свитѣ, и самому Мусину-Пушкину даны были Екатериной тайныя предписанія ничего не сообщать цесаревичу о планѣ военныхъ дѣйствій и ходѣ военныхъ операцій: возможно, что императрица боялась, и не безъ основанія, чтобы черезъ Павла не узнавали о положеніи дѣлъ нашихъ пруссаки, также угрожавшіе въ то время войной Россіи. Зато

онъ вынесъ дурныя впечатлѣнія объ организаціи русскихъ войскъ, а также о ихъ предводителѣ съ которымъ у него были постоянныя пререканія, вслѣдствіе разнообразія ихъ мыслей въ разсужденіи мѣръ, принимаемыхъ къ пораженію шведовъ: Командиръ гатчинскихъ войскъ, капитанъ Штейнверъ, постоянно подогрѣвалъ это раздраженіе безцѣльными, часто неосновательными указаніями и сравненіями гатчинскаго отряда съ финляндской арміей, такъ, что друзья Павла вынуждены были писать къ полковнику Вадковскому, пользовавшемуся расположеніемъ Павла и находившемуся въ его свитѣ, убѣждая его успокоить Павла и примирить его съ Мусинымъ-Пушкинымъ: еще предъ отправленіемъ въ походъ великаго князя, они взяли съ Вадковскаго торжественное обѣщаніе всячески оберегать его отъ послѣдствій его раздражительности и порывовъ мужества и выполнять въ этомъ смыслѣ всѣ наставленія Маріи Ѳеодоровны, дѣлая при этомъ видъ, будто онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію. Марія Ѳеодоровна сама даже собиралась ѣхать въ Выборгъ для свиданія съ Павломъ и просила у Екатерины разрѣшенія на это путешествіе. Но Екатерина рѣшила уже отозвать сына изъ арміи. Шведы, знавшіе о несочувствіи Павла къ политикѣ его матери, думали, кажется, воспользоваться этимъ, и Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, дѣлалъ ему настоятельныя предложенія о личномъ свиданіи. Къ удовольствію Екатерины, Павелъ Петровичъ отклонилъ эти предложенія, но, тѣмъ не менѣе, она нашла неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе его на театрѣ военныхъ дѣйствій. 18 сентября Павелъ Петровичъ возвратился въ Петербургъ, жестоко разочарованный итогами своей „службы отечеству", которой онъ такъ страстно желалъ и добивался. Императрица выразила свое неодобреніе этой службѣ, не пожаловавъ цесаревичу ордена св. Георгія и принявъ мѣры къ тому, чтобы пребываніе цесаревича при арміи не получило огласки: не было даже публиковано о выѣздѣ и возвращеніи великаго князя изъ Петербурга. Все, вмѣстѣ взятое, сдѣлало участіе Павла Петровича въ шведской войнѣ до того трагикомическимъ въ глазахъ общества, что многіе изъ современниковъ видѣли именно въ Павлѣ того „Горе-богатыря", котораго Екатерина изобразила въ это время въ одной изъ сво-

ихъ оперъ. Когда вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1789 г., при возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, Павелъ Петровичъ вновь испрашивалъ у матери приказаній относительно себя, императрица выразила мнѣніе, что война будетъ оборонительная и еще скучнѣе кампаніи 1788 г., и иронически посовѣтовала сыну, вмѣсто того, чтобы вызывать слезы и горькую печаль, раздѣлить, въ средѣ своего дорогого и любезнаго семейства, радость успѣхами, которыми, какъ она надѣялась, „Всемогущему угодно будетъ благословить новое правое дѣло".

Марія Θеодоровна, дрожавшая за жизнь своего любезнаго супруга, могла, по своей недальновидности, только радоваться такому рѣшенію императрицы, но великій князь ясно увидѣлъ, что никакой службы его отечеству не только не желаютъ, но и не допустятъ, и что его роль хотятъ, какъ бы въ насмѣшку, ограничить лишь семейными обязанностями. Но, тяготясь опекой матери, Павелъ Петровичъ еще менѣе могъ выносить мелочную опеку своей супруги, и, такимъ образомъ, привыкая оберегать своего мужа наперекоръ ему самому разными побочными средствами, Марія Θеодоровна подвергла опасности царствовавшій доселѣ между ними миръ и супружеское согласіе. Состояніе духа великаго князя сдѣлалось еще болѣе тягостнымъ, когда совершилась замѣна фаворита гр. Мамонова Платономъ Зубовымъ, который не всегда показывалъ Павлу Петровичу даже наружные знаки уваженія, должные его сану. Наконецъ разразившаяся въ 1789 г. французская революція произвела въ Павлѣ страшное моральное потрясеніе, оскорбляя въ немъ чувство уваженія къ законности и высокое представленіе о монархической власти, которые онъ воспитывалъ въ себѣ съ юности. Съ 1790 г. Павелъ высказывалъ „примѣтную склонность къ задумчивости", а въ письмахъ не разъ высказывалъ мысль о смерти. Цесаревичъ, говоря словами гр. Петра Панина, „взирая на все съ содроганіемъ сердца, но съ великодушною терпѣливостью, соблюдалъ во всей неприкосновенности заповѣди Божія, законы естественные и гражданскіе, и не позволялъ себѣ, по тогдашнему своему природію и законами обязательству,—ничего, кромѣ единственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всѣми тѣми усерд-

нѣйшими и вѣрнѣйшими дѣтьми отечества, которые съ похвальною твердостію душъ не попускали прикасаться къ себѣ никакихъ соблазновъ на государственное уязвленіе, но, пребывая въ безмолвіи, не могли только скрывать отъ него душевныхъ своихъ страданій".

Павлу, дѣйствительно, не оставалось ничего болѣе какъ, выражаясь его словами въ одномъ изъ его писемъ 1791 года, „chercher le consolation chez ses amis dont le coeur et l'esprit sont au dessus de leurs tailles".—„Il m'est doux, прибавлялъ онъ, de pouvoir dire mon petit mot à leur sujet. C'est leur payer un tribut qui m'est bien cher et satisfaisant".

Къ несчастію для Павла, возлѣ него не было уже въ это время никого изъ „усерднѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ дѣтей отечества", кто бы могъ руководить его государственными занятіями, поддерживать въ немъ ясный взглядъ на окружавшую его обстановку. Графъ Петръ Панинъ сошелъ въ могилу, князь Репнинъ былъ при арміи, всѣ мало-мальски опытные и даровитые люди или сами сторонились великаго князя, зная отношенія къ нему императрицы, или отстраняемы были великимъ княземъ, который, къ людямъ пользовавшимся его расположеніемъ, нарочно показывалъ видъ холодности, чтобы не навлечь на нихъ гнѣва Екатерины. „Другъ мой,—сказалъ однажды Павелъ Мордвинову, обиженному его невниманіемъ къ нему при дворѣ,—никогда не суди меня по наружности. Я удалялся отъ тебя и казался съ тобою холоденъ не безъ причины: видя, какъ милостиво ты былъ принятъ у государыни, я не хотѣлъ помѣшать тебѣ въ почести при большомъ дворѣ". Павла Петровича окружали или люди честные сами по себѣ, но съ узкимъ кругозоромъ и съ мелочными интересами, какъ Вадковскій, Плещеевъ, Лафермьеръ, или придворные интриганы, мечтавшіе выиграть въ своемъ значеніи, разжигая неудовольствіе великаго князя, какъ князь Николай Голицынъ, камергеръ Растопчинъ, или наконецъ глубоко преданныя Павлу лица, но смотрѣвшія на его положеніе съ семейной точки зрѣнія, какъ напримѣръ его супруга, великая княгиня Марія Ѳеодоровна, и ея наперсница, г-жа Бенкендорфъ. Находясь въ этой обстановкѣ, Павелъ Петровичъ ис-

ключительно предался единственно тогда возможному для него дѣлу—обученію состоявшихъ при немъ гатчинскихъ войскъ, и, благодаря этому, постепенно погружался въ мелочи военнаго дѣла, привязался страстно къ экзерцирмейстерству и военное дѣло сталъ считать важнѣйшимъ для государя дѣломъ. Плодомъ занятій Павла въ этотъ періодъ его жизни было составленіе воинскихъ уставовъ для строевой, гарнизонной и лагерной службы, и тогда-же выработаны были имъ новыя положенія для хозяйственнаго управленія и инструкціи для массы должностныхъ чиновъ арміи; особенное вниманіе обратилъ Павелъ Петровичъ на усовершенствованіе артиллеріи. Въ занятіяхъ этихъ Павелъ Петровичъ постепенно сближался съ новымъ кругомъ людей, сдѣлавшихся впослѣдствіи его ближайшими сотрудниками: это были рядовые офицеры, лишенные образованія, неразвитые, не имѣвшіе никакого понятія о государственныхъ задачахъ, предлежащихъ наслѣднику престола, но зато дѣловитые въ мелкостяхъ военнаго дѣла, точные, исполнительные и, по мнѣнію цесаревича, безусловно ему преданные; такимъ образомъ выросли въ своемъ значеніи у великаго князя Аракчеевы, Линденеры, Обольяниновы, Кологривовы, Малютины, Каннабихи и др. Въ средѣ этихъ людей цесаревичъ постепенно разучался думать, обсуждать, совѣтоваться,—и пріучался цѣнить лишь исполнительность и усердіе, а на всякое представленіе или совѣтъ смотрѣть какъ на ослушаніе. Великій князь какъ-бы хотѣлъ показать, что ему нужны не „умники“, а лишь точные исполнители его воли; онъ точно не замѣчалъ, что среди его друзей все меньше и меньше было людей, у которыхъ „le coeur et l'esprit sont au dessus de leurs tailles“. Встрѣчая при большомъ дворѣ родъ пренебреженія къ своей особѣ или чувствуя его, великій князь, самъ того не замѣчая, видѣлъ признаки неуваженія къ себѣ и своимъ мнѣніямъ иногда въ самыхъ невинныхъ словахъ и дѣйствіяхъ, гнѣвался и выходилъ изъ себя; тѣмъ спокойнѣе и легче чувствовалъ онъ себя среди Гатчинскаго своего отряда, хотя и здѣсь давалъ волю своей запальчивости при чьей-либо малѣйшей оплошности. Умъ и сердце Павла Петровича высказывались все менѣе и менѣе; зато во всей рѣзкости началъ проявляться его темпераментъ, его неуклонная строгость къ соблюденію буквы уставовъ и

инструкцій, замѣнявшихъ собою всякое разсужденіе и повсюду устанавливавшихъ однообразіе. Гатчина и Павловскъ приняли видъ военныхъ лагерей, созданныхъ по прусскому образу, съ заставами, шлагбаумами, казарменными постройками и полуосаднымъ положеніемъ жителей, принужденныхъ даже въ частномъ быту подчиняться лагернымъ порядкамъ жизни. Самъ Павелъ Петровичъ подавалъ примѣръ суровой спартанской жизни: вставая въ 4 часа утра, онъ спѣшилъ на ученіе или маневры войскъ, производилъ осмотры казармъ, хозяйственнаго довольствія войскъ, причемъ никакая неисправность не ускользала отъ его быстраго проницательнаго взгляда; зато въ 10 часовъ вечера городъ уже спалъ: слышались только шаги патрулей и крики часовыхъ. Въ Павлѣ Петровичѣ нашли себѣ совмѣщеніе рыцарскій духъ, французская любезность, благородство думъ и побужденій,—съ грубымъ прусскимъ солдатствомъ, подавлявшимъ всякое проявленіе изящества, ума, свободы.

Суворовъ, представлявшійся около этого времени великому князю, мѣтко охарактеризовалъ его словами: „prince adorable, despote implacable“.

На это настроеніе и образъ мыслей великаго князя много повліяли французскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ отечества и въ темныхъ краскахъ изображавшіе событія французской революціи. Ужасы кровавыхъ сценъ, происходившихъ во Франціи, казнь короля и королевы, торжество невѣрія, вся грязь, принадлежащая подонкамъ общества и всплывающая кверху при каждомъ потрясеніи общественнаго организма, — возбуждали нравственныя чувства великаго князя. Разсказы и внушенія эмигрантовъ казались Павлу Петровичу новымъ подтвержденімъ вѣрности его теорій о необходимости военнаго управленія государствомъ. Растопчинъ, одинъ изъ немногихъ изъ числа лицъ окружавшихъ Павла, обладавшій умомъ и мѣткимъ словомъ, говоря объ агентѣ французскихъ принцевъ, Эстергази, писалъ С. Р. Воронцову: „Вы увидите впослѣдствіи, сколько вреда надѣлало пребываніе Эстергази: онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзной лозой, что государь наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно,

что о насиліяхъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ бы постыдился всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ себѣ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія и проч." „Великій князь вездѣ видитъ отпрыски революціи",—писалъ онъ въ другой разъ: „онъ недавно велѣлъ посадить подъ арестъ четырехъ офицеровъ за то, что у нихъ были нѣсколько короткія косы,—причина, совершенно достаточная для того, чтобы заподозрить въ нихъ революціонное направленіе". Ношеніе круглыхъ шляпъ и фраковъ, допущенныхъ при дворѣ Екатерины, было строго воспрещено въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Даже въ этомъ отношеніи онъ не сходился во мнѣніяхъ съ матерью, хотя она питала къ революціи также враждебныя чувства: она вполнѣ разумно и сдержанно относилась и къ эмигрантамъ, и къ тѣмъ средствамъ которыя могли бы парализовать дѣйствіе революціонныхъ идей; она оставила воспитателемъ при любимцѣ своемъ Александрѣ Павловичѣ Лагарпа, сочувствіе котораго къ революціи не подлежало сомнѣнію и съ которымъ Павелъ именно за это не хотѣлъ говорить цѣлыхъ три года. Однажды, по словамъ современника, во время первой французской революціи, Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя. „Что они все тамъ толкуютъ?"—сказалъ онъ: „я тотчасъ бы все прекратилъ пушками". Государыня возразила на эту выходку: „Vous êtes une bête feroce, если ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями. Если ты такъ будешь царствовать, то не долго продлится твое царствованіе". Впрочемъ озлобленіе Павла противъ французской революціи имѣло ту хорошую для него сторону, что излечило его отъ пристрастія къ Пруссіи: къ величайшему его негодованію, прусское правительство, одно изъ первыхъ, вступило въ сдѣлки съ „мятежной" и „развратной" Франціей, преслѣдуя свои частные интересы въ ущербъ „общему дѣлу Европы".

Нервное состояніе великаго князя поддерживалось постоянно несогласіями и въ средѣ собственной семьи, гдѣ прежде онъ встрѣчалъ только сочувствіе и поддержку. По свидѣтельству современниковъ, еще въ 1785 года Павелъ Петровичъ началъ оказывать знаки большого уваженія къ фрейлинѣ своей супруги, Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой. Дружба его съ нею была воз-

вышенная и отчасти основана была на мистической подкладкѣ. Методичность, размѣренность дѣйствій великой княгини, ея мелочность, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, ея мелкіе дипломатическіе пріемы, когда она желала повліять въ извѣстномъ смыслѣ на своего супруга,—все это не нравилось Павлу, и рѣзкость характера Нелидовой, искренность ея мыслей и чувствъ, безусловная къ нему преданность, чистота побужденій,—все это находило себѣ отголосокъ въ рыцарской душѣ цесаревича, желавшаго знать правду и умѣвшаго цѣнить ее. Уже въ 1788 г. онъ такъ привязался къ Екатеринѣ Ивановнѣ, что, отправляясь въ походъ противъ шведовъ, онъ оставилъ ей многознаменательную записку: „Знайте, что умирая буду думать о васъ“. Нелидова, выдѣлялась среди другихъ женщинъ великокняжескаго двора своимъ умомъ, граціей и сценическими талантами, но была некрасива лицомъ, и отношенія къ ней Павла Петровича долгое время не возбуждали никакихъ видимыхъ опасеній Маріи Θеодоровны. Но, начиная съ 1790 г., дружба Павла Петровича съ Нелидовой, подъ вліяніемъ грустнаго его настроенія, сдѣлалась особенно тѣсною, такъ что Марія Θеодоровна чувствовала себя какъ бы лишней при ихъ бесѣдахъ, въ ихъ присутствіи; несдержанность Павла Петровича давала этой дружбѣ видъ невниманія къ Маріи Θеодоровнѣ. Великая княгиня, крайне чуткая ко всему, что могло оскорблять ея самолюбіе, и побуждаемая другомъ своимъ г-жей Бенкендорфъ, въ свою очередь стала выражать свое презрѣніе къ Нелидовой и дала почувствовать свое неудовольствіе и Павлу Петровичу. Цесаревичъ рѣшительно принялъ сторону обиженной ради него фрейлины, и тогда потянулся нескончаемый рядъ семейныхъ сценъ и непріятностей. Дворъ великокняжеской четы раздѣлился на партіи: болѣе благоразумные, какъ напримѣръ князь Куракинъ, Растопчинъ и Николаи, умѣли сохранить дружбу обѣихъ сторонъ. Но друзья Маріи Θеодоровны: Панинъ, Лафермьеръ, Плещеевъ, чета Бенкендорфовъ,—одни за другимъ были удалены отъ двора Павломъ Петровичемъ, вокругъ котораго сгруппировались всѣ лица, желавшія въ торжествѣ Нелидовой видѣть упадокъ вліянія Маріи Θеодоровны и нѣмецкой партіи: кн. Николай Голицынъ, Вадковскій, А. Л.

Нарышкинъ и др.; тогда-же стала выростать въ своемъ значеніи и фигура великокняжескаго брадобрѣя, плѣннаго турченка, Ивана Кутайсова, хорошо изучившаго всѣ слабыя стороны своего господина и умѣвшаго направлять его мысли сообразно личнымъ своимъ выгодамъ. Сумрачный цесаревичъ даже въ средѣ семьи сдѣлался суровъ и подозрителенъ до такой степени, что никто не могъ поручиться за себя за завтрашній день: запальчивость и рѣзкость Павла Петровича не знала предѣловъ, когда ему казалось, что ему не повинуются или осуждаютъ его дѣйствія; дѣло дошло до того, что стали, по его приказанію, задерживать переписку Маріи Ѳеодоровны. Марія Ѳеодоровна, глубоко оскорбленная въ супружескимъ своихъ чувствахъ, сама содѣйствовала семейному разладу, обратившись по удаленіи г-жи Бенкендорфъ съ жалобой къ императрицѣ. Когда по этому поводу Екатерина призвала къ себѣ Павла Петровича и выразила ему свое неудовольствіе, онъ, внѣ себя отъ гнѣва, отвѣчалъ ей безъ должнаго уваженія, какъ человѣкъ, который сознаетъ свои права и тяготится чужой опекой. Удалившись затѣмъ въ свои аппартаменты, великій князь далъ почувствовать свой гнѣвъ всѣмъ, кто только приближался къ нему: онъ жаловался, что онъ окруженъ шпіонами и предателями и нѣсколько разъ повторилъ, что ему готовятъ въ будущемъ низверженіе. То же самое повторилъ онъ и Маріи Ѳеодоровнѣ. Тщетно старые друзья великокняжеской четы хотѣли возстановить нарушенное семейное согласіе, тщетно Плещеевъ въ краснорѣчивомъ письмѣ заклиналъ Павла Петровича измѣнить свое поведеніе. „Человѣку, такъ привязанному къ вашей особѣ, какъ я, государь, — писалъ онъ еще въ началѣ исторіи съ Нелидовой,—невозможно безъ крайней горести видѣть, что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны. Можно-ли быть чище васъ въ глубинѣ души и прямодушнѣе въ своихъ намѣреніяхъ. Отчего-же васъ не знаютъ и такъ сильно относительно васъ ошибаются?.. Я не перестану считать виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшняго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо, — въ томъ,

что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которыя злобные умы въ ненависти своей стараются распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать, имъ пищу,—въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ его хитросплетеній, сдѣлавъ явными (безъ тщеславія, но всегда съ присущей вамъ скромностію) тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ васъ выше обыкновенныхъ людей... Безъ крайней скорби нельзя видѣть, какъ самый прямодушный, самый строгій къ своимъ обязанностямъ человѣкъ въ мірѣ, питающій наилучшія намѣренія, даетъ всѣмъ своимъ достоинствамъ видъ, который служитъ къ его обвиненію и ставитъ его наряду съ самыми обыкновенными людьми".

Нелидова не выдержала наконецъ пытки своего положенія и рѣшила удалиться отъ двора въ мѣсто своего воспитанія въ Смольный институтъ. Первыя ея попытки не удались, благодарю сопротивленію Павла Петровича, но во второй разъ она обратилась съ своей просьбой непосредственно къ императрицѣ и въ сентябрѣ 1793 г. успѣла достигнуть своей цѣли. Но Павелъ Петровичъ уговорилъ ее посѣщать возможно чаще его дворъ въ Петербургѣ и быть постоянной гостьей въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Съ другой стороны, и Марія Θеодоровна, подарившая своему супругу 11 іюля 1792 гада дочь Ольгу, увидѣла необходимость покончить съ семейнымъ разладомъ, примирившись съ Нелидовой для совмѣстнаго воздѣйствія на Павла Петровича, на раздражительность котораго разладъ этотъ имѣлъ самое пагубное вліяніе. „Невозможно безъ содроганія и опасности видѣть, что дѣлаетъ великій князь отецъ",—писалъ Ростопчинъ лѣтомъ 1793 г.: „онъ какъ будто изыскиваетъ всѣ средства внушить себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслію, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1.600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля. По средамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ на разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее

противорѣчіе выводятъ его изъ себя. Замѣчательно, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кто обидѣлъ". Въ особенности проявлялся гнѣвъ Павла Петровича на лицъ, принадлежавшихъ къ большому двору и приближенныхъ къ особѣ императрицѣ.

Мысль великаго князя, что ему не оказываютъ должнаго уваженія и не хотятъ его оказывать,— была, однако, вполнѣ основательна. Послѣ финляндскаго похода Павла Екатерина не скрывала своего невниманія къ нему, сосредоточивъ всю свою любовь и надежды на будущее на сыновьяхъ его, въ особенности на великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, котораго она сама воспитывала и считала своимъ созданіемъ.

Царедворцы Екатерины видѣли ея отношенія къ Павлу и поступали сами сообразно съ этимъ; тысяча мелочей придворной жизни представляли для этого удобные случаи. Раздраженіе великаго князя вызывало новыя оскорбленія его враговъ, явно насмѣхавшихся надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. За большими людьми слѣдовали, по своей низости, и малые: такъ, камергеры, назначенные дежурить при маломъ дворѣ, манкировали своей службой при опальномъ наслѣдникѣ и когда Растопчинъ, принужденный дежурить за своихъ товарищей, написалъ имъ по этому поводу оскорбительное письмо, то былъ удаленъ на время отъ службы по приказанію Императрицы. Не избалованный вниманіемъ, Павелъ Петровичъ былъ такъ тронутъ поступкомъ Растопчина, что съ тѣхъ поръ считалъ его самымъ преданнымъ себѣ человѣкомъ, хотя поступокъ Растопчина вызванъ былъ лишь тяжелою необходимостью нести тройную службу за лѣнивыхъ товарищей. Вообще мы не знаемъ случая, когда бы Екатерина чѣмъ-либо выразила въ послѣднее время своего царствованія расположеніе къ своему сыну; напротивъ, она оставляла безъ всякаго вниманія его нужды и наносимыя ему обиды и сама, гдѣ можно было, относилась къ нему рѣзко и пренебрежительно.

Преслѣдованіе Новикова и московскихъ мартинистовъ въ 1791 г. отчасти объясняется боязнью Екатерины, что они, составляя будто бы политическую партію, имѣвшую связи съ заграничными иллюминатами, въ то же время являются приверженцами Павла и могутъ дѣйствовать въ пользу

его, какъ масона. Она успокоилась лишь тогда, когда самое тщательное изслѣдованіе дѣла показало, что Павелъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ московскихъ масоновъ, и когда самъ Павелъ съ презрѣніемъ отвергъ, въ письмѣ къ матери, всякія подозрѣнія, назвалъ ихъ сплетнями передней. Расточая громадныя суммы окружавшимъ ее вельможамъ, Екатерина не баловала деньгами великокняжескую чету; быть можетъ, она считала излишнимъ потому, что онѣ пошли бы на воинскія упражненія Павла и на пособія германскимъ роднымъ Маріи Θеодоровны, а думать это она имѣла основанія. Но зато неразумное увлеченіе Павла военными занятіями давало Екатеринѣ постоянный поводъ къ насмѣшкамъ. „По городу носился слухъ,—писала она, напримѣръ, Салтыкову,—что великій князь къ морскому батальону не токмо прибавляетъ нѣсколько сотъ, но что онъ еще формируетъ на Острову (каменномъ) полкъ гусаръ и нѣсколько полковъ казаковъ. Всѣ сіи слухи въ народѣ подаютъ причину къ различнымъ толкамъ и буде ребячества пресѣчь можно, то бы что скорѣе, то лучше, а сказать бы, что въ Гатчинѣ въ куклы играть можно безъ излишнихъ толковъ, но въ близости города все подвержено различнымъ толкованіямъ, а полезныхъ нѣтъ ни одной. Тутъ первое, что батюшкина армія представляется“. Съ своей стороны Павелъ извѣщалъ Екатерину, что онъ „привыкъ къ шиканамъ“. При такихъ отношеніяхъ естественно было матери и сыну видѣться какъ можно рѣже, и, дѣйствительно, Павелъ жилъ въ Петербургѣ сравнительно весьма мало, пріѣзжая туда обыкновенно къ 24-му ноября, дню тезоименитства Екатерины, и уѣзжая уже въ началѣ февраля, да и во время пребыванія въ Зимнемъ дворцѣ часто уклонялся отъ оффиціальныхъ праздниковъ и встрѣчъ съ императрицей. „Великій князь прислалъ сказать, — писала однажды Екатерина Салтыкову,—что у него лихорадка и что онъ въ постели лежитъ. Я бы желала знать, что о семъ докторы говорятъ. Буде знаете, прошу мнѣ сказать“.

Главнымъ пунктомъ раздора между Екатериной и великокняжеской четой были однако дѣти и, главнымъ образомъ, великій князь Александръ Павловичъ. Изъ писемъ къ Гримму ясно, что объявленіе Александра наслѣдникомъ престола

предположено было сдѣлать вслѣдъ за его женитьбою. Этимъ отчасти объясняется ранній бракъ Александра на принцессѣ Баденской Луизѣ, въ православіи Елисаветѣ Алексѣевнѣ, устроенный Екатериной, помимо согласія родителей и совершенный 28 сентября 1793 г. Но для исполненія этого плана нужно было, прежде всего, заручиться согласіемъ самого Александра Павловича, не возбуждая его сыновнихъ чувствъ. Два лица имѣли на него вліяніе: воспитатель его гр. Салтыковъ и наставникъ Лагарпъ; къ ихъ содѣйствію и обратилась императрица. Салтыковъ, однако, какъ всегда дѣйствовалъ уклончиво, выпутываясь изъ дворскихъ затрудненій, а Лагарпъ даже не допустилъ императрицу высказать ея планъ, успѣвъ дать ей понять въ теченіе двухчасового разговора, что онъ вовсе не сочувствуетъ этой насильственной мѣрѣ. Мало того, онъ сталъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы поселить добрыя отношенія между отцомъ и сыномъ. Повліявъ въ этомъ отношеніи на своего воспитанника, Лагарпъ всячески заботился о томъ, чтобы добиться аудіенціи у Павла и предостеречь его. Безъ сомнѣнія, Екатерина замѣтила противодѣйствіе Лагарпа ея намѣреніямъ, уволивъ его неожиданно въ концѣ 1794 г. отъ занятій со своимъ внукомъ. Но Лагарпъ добился своего: предъ отъѣздомъ, въ маѣ 1795 г., онъ успѣлъ представиться Павлу Петровичу въ Гатчинѣ, не открывая тайны, уговорилъ его измѣнить свое обращеніе съ дѣтьми, разсѣялъ всѣ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему дѣтей; и совѣтовалъ всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не чрезъ третье лицо (должно быть, Салтыкова) и т. д. Павелъ Петровичъ обнялъ Лагарпа, съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать и пригласилъ его остаться на весь день въ Гатчинѣ. Страннымъ, вѣроятно, показалось Павлу видѣть своимъ союзникомъ республиканца, оказавшагося его единственнымъ защитникомъ въ такомъ важномъ для его будущности дѣлѣ. Послѣдствіемъ стараній Лагарпа было то, что съ весны 1795 г. вмѣсто одного раза въ недѣлю, великій князь Александръ, съ братомъ своимъ Константиномъ, стали ѣздить къ родителямъ въ Гатчину и Павловскъ четыре раза и занимаясь тамъ маневрами, ученьями и

парадами; въ слѣдующемъ же 1796 г. фронтовыя занятія великаго князя Александра Павловича такъ расширились, что онъ ѣздилъ туда ежедневно, не исключая и праздниковъ, выѣзжая туда въ 6 часовъ утра и возвращаясь въ Царское Село не ранѣе перваго часу дня, а часто ѣздилъ къ родителямъ и послѣ обѣда. Мало-по малу братья вошли во вкусъ мелочей военной службы, отъ которыхъ ранѣе оберегала ихъ бабушка и стали тепло относиться къ отцу, особенно Константинъ, со страстью предавшійся изученію фронтоваго дѣла. Павелъ Петровичъ, съ своей стороны, дружески обращался съ дѣтьми, внушая имъ свои воззрѣнія, но легко было замѣтить, что искренній, порывистый Павелъ не вполнѣ довѣрялъ уклончивому характеру Александра и видѣлъ въ немъ любимца Екатерины и воспитанника Лагарпа. Недовѣріе это отчасти было не безосновательно...

Какъ бы то ни было, но въ 1795 г. и первая половина 1796 г. протекла для Павла въ сравнительно счастливыхъ семейныхъ условіяхъ. Великокняжеская чета опечалена была только кончиною великой княжны Ольги Павловны, 15 января 1795 г., но 7 января она была обрадована рожденіемъ великой княжны Анны Павловны; 15-го февраля 1796 г., не имѣя еще 17 лѣтъ, великій князь Константинъ Павловичъ вступилъ въ супружество съ 15-ти-лѣтней принцессой Саксенъ-Кобургской Юліаной Генріеттой, нареченной Анной Ѳеодоровной; наконецъ 25 іюня 1796 года родился сынъ Николай. Императрица Екатерина принимала живое участіе во всѣхъ этихъ семейныхъ радостяхъ великокняжеской четы, но, естественно, не могла сочувствовать сближенію Александра Павловича съ родителями, такъ какъ сближеніе это уничтожало всѣ ея планы. Поэтому она увидѣла необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію великой княгини Маріи Ѳеодоровны и поэтому тотчасъ послѣ крещенія Николая Павловича въ Царскомъ Селѣ, когда великій князь-отецъ уѣхалъ въ Павловскъ, она передала великой княгинѣ бумагу, въ которой она предлагала ей потребовать отъ Павла Петровича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу великаго князя Александра Павловича; вмѣстѣ съ этимъ, она настаивала на томъ, чтобы Марія Ѳеодоровна скрѣпила

своею подписью эту бумагу, какъ удостовѣреніе ея собственнаго согласія на ожидаемый актъ отреченія. Марія Ѳеодоровна наотрѣзъ отказалась исполнить желаніе Екатерины, и, скрывъ ея предложенія отъ своего супруга, поспѣшила условиться съ Александромъ Павловичемъ о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій противъ настойчивыхъ домогательствъ императрицы.

Такимъ образомъ планъ Екатерины казался да и былъ въ дѣйствительности неосуществимымъ: содѣйствовать ему уклонялись послѣдовательно и Салтыковъ, и Лагарпъ, и Марія Ѳеодоровна; даже то лицо, въ пользу котораго онъ былъ составленъ, ничѣмъ не выражало желанія идти наперекоръ чувствамъ и правамъ отца. Императрица, однако, была убѣждена въ неспособности Павла къ управленію имперіей и рѣшила не отступать отъ своего намѣренія. Но въ это самое время императрица занята была другимъ важнымъ семейнымъ дѣломъ—сватовствомъ шведскаго короля Густава IV на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей шведской королевы и упрямство Густава внезапно разстроили дѣло, казавшееся поконченнымъ. Оскорбленная въ своемъ достоинствѣ Екатерина почувствовала легкій ударъ паралича. На слѣдующій день она оправилась и затѣмъ съ достоинствомъ простилась съ Густавомъ, но Павелъ Петровичъ, встрѣтивъ его во дворцѣ, повернулся къ нему спиною и уѣхалъ въ Гатчину, не простившись съ нимъ. Въ его отсутствіе рѣшила покончить наконецъ съ мучившимъ ее дѣломъ о престолонаслѣдіи: она рѣшилась уже 16-го сентября объясниться съ самимъ Александромъ Павловичемъ и выяснить ему необходимость устраненія его отца отъ престола. Александръ просилъ времени подумать, а 23 сентября писалъ Аракчееву письмо, гдѣ именовалъ отца „императорскимъ величествомъ".

Чѣмъ бы кончилось это печальное дѣло о престолонаслѣдіи, можно сказать утвердительно только одно, что настойчивость императрицы могла бы въ концѣ концовъ поставить Павла Петровича въ тяжелое положеніе: ходили слухи, что 1-го января 1797 г. будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ и что самъ Павелъ Петровичъ будетъ арестованъ и отправленъ въ заключеніе въ замокъ Лоде.

Трудно сказать, какія чувства при такихъ слухахъ волновали Павла Петровича въ это время и хорошо ли жилось ему въ Гатчинѣ осенью 1796 года. 5 ноября онъ обѣдалъ съ Маріей Өеодоровной и приближенными ему лицами на Гатчинской мельницѣ, когда внезапно явился туда изъ Гатчины арендаторъ ея, Штакеншнейдеръ и, найдя у себя великаго князя, сообщилъ ему, что въ Гатчину явился курьеръ съ извѣстіемъ о тяжелой болѣзни императрицы Екатерины.

Прибывъ въ Гатчину, Павелъ Петровичъ нашелъ тамъ графа Николая Зубова, присланнаго братомъ его кн. Платономъ къ наслѣднику съ извѣстіемъ объ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ императрицу. Зубовъ, увидя наслѣдника не шелъ, а бѣжалъ къ нему съ открытой головою, палъ предъ нимъ на колѣна и донесъ о безнадежномъ состояніи императрицы. Великій князь перемѣняетъ тогда цвѣтъ лица и дѣлается багровымъ, одной рукой поднимаетъ Зубова, а другой, ударяя себя въ лобъ, восклицаетъ: „какое несчастіе!“ и проливаетъ слезы, требуетъ карету, сердится, что нескоро подаютъ, ходитъ быстрыми шагами вдоль и поперекъ бесѣдки, третъ судорожно руки свои, обнимаетъ великую княгиню, Зубова, Кутайсова и спрашиваетъ самаго себя: „Застану ли ее въ живыхъ?“ Словомъ, былъ внѣ себя... Опасались, чтобы быстрый переходъ отъ страха къ неожиданности не подѣйствовалъ сильно на его нервы. Кутайсовъ жалѣлъ впослѣд. ствіи, что не пустилъ великому князю немедленно кровь. Тѣмъ не менѣе, Павелъ, очевидно, не вполнѣ довѣрился и Зубову, и поѣхалъ въ Петербургъ лишь тогда, когда явился къ нему нарочный отъ гр. Салтыкова, съумѣвшаго и на этотъ разъ побѣдоносно выйти изъ дворскихъ затрудненій. Въ пятомъ часу пополудни Павелъ Петровичъ, сопровождаемый супругой своей и нѣкоторыми изъ Гатчинцевъ, уже выѣхалъ изъ Гатчины въ Петербургъ. Въ Софіи встрѣтилъ онъ Растопчина, явившагося посланцомъ отъ великаго князя Александра Павловича и приказалъ ему слѣдовать за собою; кромѣ Растопчина, цесаревича встрѣтили на пути его отъ Гатчины до Петербурга до 25 курьеровъ, всѣ съ однимъ и тѣмъ же извѣстіемъ. „Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, разсказываетъ Растопчинъ, наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его

вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°; луна то показывалась изъ-за облаковъ, то опять за оныя скрывалась. Стихіи, какъ-бы въ ожиданіи важной перемѣны, пребывали въ молчаніи и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что наслѣдникъ устремилъ свой взоръ на луну и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ Россійскій, любя Отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувство преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго Монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между нимъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: „Ah, Monseigneur, quel moment hour Vous!“ На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: „Attendez, mon cher, attendez! J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état auquel Il me destine. Espérons tout de Sa bonté *).“

Въ Петербургъ великокняжеская чета прибыла въ $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Въ Зимнемъ дворцѣ собравшіяся придворныя и высшія правительственныя лица встрѣтили Павла уже какъ государя, а не наслѣдника. Примѣръ для всѣхъ подали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, явившіеся къ отцу въ гатчинскихъ своихъ мундирахъ, въ которыхъ прежде они не смѣли показываться при дворѣ Екатерины.

Даже заклятые недоброжелатели Павла Петровича, послѣ нѣкотораго размышленія, должны были прійти къ заключенію, что думать объ устраненіи его отъ престолонаслѣдія было возможно лишь при жизни Екатерины. „Но, заключаетъ Болотовъ, даже тогда всѣ трепетали и отъ помышленія одного о томъ, ибо всякій благомыслящій сынъ отечества легко могъ предусматривать,

*) «Подождите, мой милый, подождите! Я прожилъ сорокъ два года. Господь меня поддерживалъ. Быть можетъ, Онъ дастъ мнѣ силу и разумъ исполнить даруемое Имъ мнѣ предназначеніе. Будемъ надѣяться на Его милость!»

что случай таковой могъ-бы произвесть безчисленныя бѣдствія и подвергнуть всю Россію необозримымъ несчастіемъ, опасностямъ и смутнымъ временамъ и нанесть великій ударъ ея славѣ и блаженству и потому чистосердечно радовался и благословлялъ судьбу, что сего не совершилось, а вступилъ на престолъ законный наслѣдникъ, и вступленіе сіе не обагрено было ни кровью, ни ознаменовано жестокостью, а произошло мирно, тихо и съ сохраненіемъ всего народнаго спокойствія. Всѣ радовались тому и не сомнѣвались уже въ томъ, что помянутая молва (о нежеланіи императрицы оставить престолъ своему сыну) была пустая".

По прибытіи въ Петербургъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, прежде всего, отправились къ умиравшей императрицѣ. Видя мать свою лежащей безъ движенія, великій князь отдался, по свидѣтельству современниковъ, глубокой горести: онъ плакалъ, цѣловалъ у нея руки и, вообще, проявлялъ всѣ чувства истинно любящаго сына. Ночь великій князь провелъ въ смежномъ со спальной Екатерины угольномъ кабинетѣ, куда призывалъ всѣхъ, преимущественно Гатчинцевъ, съ кѣмъ хотѣлъ разговаривать или кому что-либо приказывалъ, такъ что всѣ эти лица поневолѣ должны были проходить мимо умиравшей государыни. Это была первая неумышленная ошибка Павла Петровича, давшая поводъ его врагамъ обвинять его въ неуваженіи къ матери. Вообще весь дворецъ ночью наполнялся постепенно прибывавшими, по приказанію Павла, гатчинцами, появленіе которыхъ въ ихъ своеобразныхъ формахъ во внутреннихъ комнатахъ дворца возбуждало всеобщее удивленіе придворныхъ, шепотомъ освѣдомлявшихся другъ у друга о „новыхъ остготахъ", дотолѣ невиданныхъ даже въ дворцовыхъ переднихъ.

Когда около трехъ часовъ утра великій князь Александръ Павловичъ возвратился наконецъ къ своей супругѣ, великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, не видавшей его съ вечера, то видъ годчинскаго его мундира, котораго великая княгиня никогда не видѣла на немъ при Екатерининскомъ дворѣ и надъ которымъ она постоянно смѣялась, вызвалъ у нея потоки слезъ: ей показалось, что изъ спокойнаго и пріятнаго мѣстопребыванія она внезапно перенесена въ крѣпость.

Слѣдующій день, 6-го ноября, Павелъ Петровичъ распоряжался уже какъ полновластный государь. „На разсвѣтѣ черезъ 24 часа послѣ удара“, разсказываетъ Растопчинъ, „пошелъ наслѣдникъ въ ту комнату, гдѣ лежало тѣло императрицы. Сдѣлавъ вопросъ докторамъ, имѣютъ-ли они надежду, и получивъ въ отвѣтъ, что никакой, онъ приказалъ позвать преосв. Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу Святыхъ Таинъ, что и было исполнено“. „Вслѣдъ затѣмъ“, говоритъ придворная запись, „отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру гр. Безбородко и генералъ прокурору гр. Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ великихъ князей Александра и Константина всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ императрицы и потомъ запечатавши сложить ихъ въ особое мѣсто. Къ этому приступилъ его высочество самъ, взявъ тетрадь, на которой находилось послѣднее писаніе ея величества, и положивъ ее, не складывая, уже на этотъ случай приготовленную, куда потомъ положили выбранныя изъ шкафовъ, ящиковъ и т. п. тщательно опорожненныхъ, собственноручныя бумаги, которыя послѣ были перевязаны лентами, завязаны въ скатерть и запечатаны камердинеромъ Ив. Тюльпинымъ въ присутствіи вышеупомянутыхъ высокихъ свидѣтелей“. Та-же мѣра была принята, въ присутствіи великаго князя Александра, и по отношенію къ Платону Зубову.

Агонія императрицы Екатерины продолжалась послѣ пріѣзда Павла Петровича въ Зимній дворецъ еще сутки. Вечеромъ 6-го ноября, въ три четверти десятаго часа, великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и отошла въ вѣчность. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ придворной церкви, совершена уже была высшимъ духовенствомъ, всѣми сановниками и придворными чинами присяга на вѣрность Императору Павлу Петровичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно кабинетному предначертанію Павла, въ первый разъ со времени Петра В., принесена была присяга, какъ наслѣднику престола, старшему сыну воцарившагося государя, великому князю Александру Павловичу.

Царствованіе императора Павла.

I.

Наслѣдіе Екатерины Великой.—Темныя стороны ея царствованія и отношеніе къ нимъ императора Павла.—Дворъ и общество при вступленіи его на престолъ.—Первыя распоряженія императора. — Мѣры по военной части. — Отношенія къ дворянству, крестьянству и духовенству.—Мѣры по гражданскому управленію. — Программа внѣшней политики.

Императрица Екатерина Вторая, еще при жизни своей получившая наименованіе Великой, оставляла Россію своему преемнику въ переходномъ состояніи. 34 года ея блестящаго царствованія представляли собой рядъ плодотворныхъ, запечатлѣнныхъ мыслію и любовью къ Россіи трудовъ для укрѣпленія и усиленія государства извнѣ и устроенія его внутри. Элементы государственности и общественности, тихо созрѣвавшіе при Елисаветѣ Петровнѣ, при Екатеринѣ развернулись, достигли высшаго своего развитія; заслуга Екатерины и состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что она умѣло направляла ихъ въ государственныхъ цѣляхъ огромной имперіи, сообразно съ сложившимся до нея укладомъ русской жизни. Врагъ всякой ломки, государыня чутко прислушивалась къ пульсу государственной и народной жизни и, ничего не навязывая народу, давала просторъ удовлетворенію его потребностей, поскольку это не мѣшало въ данную минуту крѣпости и силѣ государства. Въ этомъ смыслѣ императрица не имѣла точно опредѣленной, застывшей въ подробностяхъ правительственной программы. Она не была поклонницей крѣпостного права, теоретически осуждала его, а, между тѣмъ, именно въ ея царствованіе дворянство получило зна-

ченіе правительствующаго класса, такъ какъ въ немъ только она могла найти элементы къ созданію русскаго *общества* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Очевидно, однако, что политическое и экономическое преобладаніе дворянскаго сословія представлялось ей временнымъ, потому что при ней же положены были прочныя основы къ возсозданію и укрѣпленію средняго класса народа („третьяго сословія"). Каждая мѣра Екатерины по внутреннему строительству государства совмѣщала въ себѣ и удовлетвореніе назрѣвшихъ потребностей государства, примѣнительно къ современнымъ условіямъ жизни народа, и сѣмена новыхъ реформъ, которыя, сообразно новымъ потребностямъ народа и государства, органически вытекали изъ старыхъ. *Разъ навсегда*—не существовало для Екатерины. Гибкій умъ ея, развитый и государственнымъ опытомъ, и тщательнымъ изученіемъ исторіи, намѣчалъ этапы въ народномъ развитіи и изыскивалъ для него болѣе легкіе, болѣе осуществимые пути. Государственная машина работала сильно, но тихо, безъ шума и толчковъ; проявленіямъ частныхъ неудовольствій, вліянію отдѣльныхъ личностей, Екатерина могла при этомъ не придавать особаго значенія.

Такая правительственная система отвѣчала и особенностямъ ума и характера императрицы, и необходимости для нея послѣ переворота, возведшаго ее на престолъ, опереться до времени на господствующее въ странѣ сословіе. Однако, въ послѣдніе годы своей жизни состарѣвшаяся императрица, окруженная недостойными любимцами и занятая по преимуществу внѣшней политикой и семейными своими дѣлами, мало обращала вниманія на внутреннее состояніе государства. Постоянныя войны, давая Россіи внѣшній блескъ и возвышая ея политическое значеніе, повлекли за собою истощеніе силъ страны постоянными рекрутскими наборами, паденіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ, увеличеніемъ задолженности имперіи. Въ моментъ вступленія императора Павла на престолъ, Россія вела войну съ Персіей на Кавказѣ, гдѣ русскія войска, подъ командою графа Валеріана Зубова, взяли уже Дербентъ, и готовилась начать войну съ Франціей, въ качествѣ союзницы Австріи; объявленъ былъ для

укомплектованія арміи рекрутскій наборъ, а финансовыя средства государства, въ виду постоянныхъ возраставшихъ дефицитовъ, предполагалось, по плану князя Платона Зубова, увеличить перечеканкой мѣдной монеты съ уменьшеніемъ ея цѣнности. Между тѣмъ, расходы на армію въ значительной степени были непроизводительны, такъ какъ въ военное хозяйство и администрацію, по вліянію временщиковъ и безотвѣтственной власти командовавшихъ генераловъ, вкрались невѣроятныя злоупотребленія: наличный составъ арміи далеко не совпадалъ съ ея численностью по спискамъ; масса рекрутъ не попадала даже въ армію, а поступала въ крѣпостное владѣніе высшихъ военныхъ чиновъ; деньги, отпускавшіяся на довольствіе солдатъ, также шли въ карманы ихъ командировъ, не стѣсненныхъ уставами или положеніями. Гвардія пользовалась огромными преимуществами передъ арміей; но дисциплина въ ней была въ полномъ упадкѣ, служба офицеровъ была легкой черезчуръ, такъ какъ они вовсе почти не занимались фронтовою частію. Дворянство, наполнявшее гвардію, числилось на службѣ большею частію лишь по спискамъ; многіе, вслѣдствіе взяточничества полковыхъ канцелярій, записывались въ нее еще въ младенчествѣ; между тѣмъ полки и отдѣльныя части въ арміи давались по преимуществу гвардейскимъ офицерамъ. Все это приводило къ тому, что на льготное прохожденіе военной службы дворяне привыкли смотрѣть какъ на особую привиллегію своего сословія, хотя и въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ. Злоупотребленія въ гражданской администраціи и въ судахъ также достигли апогея; бездѣятельность правительственныхъ установленій и органовъ, при повсемѣстной распущенности и отсутствіи контроля, была поразительна: даже въ сенатѣ къ началу царствованія Павла было до 11.000 нерѣшенныхъ дѣлъ въ производствѣ накопившихся годами. Донесенія иностранныхъ агентовъ и современныя русскія свидѣтельства вполнѣ согласны между собою въ этомъ отношеніи. Болѣе всѣхъ страдало отъ произвола властей крестьянское сословіе, большею частію закрѣпощенное и несшее на себѣ всю тягость государственныхъ и земскихъ повинностей.

Всѣ эти тѣневыя стороны картины царствованія Екатерины давно были сознаны ея сыномъ и наслѣдникомъ. „По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ“,— свидѣтельствуетъ самъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ указовъ,—входя по долгу нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи, увидѣли мы, что хозяйство государственное, не взирая на учиненныя въ разныя времена измѣненія доходовъ, отъ продолженія чрезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ считаю распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходы. Недостатокъ годъ отъ года возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе; къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большой вредъ и разстройство за собою влекущія. Въ трудномъ семъ положеніи предпочли мы однако-жъ искать поправленія подобныхъ вредныхъ средствъ и преграды имъ на будущее время, а потомъ уже положить лучше и достаточнѣйшее основаніе государственному хозяйству“. Изъ золъ екатерининскаго царствованія которыя необходимо было пресѣчь въ самомъ началѣ своего правленія, Павелъ указалъ наиболѣе важныя: огромное количество находившихся въ обращеніи „банковыхъ ассигнацій, которыя мы всегда признавали и признаемъ истиннымъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ нашей и тѣмъ священнѣйшимъ, что онъ пособствовалъ нуждамъ государственнымъ“; „распространеніе военнаго пламени, которое изъ вознамѣреннаго предъ вступленіемъ нашимъ на престолъ содѣйствія большими силами противу французовъ неминуемымъ было бы слѣдствіемъ“; „тягость для подданныхъ нашихъ уже готовую отъ умноженія арміи, для котораго и наборъ рекрутъ по одному со ста былъ тогда же предписанъ“; „сборъ провіанта и фуража, сопрягавшій съ собою безмѣрное для поселянъ изнуреніе, подвергая ихъ злоупотребленіямъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ едва ли какое бдѣніе предостеречь можетъ“, „необузданное своевольство съ каковымъ предназначенныхъ на военную службу людей растаскивали на домашія услуги, на поселенія въ собственныхъ

деревняхъ и на такія употребленія, хотя при войскахъ, кои не для нужды и помощи оныхъ, но для одной прихоти и суетнаго оказательства служили"; своевольство это для Павла было тѣмъ возмутительнѣе, что оно мѣшало облегченію поселянъ „въ пунктѣ самомъ важнѣйшемъ, гдѣ сіи добрые и полезные члены государства жертвуютъ своею собратіею на оборону отечества" „Флоты", говорится въ другомъ изъ указовъ Павла, „съ восшествіемъ нашимъ на прародительскій престолъ, приняли мы въ такомъ ветхомъ состояніи, что корабли, составляющіе оные, большею частію оказались, по гнилости своей, на службу неспособными"

Все это было правдой, но правдой на столько рѣзкой, что, конечно, не сыну Екатерины слѣдовало подчеркивать ее въ оффиціальныхъ документахъ, объявлять о ней съ высоты престола. Но въ этомъ проявились личныя свойства Павла: его запальчивость, неосторожная прямолинейность; въ своихъ стремленіяхъ къ правдѣ, къ возвеличенію попранной справедливости, онъ мало думалъ о способахъ къ достиженію намѣченной цѣли и вовсе не заботился о впечатлѣніи, какое производили эти способы. Въ своемъ увлеченіи императоръ не видѣлъ даже, что способы эти могли производить зло гораздо большее, чѣмъ то, которое они имѣли цѣлью уничтожить. Въ борьбѣ съ установившимися въ послѣдніе годы царствованія Екатерины злоупотребленіями, проникшими во всѣ стороны государственной и общественной жизни, необходимы были для новыхъ императора тѣ именно качества, которыми въ высокой степени обладала его мать: уравновѣшенная осмотрительность и тонкій тактъ, доказывавшіе, что императрица умѣла управлять собой даже болѣе, чѣмъ своими подданными.

Павелъ не умѣлъ управлять собой, не владѣлъ своими чувствами, а въ борьбѣ, имъ задуманной это былъ большой минусъ не только для личности самого борца, какъ бы онъ ни былъ могущественъ, но и для самого дѣла: въ горячкѣ пробудившихся страстей утрачивалось чувство мѣры, спокойное пониманіе окружавшей обстановки и, что важнѣе всего, на первый планъ въ борьбѣ выступали мелочи, затемнявшія сущность самаго дѣла, а иногда и вовсе его упразднявшія.

Быстрота, съ какой новый императоръ приводилъ свои рѣшенія въ исполненіе, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, усиливала невыгодное впечатлѣніе, какое производилъ характеръ дѣйствій Павла на современниковъ. Вотъ почему въ свидѣтельствахъ ихъ объ императорѣ Павлѣ и его царствованіи мы, въ большинствѣ случаевъ, видимъ не изложеніе фактовъ или анализъ ихъ, сколько разсказъ о пережитыхъ впечатлѣніяхъ. Эти впечатлѣнія такъ общи, такъ могущественны для современниковъ, что историкъ не можетъ не признать ихъ, даже при доказанной обманчивости многихъ изъ нихъ,—также за историческій фактъ, наряду съ другими имѣющій безспорное право на спокойное обсужденіе и безпристрастную оцѣнку.

Дворъ и столичное общество уже издавна настроены были противъ Павла Петровича: знали гатчинскіе порядки и боялись установленія ихъ въ Петербургѣ и по всей Россіи: холодность въ отношеніяхъ между императрицей и сыномъ также извѣстна была всѣмъ и каждому, и стоустая молва разносила даже въ глухой провинціи вѣсть о томъ, что Павелъ будетъ отстраненъ отъ наслѣдованія престола въ пользу великаго князя Александра Павловича. Высшіе чины двора и имперіи, даже неповинные въ злоупотребленіяхъ, привыкли относится къ Павлу какъ къ мертвому человѣку; другіе увѣрены были въ своей безнаказанности; съ надеждой на лучшее будущее встрѣчали восшествіе Павла лишь низшіе классы народа. Общее чувство въ обществѣ былъ „страхъ, такъ какъ всѣ хорошо знали характеръ Павла“. Самъ Павелъ не обманывался въ чувствахъ къ себѣ двора и общества. „Меня никогда не допустятъ взойти на престолъ“, говорилъ онъ графинѣ Розенбергъ за пятнадцать еще лѣтъ до кончины Екатерины: „и я на это не стану разсчитывать но если судьба доведетъ меня до этого, не удивляйтесь тому, что, какъ вы увидите, я сдѣлаю Вы знаете мое сердце но вы не знаете этихъ людей, а я знаю, какъ нужно ими управлять“.

Обстоятельства, сопровождавшія восшествіе Павла на престолъ, еще не совсѣмъ выяснены, но несомнѣнно, что всеобщее покорное признаніе его наслѣдникомъ Екатерины во

время смертельной ея агоніи не изгладили въ немъ чувствъ недовѣрія и подозрительности. Къ екатерининскимъ вельможамъ недовѣріе это было естественнымъ послѣдствіемъ прошлаго. Даже Безбородко, вручившій Павлу завѣщаніе Екатерины, устранявшее его отъ престола, былъ, говорятъ, встрѣченъ вопросомъ о причинѣ его поступка, и Безбородко находчиво указалъ на то, что, принимая въ 1762 г. присягу Екатеринѣ, онъ присягалъ въ то же время и великому князю Павлу Петровичу, какъ ея наслѣднику. Неудивительно, что Павелъ спѣшилъ перенести въ Петербургъ свою гатчинскую обстановку, окружить себя людьми, на преданность которыхъ онъ считалъ возможнымъ положиться. Комендантомъ въ городѣ назначенъ былъ Аркачеевъ, занявшій въ Зимнемъ дворцѣ покои бывшаго фаворита князя П. А. Зубова; гатчинцы: Растопчинъ, Кушелевъ, и Котлубицкій, произведенные въ генералъ-маіоры, назначены были, вмѣстѣ съ С. И. Плещеевымъ, адъютантами при особѣ императора, причемъ Растопчинъ назначенъ былъ докладчикомъ по военной части. 10 ноября въ Петербургъ вступили гатчинскія войска; они размѣщены были по гвардейскимъ частямъ, причемъ офицеры поступали въ гвардію чиномъ въ чинъ. Вызваны были въ Петербургъ давніе сторонники опальнаго цесаревича: князь Репнинъ, пожалованный въ фельдмаршалы кн. Александръ Куракинъ, назначенный вице-канцлеромъ, и братъ его, кн. Алексѣй, на котораго 6-го декабря возложены были обязанности генералъ-прокурора. Не забытъ былъ и „ближній человѣкъ“ къ императору, камердинеръ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, пожалованный „въ разсужденіи долговременной и усердной его службы въ гардеробмейстеры пятаго класса“ и получившій въ завѣдываніе дворцовую прислугу. Зимній дворецъ измѣнилъ свою физіономію. Въ ночь послѣ смерти Екатерины великій князь Александръ, вмѣстѣ съ Аркачеевымъ, уже разставлялъ вокругъ дворца новыя пестрыя будки и часовыхъ. „Повсюду загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ“. „Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе бекеты (караулы), безпрестанно входящіе и выходящіе офи-

церы съ повелѣніями, съ приказами, особливо, поутру, стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, — все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ ужъ тотчасъ замѣтно было, сколь государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ... Для меня непонятнымъ сдѣлалось, отчего государь возымѣлъ къ своему народу такую недовѣрчивость". „Весь прежній блескъ, вся величавость двора исчезли. Вездѣ въ немъ и вокругъ него появлялись солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли какъ бы уже лишенные своихъ должностей и званій, съ поникнутой головой, непримѣтные въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—бѣгали, повелѣвали, учреждали". Новая, невиданная военная обстановка, конечно, вызывала сначала рядъ недоразумѣній, иногда смѣшныхъ, часто прискорбныхъ. Графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ, проходя апартаментами дворца мимо караула, испугалась, услышавъ новыя командныя слова офицера, вставшаго при ея появленіи: „вонъ!", (къ ружью): караулъ отдавалъ ей честь.

Хотя сотрудники Екатерины и поняли, что при новомъ государѣ имъ уже не было мѣста въ управленіи, за исключеніемъ Безбородко, сумѣвшаго заручиться его довѣріемъ, но лично къ каждому изъ нихъ Павелъ не проявлялъ немилости. Многіе изъ нихъ, какъ напр. князь Зубовъ, графъ Остерманъ, осыпаны были даже сначала наградами, наравнѣ съ гатчинцами; вмѣстѣ съ тѣмъ, бригадиру Алексѣю Бобринскому, сыну кн. Григорія Орлова, пожалованъ былъ графскій титулъ и имѣнія, которыя предназначались ему при Екатеринѣ. Зато люди, извѣстные своими злоупотребленіями или заподозрѣнные въ нихъ, или сами спѣшили удалиться отъ двора, или увольняемы были отъ службы. Одинъ изъ нихъ, Турчаниновъ, завѣдывавшій при Екатеринѣ Канцеляріей Строеній, даже бѣжалъ изъ столицы и пропалъ безслѣдно. Стараясь показать, что новый императоръ позабылъ обиды, нанесенныя великому князю, Павелъ не

забылъ и опальныхъ прошлаго царствованія: дарована была свобода Новикову и Радищеву, а Костюшкѣ, вмѣстѣ съ другими польскими плѣнными, позволено было выѣхать за границу, причемъ пожаловано было ему 80.000 р. Заключенныхъ въ тайной экспедиціи повелѣно было освободить всѣхъ безъ изъятія; прощены были и нижніе чины, находившіеся подъ судомъ и слѣдствіемъ, кромѣ обвиненныхъ въ важныхъ преступленіяхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ желалъ воздать должное памяти отца своего, Петра III, и совершить загробное его примиреніе съ Екатериной II. По совѣту, какъ говорятъ, Плещеева, прахъ Петра выкопанъ былъ изъ могилы его, находившейся въ Александро-Невской лаврѣ, императоръ возложилъ на него корону, и затѣмъ гробъ Петра былъ торжественно похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ, одновременно съ гробомъ Екатерины. Вслѣдъ затѣмъ понесли наказаніе главные „пособники" Екатерины при восшествія ея на престолъ: князу Ѳедору Барятинскому и графу Алексѣю Орлову-Чесменскому запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы, а княгинѣ Дашковой, жившей въ Москвѣ, приказано было выѣхать въ дальнія свои деревни, „припамятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 г.". Такимъ образомъ, желанія умершаго наставника Павла, графа Петра Ивановича Панина, чтобы новый императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, торжественно осудилъ бы царствованіе матери, далеко не осуществились, и желчные манифесты, заранѣе заготовленные имъ съ этою цѣлью, остались спокойно лежать въ кабинетѣ государя „на память будущимъ вѣкамъ".

Темныя стороны царствованія Екатерины болѣе или менѣе сознавались всѣми, даже ея приверженцами: „сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества", писалъ по этому поводу Карамзинъ. Но мелочной характеръ первыхъ распоряженій Павла, особенно по военной части, ихъ крайняя поспѣшность, не могла произвести выгоднаго впечатлѣнія на общество уже потому, что они выдвигали на первый планъ внѣшность въ ущербъ содержанію, и стѣсняли личную свободу даже въ частныхъ отношеніяхъ. Въ массѣ мѣръ мелочныхъ, иногда странныхъ

для людей вѣка Екатерины, обладавшихъ широкимъ кругозоромъ, исчезли для общества постановленія дѣйствительно полезныя, запечатлѣнныя государственнымъ умомъ. Изданіемъ военныхъ уставовъ въ первые же дни своего царствованія императоръ уничтожалъ безпорядки, вкравшіеся въ военное хозяйство, улучшалъ бытъ солдата и давалъ арміи прочную организацію; но эти положительныя достоинства военныхъ реформъ Павла выяснялись не сразу, а между тѣмъ, на всѣхъ, даже на военныхъ, произвели отталкивающее и смѣшное впечатлѣніе новая, въ гатчинскомъ духѣ, обмундировка войскъ съ пуклями и косами, напоминавшая давнія времена Фридриха II и Петра III, строгое изученіе тайнъ экзерцирмейстерства, „духъ капральства, умертвившій благородный духъ воинскій". Духъ инціативы, „умничанья" по воинской части, прославившій войска Екатерины, былъ упраздненъ, а на его мѣсто поставлено было строгое исполненіе дисциплинарныхъ требованій уставовъ и инструкцій и слѣпое повиновеніе: требовались не люди, а машины, а нравственная сила войскъ, благодаря которой одержаны были героическія побѣды Румянцева и Суворова, несмотря на техническія и матеріальные недостатки въ войскахъ, — не ставилась ни во что. Можно представить себѣ негодованіе Суворова, когда онъ увидѣлъ своихъ „чудо-богатырей" въ „неудобно-носимыхъ обрядахъ", выдѣлывающихъ всѣ гатчинскія экзерциціи! Отсюда цѣлый потокъ ѣдкихъ сарказмовъ, вышедшихъ изъ глубины его наболѣвшаго сердца; отсюда— его попытки дѣлать представленія государю. Но въ этихъ представленіяхъ Павелъ видѣлъ одно лишь ослушаніе, такъ какъ другіе екатерининскіе генералы, даже фельдмаршалы, спѣшили исполнить желанія его и даже посѣщали устроенный въ Зимнемъ дворцѣ „тактическій классъ", гдѣ подъ надзоромъ Аракчеева читалъ лекціи по строевой части новаго устава гатчинецъ Каннабихъ, ранѣе бывшій учителемъ фехтованія. По разсказамъ Ермолова, быть можетъ преувеличеннымъ, Каннабихъ такъ поучалъ своихъ слушателей: „Э, когда командуютъ: позводно направо, офицеръ говоритъ коротково; э, когда командуютъ позводно налѣво, то просто налѣво. Офицеръ, который тутъ стоялъ, такъ эспантонъ

держалъ и такъ маршировалъ и только всего и больше ничего". Повѣрка знанія новаго устава производилась на вахтъ-парадѣ, который императоръ производилъ поочередно разнымъ частямъ войскъ ежедневно на площади Зимняго дворца и на которомъ должны были присутствовать всѣ офицеры гвардіи. Ни одна мелочь не ускользала тогда отъ зоркаго взгляда Павла, и виновные въ упущеніяхъ сейчасъ же подвергались взысканіямъ, а нѣкоторые прямо съ парада на особыхъ фельдъегерскихъ тройкахъ отправляемы были въ дальніе батальоны. Главный инспекторъ, Аракчеевъ, бывшій идеаломъ для прочихъ, былъ ненавидимъ за безчеловѣчные поступки съ солдатами и за дерзкое поведеніе съ офицерами. Жестокость его съ нижними чинами простиралась до того, что онъ однажды схватилъ гренадера за усы и оторвалъ оные вмѣстѣ съ мясомъ. При смотрѣ екатеринославскаго гренадерскаго полка, который онъ посланъ былъ инспектировать, онъ при всѣхъ назвалъ знамена этого полка, столь прославившагося своими боевыми заслугами, екатерининскими юбками. Можно вообразить, съ какимъ негодованіемъ должны были выслушать офицеры вѣка Екатерины слова эти, произнесенныя человѣкомъ, никогда не бывавшимъ на войнѣ! Павелъ зналъ о неудовольствіи офицеровъ и охотно разрѣшалъ желавшимъ выйти въ отставку. Убылыя мѣста замѣщаемы были гвардейскими офицерами, числившимися въ отпуску: начальникамъ губерній приказано было немедленно выслать ихъ въ Петербургъ. Многіе изъ нихъ, записанные на службу съ дѣтства, никогда не являлись на нее, хотя по существовавшимъ злоупотребленіямъ производились изъ чина въ чинъ. По указу Павла, дворяне могли поступить теперь въ гвардію не иначе, какъ только нижнимъ чиномъ, а если „будутъ не прилежны къ службѣ и не вѣжливы, также усмотрятся во фракахъ одѣтыми и дѣлать шалости по городу, то будутъ выписаны въ солдаты въ полевые полки". Мѣры эти, принятыя на другой же день послѣ восшествія Павла на престолъ, имѣли цѣлью прекратить ненавистный для него служебный „развратъ" дворянъ, но внезапность этихъ мѣръ и суровый ихъ характеръ, послѣ правильной жизни при Екатеринѣ, произвели

ошеломляющее дѣйствіе. „Вездѣ и вездѣ слышны были одни только сѣтованія, озлобленія и горевания; вездѣ воздыханіе и утираніе слезъ, текущихъ изъ глазъ матерей и сродниковъ; никогда такое множество слезъ проливаемо не было, какъ въ сіе время". Придворные чины также подверглись ограниченіямъ: не исполнявшіе обязанностей военной службы, но числившіеся въ полкахъ камергеры, камеръюнкеры и др. были исключены изъ списковъ.

Должна была переучиваться жить „по-гатчински" и столица, въ угодность привычкамъ новаго государя. „Міръ, говоритъ современникъ, живетъ примѣромъ царя... Царь самъ за работою съ ранней зари, съ шести часовъ утра! Генералъ-прокуроръ каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ съ $5^1/_2$ часовъ утра. Приходя къ графу Н. И. Салтыкову (президенту военной коллегіи) въ исходѣ шестого часа утра, не одинъ разъ находилъ я его не въ томъ, другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра... Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за кресломъ". Въ 10 часовъ вечера Павелъ ложился спать, и вслѣдъ затѣмъ замирала жизнь и въ Петербургѣ; не ложившіеся еще на ночной отдыхъ обыватели, для избѣжанія придирокъ полиціи, завѣшивали окна двойными занавѣсами и запирали ставнями. Днемъ жизнь обывателя также поставлена была была въ рамки особыми полицейскими распоряженіями. Уже утромъ 8-го ноября воспрещено было употребленіе круглыхъ шляпъ, отложныхъ воротниковъ, фраковъ, жилетовъ, сапоговъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмѣсто которыхъ предписывалось носить пряжки: все это были моды „развратной", революціонной Франціи; зато всѣмъ обывателямъ изъ дворянъ и чиновниковъ велѣно было носить пудру и косичку, или гарбейтель, а волосы зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ. Для уничтоженія роскоши указано было число лошадей для выѣзда, сообразно рангамъ владѣльцевъ. Экипажамъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться при встрѣчѣ съ высочайшими особами, и тѣ, кто сидѣлъ въ

экипажахъ, должны были выходить изъ нихъ для отданія поклона; дамы отдавали этотъ поклонъ, стоя на подножкѣ. Въѣздъ и выѣздъ изъ города подлежалъ строгому контролю: на заставахъ устроены были шлагбаумы, выкрашенные въ черную краску съ бѣлыми полосами, и караульные офицеры вели списки проѣзжающихъ, которые каждый день докладывались императору. За нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ, хотя бы невольное, обыватели подвергались строгимъ взысканіямъ, и они оттого постоянно находились въ напряженномъ состояніи. По свидѣтельству современника, „нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно проникала, „особенно послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось милостивою снисходительностію ко всему, что не носило характера преступленія“.

Тяжелое впечатлѣніе усиливалось неразумными или предательскими мѣрами петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, Н. П. Архарова, спѣшившаго исполнять распоряженія Павла Петровича во что бы то ни стало. На другой же день послѣ восшествія Павла на престолъ „человѣкъ двѣсти солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на три или на четыре партіи, бѣгали по улицамъ и, во исполненіе повелѣнія, срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ обрѣзывали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи, капрала и унтеръ-офицера полицейскаго. Кампанія была быстро и побѣдоносно кончена: въ 12 часовъ утромъ не видали уже на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несостояніе дѣйствовать, и тысяча жителей Петербурга брели въ дома ихъ жительства съ непокровенными главами и разодранномъ одѣяніи, полунагіе“. Усердная не по разуму полиція, подъ видомъ желанія угодить новому императору, дѣлала и отъ себя странныя распоряженія; такъ, напр., запрещено было употребленіе словъ: „курносый“ и „Машка“. Идя далѣе по тому же пути, Архаровъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, дошелъ до того, что именемъ государя приказалъ всѣмъ домовладѣльцамъ Пе-

тербурга перекрасить свои дома, по образцу шлагбаумовъ, въ форменные любимые императоромъ цвѣта: черный и бѣлый, расположенные въ шахматномъ порядкѣ. Узнавъ объ этомъ, Павелъ вскричалъ: „развѣ я дуракъ, что ли, чтобы отдавать подобныя приказанія?“ и велѣлъ Архарову выѣхать въ деревню. Императрица Марія Ѳедоровна была права, когда писала по этому случаю Нелидовой: „все это падаетъ на нашего добраго императора, который несомнѣнно и не думалъ отдавать подобнаго приказанія, существующаго, какъ я знаю, по отношенію къ заборамъ, мостамъ и солдатскимъ будкамъ, но отнюдь не для частныхъ домовъ. Архаровъ—негодяй“.

Императоръ не догадывался, что режимъ произвола, который онъ устанавливалъ, долженъ былъ развращающимъ образомъ дѣйствовать, прежде всего на ближайшихъ исполнителей его воли: Архаровъ, „негодяй“, не смѣлъ быть такимъ при Екатеринѣ. Между тѣмъ люди, подобные Архарову, внушали страхъ; одно ихъ слово, одна ихъ секретная аттестація могли повлечь за собою для всякаго, возбудившаго ихъ неудовольствіе, тяжелыя послѣдствія, такъ какъ подозрительный, но готовый на борьбу императоръ въ малѣйшемъ, хотя бы невольномъ уклоненіи отъ исполненія его воли, видѣлъ ослушаніе и проявленіе „французской заразы“, „якобинства“. Для ближайшихъ сотрудниковъ императора было выгодно поддерживать въ немъ нервное настроеніе духа, его боязнь заговоровъ противъ его особы, чтобы доказать свое усердіе и направлять его волю сообразно личнымъ своимъ выгодамъ. Архаровъ былъ первымъ изъ рода тѣхъ доносителей, которые возмущали душевный покой государя. Атмосфера шпіонства, ложныхъ доносовъ, водворялась такимъ образомъ въ столицѣ. Въ гвардіи въ скоромъ времени убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ офицерами, доносилось, куда слѣдуетъ. Каждое неосторожное слово раздувалось въ государственное преступленіе, каждому доносу придавалось значеніе. Между тѣмъ, Павелъ по природѣ склоненъ былъ къ великодушію. Когда Архаровъ довелъ однажды до свѣдѣнія государя ложный доносъ двороваго человѣка на только что оставившихъ службу въ гвардіи пол-

ковника Дмитріева, впослѣдствіи министра юстиціи, и штабсъ-капитана Лихачева, что они будто бы умышляютъ на его жизнь, Павелъ Петровичъ въ самый день Рождества 1796 г. призвалъ обвиняемыхъ къ себѣ въ присутствіи всего двора, офицеровъ гвардіи, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и объявилъ имъ о доносѣ. „Хотя мнѣ, прибавилъ онъ, и пріятно думать, что это клевета, но со всѣмъ тѣмъ я не могу оставить такого случая безъ уваженія. Впрочемъ, я самъ знаю, что государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабость и пороки, но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ успѣть сдѣлать кому-либо какое зло, хотя бы и хотѣлъ того". Помолчавъ немного, заключилъ сими словами: „Если же хотѣть, чтобы *меня* только не было, то надо же кому-нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще такъ молоды!" При этомъ всѣ присутствующіе бросились къ государю и цѣловали его кто въ руку, кто въ плечо. Императоръ былъ тронутъ до слезъ и, придя къ императрицѣ, сказалъ ей: „Теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ; я сейчасъ получилъ новую присягу". Когда же невиновность Дмитріева и Лихачева обнаружилась, они были вновь призваны къ императору: „подойдите, сказалъ онъ, поцѣлуемся" и пригласилъ ихъ къ своему обѣденному столу. Этотъ благородный образъ дѣйствій Павла произвелъ на всѣхъ наилучшее впечатлѣніе. „Сколько я ни пораженъ былъ", разсказываетъ самъ пострадавшій, Дмитріевъ,—„въ ту минуту, когда увидѣлъ себя выставленнымъ на позорище всей столицы, но ни тогда, ни послѣ не возставала во мнѣ мысль къ обвиненію государя; напротивъ того, я находилъ еще въ таковомъ поступкѣ его что-то рыцарское, откровенное и даже нѣкоторое вниманіе къ гражданамъ. Безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ показать, что не хочетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать подобно азіатскому деспоту, скрытно и самовластно. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ знали причину, за что взятъ подъ стражу сочленъ ихъ, и равно причину ихъ освобожденія". Но, разумѣется, эпизодъ съ Дмитріевымъ и Лихачевымъ былъ однимъ изъ немногихъ единичныхъ случаевъ, когда обвиняемые могли предстать лично передъ монархомъ; въ боль-

шинствѣ же случаевъ, вслѣдствіе усвоенной Павломъ ложной системы, онъ самъ отдавалъ себя въ руки окружавшихъ его людей. „Наружная веселость, говоритъ Дмитріевъ, не заглушала скрытнаго страха и не мѣшала коварнымъ царедворцамъ строить ковы другъ противъ друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недовѣрчивость въ государѣ, по природѣ добромъ, щедромъ, но вспыльчивомъ“. И. В. Лопухинъ, вѣрный, искренній слуга Павла, не продержался и двухъ мѣсяцевъ при его дворѣ и удалился въ Москву. „Я увѣренъ, пишетъ онъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, если бы окружавшие его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти“. Хотя Павелъ, по отзыву того же Лопухина, „къ строгости побуждался стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его преубѣжденіемъ“, но этою строгостью что пользовались царедворцы въ личныхъ цѣляхъ, а между тѣмъ ея послѣдствія часто были ничѣмъ не вознаграждаемы даже тогда, когда Павелъ узнавалъ о злоупотребленіи его довѣріемъ. Тотъ же Лопухинъ счелъ нелишнимъ для себя, даже удалившись отъ двора, послать на кафтанъ признанному любимцу Павла бѣлаго бархату съ золотыми травками. До конца жизни Лопухинъ не подозрѣвалъ, однако, что довѣріе государя къ нему и другу его, Плещееву, было подорвано доносомъ на нихъ Растопчина, которому они мѣшали при дворѣ; онъ, какъ самъ разсказываетъ, сообщилъ императору, что мартинисты умышляли на жизнь Екатерины и что Лопухину поручено было будто бы исполнить ихъ замыселъ. „Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, говоритъ самъ Растопчинъ, что этотъ разговоръ нанесъ мартинистамъ смертельный ударъ и произвелъ сильное броженіе въ умѣ Павла, крайне дорожившаго своею самодержавною властію и склоннаго видѣть во всякихъ мелочахъ признаки революціи: Лопухинъ, успѣвши написать всего одинъ указъ о пенсіи какой-то камеръ-юнгферѣ, отправленъ въ Москву сенаторомъ“.

Смягчающее, сдерживающее вліяніе на Павла оказывала его супруга, императрица Марія Ѳеодоровна, и старый

его другъ, фрейлина Катерина Ивановна Нелидова, вновь появившаяся при дворѣ. Императрица Марія, не надѣясь на свои силы и извѣдавъ на опытѣ чистоту побужденій Нелидовой, пожелала сблизиться съ нею. 12 ноября императрица назначена была начальствовать Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ; въ этотъ же день она посѣтила Смольный, увидалась тамъ съ Нелидовой и тогда же заключила дружественный союзъ съ ней навсегда. Видимою цѣлью союза было благо императора и имперіи. „Единеніе это, замѣчаетъ по этому поводу графиня Головина, было для всѣхъ удивительнымъ, если бы вскорѣ не стало яснымъ, что оно основывалось на личномъ интересѣ: безъ m-lle Нелидовой императрица не могла разсчитывать имѣть какое-либо вліяніе на своего супруга, какъ это и было потомъ доказано; точно также и Нелидова безъ императрицы, въ стремленіи своемъ вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворѣ той роли, которою она пользовалась, и нуждалась поэтому въ расположеніи императрицы, бывшей какъ бы защитой ея репутаціи“. Дѣйствительно, Марія Ѳеодоровна и въ особенности Нелидова во многихъ частныхъ случаяхъ сдерживали императора и предостерегали отъ опрометчивыхъ рѣшеній по первому впечатлѣнію; но это женское вліяніе по существу своему было только палліативомъ въ общемъ ходѣ событій, такъ какъ кореннымъ образомъ не могло измѣнить ни правительственной системы императора, ни характера его дѣйствій. Павелъ, съ своей стороны, цѣнилъ привязанность къ себѣ обѣихъ подругъ и доказалъ это на дѣлѣ. Императрица должна была по закону получать по 500.000 р. въ годъ, но Марія Ѳеодоровна, по особому установленію Павла, получала милліонъ, потому что, какъ выразился императоръ, „она совѣтомъ и согласіемъ своимъ помогла Намъ утвердить на предбудущія времена тишину, спокойствіе и блаженство государства въ образѣ и порядкѣ наслѣдства, слѣдственно помогла утвердить судьбу и состояніе родовъ фамиліи Нашей, чѣмъ Мы ей, какъ виновницѣ блаженства сего, и одолжены“. Нелидова упорно отказывалась всегда отъ всякихъ пожалованій, но Павелъ пожаловалъ ея матери имѣніе

съ 2.000 душъ крестьянъ и осыпалъ наградами ея родственниковъ.

Сыновей своихъ императоръ назначилъ полковниками: великаго князя Александра Павловича—Семеновскаго полка, Константина Павловича—Измайловскаго полка и малолѣтняго Николая Павловича—Конной гвардіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на наслѣдника возложены были обязанности военнаго генералъ-губернатора, совмѣстно съ Архаровымъ. Павелъ желалъ посвятить своего наслѣдника въ ходъ государственныхъ дѣлъ и началъ, разумѣется, съ дѣлъ военныхъ. Оба старшіе великіе князья еще при Екатеринѣ со страстью занимались въ Гатчинѣ мелочами военнаго дѣла, парадами и экзерциціями. По восшествіи отца на престолъ, они первые явились во дворцѣ въ гатчинскихъ мундирахъ, напоминая собою, по выраженію современника, старинные портреты прусскихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ. Со своими гатчинскими сослуживцами они увидѣлись въ Петербургѣ съ величайшею радостью. Вообще введеніе при дворѣ и въ государствѣ военнаго режима было имъ по душѣ. Тѣмъ страннѣе читать въ перепискѣ Александра съ Лагарпомъ жалобу его на то, что онъ принужденъ тратить свое время на исполненіе обязанности унтеръ-офицера. Разгадку должно искать въ двойственности его характера, а также въ отношеніяхъ къ отцу, который требовалъ отъ дѣтей такого же строгаго исполненія служебныхъ обязанностей, какъ и отъ послѣдняго офицера. Каждое утро, въ семь часовъ, и каждый вечеръ, въ восемь, великій князь подавалъ императору рапортъ, такъ какъ, по званію военнаго губернатора, ему подчинены были комендантъ города, комендантъ крѣпости и оберъ-полиціймейстеръ. „При этомъ необходимо было отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и его окрестностяхъ, и за мельчайшую ошибку ему давался строгій выговоръ. Великій князь былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ; кромѣ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; изъ сказаннаго можно заключить, что его должность не была синекурой и стоила Александру многихъ безсонныхъ ночей.

Оба великіе князья смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ". Отсюда завязались близкія отношенія Александра съ Аракчеевымъ, котораго Павелъ далъ ему въ руководители по военной части и къ которому обращался онъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Переписка его съ Аракчеевымъ за это время свидѣтельствуетъ, что ученикъ Лагарпа, уже въ эту эпоху, чувствовалъ особую дружбу къ главному гатчинскому инструктору [1].

Идеальныя понятія императора Павла о службѣ государству всѣхъ его вѣрноподданныхъ, безъ различія сословій, прежде всего отозвались конечно на главномъ служиломъ сословіи, дворянствѣ: оно съ самаго начала его царствованія потерпѣло ограниченія. Гнетущія особенности правительственной системы Павла отозвались, даже въ Петербургѣ и Москвѣ, преимущественно на немъ же: императоръ какъ бы хотѣлъ показать предъ всей Россіей, что предъ лицомъ монарха всѣ равны. Прочія сословія, много терпѣвшія при Екатеринѣ отъ произвола служилаго и помѣстнаго дворянства, не находили, естественно, никакихъ основаній жаловаться на „уравнительную" систему императора Павла и, напротивъ, съ восторгомъ привѣтствовали мѣры его по облегченію тягостей народа во всемъ цѣломъ, въ особенности крестьянства, „трудами коего, по выраженію Павла, содержатся всѣ прочія части". Первой заботой императора была установка въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца деревяннаго съ прорѣзомъ ящика, куда каждый могъ бросать всеподданнѣйшія прошенія и жалобы. Павелъ самъ хранилъ у себя ключъ отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждый вечеръ, въ седьмомъ часу, императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и

[1] „Это будетъ для меня великимъ утѣшеніемъ,—писалъ Александръ Аракчееву, когда узналъ, что онъ будетъ сопровождать его въ поѣздкѣ по Россіи,—и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жалко покинуть (sic). Одно у меня безпокойство, это — твое здоровье. Побереги себя ради меня. Мнѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сомнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколь я люблю тебя чистосердечно" и т. д.

затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ секретарей прочитывать ихъ себѣ вслухъ. Резолюціи или отвѣты на эти прошенія иногда публиковались въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, когда, по взгляду государя, содержаніе прошенія и его резолюціи слѣдовало объявить во всеобщее свѣдѣніе въ примѣръ на будущее время. Бывали случаи, когда просителю предлагалось обратиться въ какое-нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затѣмъ извѣстить государя о результатѣ этого обращенія. „Этимъ путемъ, говоритъ современникъ, обнаружились многія возникшія несправедливости, а въ таковыхъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ. Никакія личныя или сословныя соображенія не могли спасти виновнаго отъ наказанія, и остается только сожалѣть, что его величество дѣйствовалъ иногда слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые наказали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ дѣлалъ это императоръ, а между тѣмъ онъ не подвергался бы зачастую тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа“. „Въ продолженіе существованія ящика, сообщаетъ другой современникъ, невѣроятно какое существовало правосудіе во всѣхъ сословіяхъ и правомѣрность... Дозволяю себѣ смѣло и безбоязненно сказать, что въ первый годъ царствованія Павла народъ блаженствовалъ, находилъ себѣ судъ и расправу безъ лихоимства: никто не осмѣливался грабить и угнетать его; всѣ власти придержащія страшились ящика“. Заинтересованныя лица нашли, наконецъ, средство избавиться отъ грознаго ящика. Не прошло и года, какъ каждый день, по распечатаніи ящика, Павелъ находилъ въ немъ по десяти и болѣе язвительнѣйшихъ сатиръ на свои дѣйствія, гнусные пасквили и т. п.; прочитывалъ ихъ, приходилъ въ гнѣвъ, повелѣвалъ разыскивать, чего никоимъ образомъ невозможно было разыскать, и, наконецъ, ящикъ, по волѣ Павла, съ назначеннаго ему мѣста сняли и, вѣроятно, сожгли, хотя на это и не воспослѣдовало повелѣнія“. При отсутствіи гласности и законныхъ способовъ для охраны правъ личности даже такое первобытное средство для обращенія подданныхъ къ особѣ монарха, какъ ящикъ для просьбъ, дол-

женъ былъ играть большую роль во внутреннемъ управленіи; еще большую роль могъ онъ сыграть лично для государя въ послѣдній годъ его царствованія.

Проявляя особую строгость по отношенію къ „тунеядцамъ-дворянамъ", новый императоръ возбуждалъ и своею личностью, и своими распоряженіями неосновательныя надежды крестьянъ на освобожденіе ихъ отъ помѣщичьей власти. Въ народѣ издавна, еще со временъ Пугачевскаго бунта, сложилось представленіе о наслѣдникѣ Екатерины, какъ о будущемъ своемъ защитникѣ. При вступленіи на престолъ императоръ Павелъ повелѣлъ привести къ присягѣ себѣ и крестьянъ, что явилось нововведеніемъ, и эта уравнительная мѣра, въ связи со строгими мѣрами Павла противъ „господъ", укрѣпила въ закрѣпощенномъ народѣ увѣренность въ близкомъ освобожденіи. Вслѣдъ затѣмъ 10 ноября отмѣненъ былъ чрезвычайный рекрутскій наборъ по 10 человѣкъ съ тысячи, объявленный незадолго до кончины Екатерины; 27 ноября „людямъ, ищущимъ вольности", предоставлено было право аппеллировать на рѣшенія судебныхъ мѣстъ, а 10 декабря послѣдовала отмѣна хлѣбной подати, крайне раззорительной для крестьянъ, взамѣнъ ея установленъ былъ особый сборъ—по 15 коп. за четверикъ. Увѣренность, что новый государь избавитъ крѣпостныхъ людей отъ власти помѣщиковъ побудила крѣпостныхъ въ Петербургѣ собраться толпою и подать государю на разводѣ челобитную, гдѣ говорили, что они желаютъ служить самому государю, а быть въ услуженіи у помѣщиковъ. Хотя крестьяне, подавшіе челобитную, и были наказаны, но волненія среди крестьянъ проявились и въ провинціи, въ особенности тамъ, гдѣ были злоупотребленія помѣщичьей властью. Случаи неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ оказались въ губерніяхъ Вологодской, Тверской, Московской, Псковской, Новгородской, Пензенской, Орловской, Калужской и Новгородъ-Сѣверской. Дворянство было чрезвычайно напугано этими случаями, преувеличенныя донесенія и жалобы его летѣли въ Петербургъ съ разныхъ концовъ Россіи, и Павелъ, болѣе всего боявшійся „революціонной заразы", склонялся думать вмѣстѣ съ помѣщиками, что крестьянскіе безпорядки

„суть точно иллюминатическій духъ безначальства и независимости, распространившійся по всей Европѣ“, какъ сообщалъ въ Петербургъ для доклада государю извѣстный массонъ Поздѣевъ. Считая, что помѣщики являются лучшими блюстителями порядка въ государствѣ и боясь повторенія Пугачевщины, императоръ, безъ видимой къ тому причины, рѣшился на крайнія мѣры: для подавленія безпорядковъ отправленъ былъ *фельдмаршалъ* Репнинъ съ нѣсколькими полками, а затѣмъ предполагалъ и самъ лично отправиться на театръ предполагаемаго „бунта“. Въ дѣйствительности же нигдѣ не оказалось вооруженныхъ скопищъ или насилій надъ дворянами, и лишь только въ д. Брасовѣ, Орловской губерніи, Репнину пришлось, не ограничиваясь увѣщаніями, употребить силу; должно замѣтить, что Брасово принадлежало ближайшимъ родственникамъ самого кн. Репнина и князей Куракиныхъ, любимцевъ государя: быть можетъ, что и этотъ единственный фактъ „усмиренія бунта“ и здѣсь не вызывался крайней необходимостію. Вѣроятно, императоръ убѣдился въ истинномъ характерѣ крестьянскаго движенія, потому что, почти одновременно съ постановленіемъ спокойствія среди крѣпостныхъ, 10 февраля 1797 г. повелѣно было „дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка или съ подобнаго на сію продажу торга“, а въ самый разгаръ „усмиренія“, указомъ 3 января 1797 года, дворяне поставлены были на одну доску съ своими крѣпостными лишеніемъ важнѣйшей изъ своихъ привиллегій — свободы отъ тѣлеснаго наказанія: „коль скоро дворянство снято, повелѣлъ Павелъ, то привиллегія до него не касается“. Въ то же время губернаторамъ, по разнымъ поводамъ, вмѣнялось въ обязанность слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ и о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью доносить государю.

Будучи религіознымъ по чувствамъ, императоръ желалъ возвысить значеніе въ государствѣ и пастырей церкви. Смотря на духовенство какъ на служилое государству сословіе, онъ началъ награждать его орденами, чего прежде не было въ обычаѣ, а 22 декабря 1796 г. лица священнаго

сана, наряду съ дворянствомъ и купечествомъ, освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній за уголовныя преступленія, „ибо чинимое имъ наказаніе, въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана“. Однако привиллегія эта не распространялась на дѣтей священнослужителей; мало того, всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые жили при отцахъ „праздно“, повелѣно было обратить въ военную службу, „по примѣру древнихъ левитовъ“.

Гражданское управленіе подверглось такой же быстрой реформѣ, какъ и военная часть. По экономическимъ соображеніямъ установлено было новое распредѣленіе губерній, уменьшавшее число ихъ до 41, изъ которыхъ 30 управлялись общими для всей имперіи законами, а 11—„по особымъ по правамъ и привиллегіямъ ихъ основаніямъ“, которымъ Павелъ оказывалъ сначала уваженіе. Чиновникамъ предписано было носить мундиры по губерніямъ и являться на службу къ 6 часамъ утра, занимаясь скорѣйшимъ исправленіемъ и рѣшеніемъ всѣхъ дѣлъ, бывшихъ въ дѣлопроизводствѣ. Для пополненія ихъ состава знающими людьми учреждены были при сенатѣ двѣ школы для молодыхъ дворянъ, не моложе 12 лѣтъ, которые должны были обучаться „сверхъ канцелярскаго дѣлопроизводства прочимъ наукамъ, способствующимъ искусству въ штатскихъ должностяхъ и приличнымъ достоинству дворянина“. Хаотическое состояніе законодательства вызвало 16 декабря 1796 г. повелѣніе давно бездѣйствовавшей екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія „собрать донынѣ изданныя узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ россійскихъ книги: 1) уголовную, 2) гражданскихъ и 3) казенныхъ дѣлъ, показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на которой судья утвердиться можетъ“; самая комиссія переименована была въ „комиссію для составленія новыхъ законовъ“.

Кипучая дѣятельность императора, объясняемая долговременной молчаливой „критикой“ царствовавшей его матери и бывшая плодомъ его кабинетныхъ занятій въ Гатчинѣ, стремилась обнять въ возможно короткое время всѣ стороны государственной жизни, вводя повсюду новые по-

рядки и установленія. Каждая новая почта приносила въ отдаленные уголки Россіи новости, затрагивавшія интересы всѣхъ обывателей; особенное впечатлѣніе производили фельдъегери, развозившіе распоряженія новаго правительства и часто увозившіе съ собою въ Петербургъ разныхъ лицъ, которыя часто сами не знали, зачѣмъ призываются они въ столицу: для награды ли, часто вовсе не соотвѣтствовавшей заслугамъ, или для столь же несоотвѣтственнаго взысканія. Въ концѣ царствованія Екатерины рѣдкій сановникъ не былъ причастенъ тѣмъ или другимъ злоупотребленіямъ, и даже удалившіеся отъ дѣлъ люди не могли чувствовать себя спокойными, слыша и видя, что новый государь вникаетъ во всѣ мелочи стараго режима. Стараясь забыть старыя обиды, Павелъ не могъ воздержаться отъ гласнаго выраженія своего негодованія, когда вскрывались старые и новые грѣхи по управленію имперіей,—и вскорѣ немилости его подверглись почти всѣ, даже прежде обласканные екатерининскіе дѣльцы, „не взирая на лица“: Зубовы, Орловы, статсъ-секретари Грибовскій, Поповъ, графъ Самойловъ, даже самъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, поспѣшившій удалиться отъ дѣлъ Чего же можно было ожидать другимъ менѣе чиновнымъ людямъ? Наказаніе слѣдовало за проступкомъ быстро, часто не давая времени и возможности для оправданія и постигая поэтому даже вовсе не виновныхъ. Между прочими, подвергся опалѣ и Суворовъ, высланный въ новгородскую свою деревню за мелочныя выходки свои противъ новыхъ воинскихъ уставовъ, представленныя государю въ видѣ попытки возмутить войска; не ушелъ отъ гнѣва царя и бывшій наставникъ его митрополитъ Платонъ, по болѣзни не могшій исполнить повелѣніе его немедленно прибыть въ Петербургъ. Даже приверженцамъ Павла характеръ его внушалъ опасенія и въ глубинѣ души молили они Бога смягчить сердце царево... Одна масса простого народа, въ нѣсколько мѣсяцевъ получившая большее облегченіе въ тягостной своей долѣ, чѣмъ за все царствованіе Екатерины, и солдаты, освободившіеся отъ гнета произвольной командирской власти и почувствовавшіе себя на „государской службѣ“, съ надеждой смо-

трѣли на будущее: ихъ мало трогали „господскія“ и „командирскія“ тревоги. Всѣ сознавали однако, что государственный корабль идетъ по новому курсу, и всѣ напряженно старались угадать его направленіе.

Внѣшняя политика императора Павла опредѣлилась въ первые же дни его царствованія. Войска, дѣйствовавшія на Кавказѣ противъ Персіи подъ начальствомъ гр. Валеріана Зубова, были отозваны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщая дружественные дворы о восшествіи своемъ на престолъ, императоръ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи со всѣми поддерживать добрый миръ и согласіе. „Россія“, сказано было въ циркулярной нотѣ канцлера, графа Остермана, „будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однако же, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь, не менѣе затѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду всевозможными мѣрами противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія“. Забывая старыя свои симпатіи къ Пруссіи, императоръ Павелъ выражалъ намѣреніе ни къ ней, ни къ Австріи, не показывать особливаго пристрастія“, а, напротивъ, „приличнымъ почитаемъ“, писалъ онъ, „руководствоваться въ разсужденіи ихъ свойственнымъ намъ лично и политикѣ нашей безпристрастіемъ“. Въ этомъ смыслѣ даны были увѣренія Австріи, боявшейся не столько французской республики, сколько давней своей соперницы въ Германіи, Пруссіи. Давній другъ Павла Петровича, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II, спѣшилъ поздравить императора со вступленіемъ на престолъ, отправивъ къ нему графа Брюля съ собственноручнымъ дружественнымъ письмомъ. „Я желалъ бы“, отвѣчалъ ему Павелъ, „имѣть всегда

возможность дѣйствовать по соглашенію съ вашимъ величествомъ. Скажу притомъ, что, будучи врагомъ модныхъ философическихъ системъ, я полагалъ бы заодно съ вами принять мѣры, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшимъ потрясеніямъ и переворотамъ,—только уже не тѣми средствами, которыя возможны были въ самомъ началѣ, а согласно настоящему положенію дѣлъ, т. е. чрезъ водвореніе общаго мира. Этимъ единственно способомъ можно возстановить равновѣсіе". Когда же берлинскій дворъ сообщилъ императору Павлу секретные пункты договора своего съ Франціей объ уступкѣ ей лѣваго берега Рейна и о вознагражденіи Пруссіи, посредствомъ секуляризаціи, духовными германскими владѣніями, то получилъ отъ него совѣтъ отказаться отъ всякихъ посягательствъ на цѣлость германской имперіи. Для возстановленія всеобщаго мира въ Европѣ Павелъ Петровичъ не отклонилъ даже попытокъ Франціи завязать съ нимъ сношеніе черезъ посредство Пруссіи. Всего болѣе поражена была миролюбивыми рѣшеніями новаго императора Англія. Русской эскадрѣ, дѣйствовавшей совмѣстно съ англійскимъ флотомъ, повелѣно было немедленно возвратиться въ Россію. Именно въ это время возмущеніе матросовъ въ англійскомъ флотѣ поставило Англію въ крайне затруднительное положеніе: берега ея открыты были для враждебныхъ дѣйствій голландскаго флота. Русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ С. Р. Воронцовъ, по усиленной просьбѣ англійскаго правительства, согласился задержать русскую эскадру у береговъ Англіи на три недѣли, въ теченіе которыхъ бунтъ матросовъ былъ подавленъ. Англійскій король благодарилъ императора Павла за спасеніе Англіи въ моментъ величайшей для нея опасности.

Послѣдствія внезапной перемѣны внѣшней политики Россіи со вступленіемъ на престолъ императора Павла ясно доказали, какимъ вліяніемъ пользовалась Россія въ Западной Европѣ въ концѣ царствованія Екатерины. Устраняя себя отъ вмѣшательства въ чужія дѣла и настойчиво преслѣдуя выполненіе историческихъ задачъ своей страны, Екатерина достигла того, что Россія получила преобладающее значеніе среди европейскихъ державъ и ея содѣйствія заискивали

одинаково и друзья, и недруги. Мирная политика Павла Петровича могла только укрѣпить это выгодное положеніе Россіи, если бы въ то же время онъ не счелъ нужнымъ объявить себя защитникомъ легитимности въ Европѣ: въ основаніе политической системы Россіи положено было такимъ образомъ новое, крайне шаткое и неопредѣленнос начало, открывавшее возможность для европейскихъ державъ увлечь императора Павла на путь активнаго вмѣшательства въ дѣла Европы. Вполнѣ яснымъ выраженіемъ симпатій императора къ жертвамъ нарушенія началъ легитимности явились, съ самаго начала, милости его къ французскимъ эмигрантамъ и конвенція, заключенная имъ съ мальтійскимъ орденомъ, 4-го января 1797 года, о принятіи этого ордена подъ его покровительство и о введеніи его въ предѣлахъ Россіи: Павелъ еще съ дѣтства сочувствовалъ рыцарскимъ традиціямъ ордена и въ 1776 г. въ честь его основалъ инвалидный домъ для 50 матросовъ на Каменномъ островѣ; входъ въ этотъ домъ до сихъ поръ осѣненъ мальтійскимъ крестомъ.

II.

Внутреннія распоряженія императора Павла по восшествіи на престолъ.—Отношенія его къ дворянству, крестьянству и духовенству.—Мѣры противъ революціоннаго настроенія общества.—Общій характеръ внутренней политики императора Павла.—Лица, приближенныя къ Павлу, и его сотрудники.—Начало бюрократіи.—Коронованіе императора.—Пребываніе въ Москвѣ и путешествіе по Россіи.—Николай Петровичъ Архаровъ.

Твердое намѣреніе императора соблюдать миръ дало ему увѣренность приступить къ перемѣнамъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства. Нескрываемое желаніе государя искоренить „тунеядцевъ—дворянъ“ и облегчить тягости крестьянъ, „сихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ государства“,—выразилось немедленно по восшествіи императора на престолъ въ цѣломъ рядѣ его распоряженій. Уже на второй день своего царствованія, 8 ноября, присутствуя на вахтъ-парадѣ, онъ объявилъ слѣдующее повелѣніе: всѣхъ числившихся въ полкахъ,

но въ дѣйствительности не исполнявшихъ обязанностей военной службы, какъ-то: камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и т. п., изъ таковыхъ списковъ исключить, а всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, находившимся въ отпуску, немедленно явиться на службу. Послѣднее повелѣніе государя сообщено было начальникамъ всѣхъ губерній съ препровожденіемъ къ нимъ списковъ офицеровъ, числившихся въ отпуску, съ тѣмъ, чтобы, если въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ найдутся такіе офицеры, немедленно ихъ выслать въ Петербургъ. Это распоряженіе, повидимому мелочное, произвело величайшее возбужденіе. „Вездѣ и вездѣ“, говоритъ Болотовъ, „слышны были одни только сѣтованія, озабочиванія и горевапія: вездѣ воздыханіе и утираніе слезъ, текущихъ изъ глазъ матерей и сродниковъ: никогда такое множество слезъ повсюду проливаемо не было, какъ въ сіе время. Со всѣмъ тѣмъ повелѣніе государское должно было выполнить... Всѣ большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотры къ государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наймѣ лошадей и повсюду неудовольствія“. Объявлены были и другія распоряженія государя, клонившіяся къ уничтоженію „разврата“ дворянъ на службѣ. Ни одинъ дворянинъ не могъ уже вступить въ службу иначе, какъ только нижнимъ чиномъ, а за поведеніемъ и службой въ гвардіи нижнихъ чиновъ изъ дворянъ установленъ былъ строгій надзоръ: если же они, говорилось въ указѣ, „будутъ не прилежны къ службѣ и не вѣжливы, также усмотрятся во фракахъ одѣтыми и дѣлать шалости по городу, то будутъ выписаны въ солдаты въ полевые полки“.

10 ноября именнымъ указомъ отмѣненъ былъ чрезвычайный рекрутскій наборъ по 10 человѣкъ съ тысячи, объявленный незадолго до кончины Екатерины II. „Нельзя изобразить“, говоритъ тотъ же Болотовъ, „какое пріятное дѣйствіе произвелъ сей благодѣтельный указъ во всемъ государствѣ,—и сколько слезъ и вздоховъ благодарности выпущено изъ очей и сердецъ многихъ милліоновъ обитателей Россіи. Все государство и всѣ концы и предѣлы онаго были

имъ обрадованы, и повсюду слышны были единыя только пожеланія всѣхъ благъ новому государю". Затѣмъ 27 ноября „людямъ, ищущимъ вольности", предоставлено было право апеллировать на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, а 10 декабря послѣдовала отмѣна хлѣбной подати, крайне тягостной и раззорительной для крестьянъ, вслѣдствіе притѣсненій и злоупотребленій администраціи: взамѣнъ ея установленъ былъ особый денежный сборъ—по 15 коп. за четверикъ. Наконецъ, желая „открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ", государь приказалъ поставить въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца желѣзный желтый ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ, куда просители могли опускать свои прошенія. Прошенія прочитывались секретарями императора для доклада ему и государь немедленно клалъ на нихъ свои резолюціи.

Эти отношенія императора къ „господамъ" и льготы его, дарованныя поселянамъ, имѣли неожиданныя для него послѣдствія: въ нихъ закрѣпощенный народъ искалъ отвѣта на постоянно жившее въ немъ стремленіе къ освобожденію отъ помѣщичьей власти. Имя Павла въ народномъ представленіи уже связано было и съ пугачевскимъ движеніемъ, хотя и независимо отъ его воли, и съ дѣятельностью его въ Гатчинѣ. Въ Петербургѣ, въ первые же дни царствованія Павла Петровича, крѣпостные люди, собравшись толпою, подали ему на разводѣ челобитную, прося освободить ихъ отъ тиранства помѣщиковъ, говоря прямо, что они не хотятъ быть у нихъ въ услуженіи, а желаютъ лучше служить самому государю. „Сихъ дерзновенныхъ", разсказываетъ Болотовъ, „во страхъ другимъ и дабы никто другой не отважился утруждать его такими недѣльными просьбами, императоръ приказалъ наказать публично нещаднымъ образомъ плетями. Симъ единымъ разомъ погасилъ онъ искру, которая могла бы произвесть страшный пожаръ и прогналъ у всѣхъ слугъ и рабовъ желаніе просить на господъ своихъ. Поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства". Тѣмъ не менѣе, молва, будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ свобода новымъ государемъ, быстро распространялась среди крестьянъ. Уже

22 декабря появилось въ Петербургѣ извѣстіе о бунтѣ крестьянъ въ Олонецкой губерніи; а вслѣдъ затѣмъ донесено было императору о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ и о безпорядкахъ въ губерніяхъ: вологодской, орловской, московской, псковской, новгородской, ярославской, костромской, нижегородской, пензенской, калужской, тверской и новгородъ-сѣверской. Между крестьянами ходили слухи, что все будетъ „государщина", что дворянъ не будетъ; съ другой стороны, помѣщики были въ сильномъ страхѣ, боясь повторенія пугачевскаго бунта и истребленія дворянъ; любопытно, что въ Петербургѣ, для доклада государю, самъ извѣстный масонъ-помѣщикъ Поздѣевъ писалъ, что крестьянскіе безпорядки „суть точно иллюминантическій духъ безначальства и независимости, распространившійся по всей Европѣ", и что „спокойство здѣшняго края требуетъ такова экзекутнаго духа, каковъ государевъ, для присылки команды". Павелъ вообще ненавидѣлъ своевольство черни и хотя желалъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но въ то же время думалъ, что до поры до времени помѣщики являются лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ. Награждая своихъ приверженцевъ и сотрудниковъ своего отца и матери, онъ въ первые два мѣсяца своего царствованія роздалъ имъ населенныя земли свыше чѣмъ съ 50 тысячами душъ крестьянъ, полагая, между прочимъ, что имъ легче будетъ жить подъ властью помѣщиковъ, чѣмъ въ казенномъ управленіи. Поэтому онъ спѣшилъ принять энергическія мѣры для подавленія безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что крестьянское движеніе разрасталось и количественно, и качественно, находя себѣ пособниковъ среди сельскаго духовенства. Какую важность придавалъ Павелъ этому движенію, видно изъ того, что усмиреніе взбунтовавшихся крестьянъ онъ поручилъ генералъ-фельдмаршалу Н. В. Репнину и вслѣдъ затѣмъ намѣревался самъ лично отправиться на мѣсто безпорядковъ, если бы къ этому представился поводъ; но, благодаря благоразумнымъ дѣйствіямъ кн. Репнина, безпорядки были прекращены еще въ началѣ марта 1797 г. частію путемъ убѣжденія, частію военною силою. Подавленіе крестьянскаго движенія,

однако, не ослабило, въ дворянствѣ, ни среди крестьянъ убѣжденія, что императоръ скорѣе на сторонѣ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Когда движеніе это стало затихать, Павелъ Петровичъ ясно выразилъ свой взглядъ, что крестьяне прикрѣплены лишь къ землѣ, а не составляютъ личной собственности помѣщиковъ. Именнымъ указомъ отъ 16 февраля 1797 г. было повелѣно „дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка или съ подобнаго на сію продажу торга". Еще ранѣе, указомъ отъ 3 января 1797 года, дворяне поставлены были на одну доску съ своими крѣпостными лишеніемъ важнѣйшей изъ привиллегій, дарованной имъ въ жалованной грамотѣ,—свободы отъ тѣлеснаго наказанія: „коль скоро снято дворянство", написалъ Павелъ на докладѣ Сената по одному судебному дѣлу, „то ужъ и привиллегія до него не касается, почему и впредь поступать" по мнѣнію государя, дворянское достоинство обязывало каждаго не доводить себя до преступленій, грозившихъ лишеніемъ дворянства.

Духовное сословіе также обратило на себя особое вниманіе государя. Съ дѣтства отличался онъ религіозностью, а отъ законоучителя своего Платона воспринялъ онъ любовь къ православію. „Модныя философическія системы", главнымъ образомъ „вольтерьянство", развившееся съ такою силою въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, поселяли въ немъ то безпочвенное невѣріе, тотъ духъ отрицанія, которые, по мнѣнію Павла Петровича, послужили главною причиною къ „развращенію нравовъ" и къ развитію „революціоннаго буйства" современной ему Франціи. Естественно, поэтому, что для нравственнаго и религіознаго подъема общества Павелъ считалъ необходимымъ придать болѣе значенія церковной жизни въ Россіи, возвысить въ глазахъ общества духовное сословіе, которое въ то время, въ лицѣ и низшихъ, и высшихъ своихъ представителей, находилось въ печальномъ нравственномъ и матеріальномъ положеніи. Возвышеніе это началось, конечно, прежде всего съ показной, внѣшней стороны. Смотря на духовенство съ точки зрѣнія службы государству, значеніе которой для отдѣльныхъ лицъ измѣрялось табелью о рангахъ, Павелъ косвеннымъ образомъ при-

мѣнилъ эту табель и къ духовному сословію, чтобы сравнять его въ этомъ отношеніи съ главнымъ служилымъ сословіемъ—дворянствомъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, награждая свѣтскихъ лицъ, онъ пожаловалъ, ко всеобщему удивленію, орденами и духовныхъ лицъ, чего прежде не было въ обычаѣ: митрополитъ Гавріилъ получилъ орденъ св. Андрея, архіепископы Амвросій и Иннокентій—св. Александра Невскаго; многія лица изъ бѣлаго духовенства также пожалованы были орденскими знаками; для священниковъ, всѣхъ вообще, тогда же предположено было, кромѣ того, установить и другія знаки отличія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лица священнаго сана наряду съ дворянствомъ и купечествомъ, указомъ отъ 22 декабря 1796 г., освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній за уголовныя преступленія, „ибо чинимое имъ наказаніе, въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана“. Чтобы очистить духовное сословіе отъ „праздныхъ“ его членовъ, императоръ прибѣгнулъ къ оригинальной мѣрѣ, приказавъ „всѣхъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ, для устройства состоянія ихъ съ лучшею выгодою какъ для общества, такъ и для нихъ собственно, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою, по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались“. Это распоряженіе Павла Петровича, закрѣпощавшее исключительно одно духовное сословіе въ службу государству, вызвало въ духовенствѣ такое же волненіе, какое незадолго предъ тѣмъ возникло въ дворянскихъ семьяхъ при призывѣ отпускныхъ военныхъ на дѣйствительную службу.

Перечисленіе всѣхъ этихъ мѣръ императора Павла по отношенію къ сословіямъ приводитъ къ тому заключенію, что, по его взгляду, сословныя привиллегіи должны были существовать лишь тогда, когда онѣ требовались для пользы служенія даннаго сословія государству, тѣсно связаны были съ его обязанностями: дворяне, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, все-таки были, по мнѣнію государя, на службѣ государства, выполняя роль земской полиціи, а дѣти духовныхъ лицъ,

жившія у своихъ отцовъ, являлись людьми „праздными“. Легко понять поэтому стремленіе Павла, чтобы тѣ органы, которыми онъ долженъ былъ пользоваться для водворенія законности въ государственной и народной жизни, т. е. судъ и администрація, лишены были дворянскаго, сословнаго характера, какой они носили при Екатеринѣ, а выражали бы собою одну лишь волю самодержца. Сословнымъ характеромъ суда и администраціи Павелъ объяснялъ себѣ также, при распущенности нравовъ, бездѣятельность и злоупотребленія ихъ въ концѣ царствованія Екатерины. Въ центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ годами накоплялись нерѣшенныя дѣла: даже въ сенатѣ такихъ дѣлъ было свыше 11 тысячъ; взяточничество, произволъ чиновниковъ доходили до крайней степени и оставались безнаказанными. Принявъ временныя мѣры къ скорѣйшему окончанію старыхъ дѣлъ, Павелъ Петровичъ спѣшилъ, прежде всего, установленіемъ того же внѣшняго порядка въ чиновничьей службѣ, какой онъ ввелъ въ военной. Для чиновниковъ введены были мундиры по губерніямъ; въ присутственныхъ мѣстахъ занятія должны были начинаться съ 6-ти часовъ утра, а сенаторы являться въ засѣданія къ 8-ми часамъ утра. Государь лично невзначай наблюдалъ въ Петербургѣ за исполненіемъ этихъ постановленій, и на первыхъ же порахъ далъ строгій, публичный выговоръ старому своему другу, президенту военной коллегіи, Н. И. Салтыкову, котораго онъ не засталъ на мѣстѣ его службы въ установленное время. Этими мѣрами Павелъ предполагалъ уничтожить медлительность въ производствѣ дѣлъ и укоренившееся пренебреженіе къ обязанностямъ службы. Для искорененія взяточничества и неправосудія приняты были суровыя мѣры взысканія, но такъ какъ неправосудіе въ значительной мѣрѣ облегчалось хаотическимъ состояніемъ законодательства, то, указомъ отъ 16-го декабря 1796 г., повелѣно было давно бездѣйствовавшей екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія „собрать изданныя донынѣ узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ россійскихъ книги: 1) уголовную, 2) гражданскихъ и 3) казенныхъ дѣлъ, показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на которой судья утвердительно осно-

ваться можетъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія переименована была въ „коммиссію для составленія новыхъ законовъ". Чтобы возвысить уровень познаній гражданскихъ чиновниковъ и облагородить личный составъ ихъ привлеченіемъ на гражданскую службу молодыхъ дворянъ, императоръ 1-го января 1797 г. приказалъ возстановить при сенатѣ и коллегіяхъ бывшее при Петрѣ Великомъ учрежденіе юнкеровъ изъ молодыхъ дворянъ, не моложе 12 лѣтъ, для „обученія ихъ, сверхъ канцелярскаго дѣлопроизводства, прочимъ наукамъ, способствующимъ искусству въ штатскихъ должностяхъ и приличнымъ достоинству дворянина"; съ этою цѣлью при сенатѣ учреждены были двѣ школы. Быть можетъ, жалобы на плачевное состояніе русскихъ судовъ побудили Павла, не смотря на любовь его къ однообразію въ управленіи, возстановить старинные суды и мѣстныя привиллегіи въ Прибалтійскомъ краѣ, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, а также въ Выборгской и въ Малороссіи, отмѣнивъ мѣры Екатерины къ слiянiю этихъ областей съ коренною Россіей. Въ связи съ этимъ установлено было вызванное экономическими соображеніями новое раздѣленіе государства на губерніи, сокращавшее число ихъ: образовано было 30 губерній, управлявшихся общими для всей имперіи законами, и 11 губерній — „на особыхъ по правамъ и привиллегіямъ ихъ основаніямъ". Въ этомъ распоряженіи государя современники болѣе всего отмѣтили неуваженіе къ памяти Екатерины, такъ какъ екатеринославская губернія переименована была въ новороссійскую.

Наконецъ состояніе финансовъ и государственнаго хозяйства также обратило на себя вниманіе императора. Прежде всего остановлена была предположенная Зубовымъ при Екатеринѣ перечеканка мѣдной монеты съ уменьшеніемъ ея стоимости, установлена высшая проба золотой и серебряной монеты и повелѣно было Совѣту при высочайшемъ дворѣ изыскать средства къ повышенію курса обезцѣненныхъ ассигнацій, признанныхъ императоромъ „истиннымъ и священнѣйшимъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ нашей", и вообще „къ уплатѣ внутреннихъ долговъ дѣйствительными деньгами", такъ какъ „воля государя императора есть пе-

ревесть въ государствѣ всякаго рода бумажную монету и совсѣмъ ея не имѣть". Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію Павла Петровича сожжено было предъ Зимнимъ дворцомъ ассигнацій на пять слишкомъ милліоновъ рублей, а масса придворныхъ серебряныхъ сервизовъ переплавлена была въ монету; передавали слова Павла, что онъ согласится до тѣхъ поръ ѣсть самъ на оловѣ, пока не доведетъ до того, чтобы рубли ходили рублями. Для лучшаго устройства финансовой части, она изъята была изъ вѣдѣнія генералъ-прокурора и поручена новому должностному лицу — государственному казначею, которымъ назначенъ былъ извѣстный Екатерининскій дѣлецъ, тайный совѣтникъ Васильевъ. При разсмотрѣніи въ Совѣтѣ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1797 годъ императоръ Павелъ приказалъ обсудить и вѣдомость о государственныхъ расходахъ, „которая была учинена примѣрно по предположеніямъ его императорскаго величества", но по „надлежащемъ соображеніи дѣйствительныхъ государственныхъ расходовъ съ содержавшимся въ оной вѣдомости росписаніемъ", вѣдомость эта, произведеніе кабинетныхъ гатчинскихъ упражненій Павла, оказалась несостоятельной. Въ ней сумма ежегодныхъ государственныхъ расходовъ исчислялась въ 31.500.000 р., тогда какъ въ дѣйствительности ихъ оказалось до 80 милліоновъ, при расходѣ на одну военную часть свыше 34 милліоновъ, и бюджетъ на 1797 годъ заключенъ былъ съ дефицитомъ въ 8 слишкомъ милліоновъ рублей. Уменьшить расходы Павелъ старался пресѣченіемъ злоупотребленій, вкоренившихся въ разныхъ частяхъ управленія, особенно въ военной и придворной, а также прямымъ сокращеніемъ расходовъ по этимъ частямъ, и въ то же время для развитія торговли и промышленности возстановилъ бергъ и мануфактуръ коллегіи и издалъ новый тарифъ. Такъ какъ общее государственное оскудѣніе отзывалось крайней дороговизной хлѣба, то для пониженія цѣнъ императоръ приказалъ продавать хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ; послѣдствіемъ этой мѣры было пониженіе цѣны хлѣба до двухъ рублей на четверть.

Заботы императора Павла, направленныя къ внутреннему благоустройству государства, сопровождались также мѣрами къ огражденію его отъ „революціонной заразы“ и „духа якобинства“ извнутри и извнѣ. Въ Петербургѣ и Москвѣ за проживавшими тамъ иностранцами установленъ былъ строгій надзоръ, и замѣченныхъ въ числѣ ихъ „людей подозрительныхъ, поведенія нескромнаго или непристойнаго“, повелѣно „выгонять вонъ за границу съ запрещеніемъ паки показываться въ столицѣ подъ страхомъ неизвѣстнаго (sic) наказанія“. 16 февраля 1797 г. утвержденъ былъ Павломъ весьма важный указъ, данный сенату императрицей Екатериной незадолго до ея кончины. Указомъ этимъ, „въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ“, повелѣно было закрыть всѣ вольныя типографіи, существовавшія безъ дозволенія правительства, и учредить духовную и свѣтскую цензуру—въ Петербургѣ и Москвѣ для книгъ, издаваемыхъ въ Россіи, а въ Ригѣ, Радзивилловѣ и Одессѣ — для книгъ, привозимыхъ чрезъ таможни изъ-заграницы, чтобы не была напечатана въ Россіи или введена въ нее ни одна книга, „противная закону Божію, правиламъ государственнымъ, верховной власти и благонравію“. Чтобы возвысить внѣшнимъ образомъ достоинство монархической власти, которое, по мнѣнію Павла, унижено было въ царствованіе его матери въ глазахъ высшаго дворянства, императоръ, по природѣ добрый и простой въ обхожденіи, установилъ при дворѣ строжайшій этикетъ, которому должны были подчиняться всѣ безъ исключенія, и малѣйшее уклоненіе отъ него влекло за собою строжайшее взысканіе, такъ какъ могло быть преднамѣреннымъ: мужчины и дамы преклоняли колѣно предъ императоромъ и цѣловали ему руку; въ его присутсвіи всѣ стояли и соблюдали строгое молчаніе. Желая поддержать монархическій принципъ и притомъ побуждаемый рыцарскимъ чувствомъ, Павелъ вызвалъ изъ Гродно въ Петербургъ развѣнчаннаго польскаго короля Станислава Понятовскаго, поселилъ его въ Мраморномъ дворцѣ, велѣлъ оказывать ему королевскія почести, но когда этотъ несчастный король, страдавшій подагрой, взду-

малъ было присѣсть на одномъ изъ придворныхъ пріемовъ, то получилъ отъ императора чрезъ камергера приказаніе встать. Находившіяся при дворѣ лица постоянно испытывали боязнь какимъ-либо неумышленнымъ нарушеніемъ этикета разгнѣвать императора. Оттого на придворныхъ собраніяхъ, при Екатеринѣ столь веселыхъ и для всѣхъ привлекательныхъ, легла печать стѣсненія и скуки.

Всѣ эти разнобразныя по своему характеру и значенію мѣры новаго государя, сопровождаемыя массой распоряженій болѣе частныхъ, производили потрясающее дѣйствіе въ русскомъ обществѣ: ими охвачена была вся государственная жизнь Россіи, и, казалось, не было учрежденія или частнаго лица, котораго онѣ не касались бы въ насущныхъ его интересахъ. Впечатлѣніе было огромное, тѣмъ болѣе, что Павелъ Петровичъ, изъ боязни, что его могутъ обманывать и желая ускорить исполненіе своей воли, приказалъ печатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ всѣ свои повелѣнія, отдаваемыя при паролѣ, и фельдегеря ежедневно развозили по всей Россіи приказы государя, поражавшіе своею новостью или суровостью. Первыя дѣйствія Павла Петровича, направленныя къ водворенію порядка, были встрѣчены сочувственно, но, вслѣдъ затѣмъ, возникло неудовольствіе. Быстрота, съ какою приводились въ исполненіе всѣ эти важныя и мелочныя преобразованія усиливали это впечатлѣніе: нелегко было оставлять сразу свои старыя привычки и рѣшительно невозможно было усвоить, въ ущербъ себѣ, новые взгляды правительства. Императоръ, между тѣмъ, не считалъ нужнымъ подготовить почву для проведенія въ жизнь правительственной своей системы и, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, издавалъ законъ за закономъ, не обращая вниманія на то, возможно ли на практикѣ немедленное ихъ осуществленіе, и „суровыми и сильными мѣрами“ показывалъ всякое противорѣчіе его волѣ. Сенатъ и Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ утратили почти всякое законодательное значеніе: государь хотѣлъ самъ все видѣть, все рѣшать и всѣмъ лично управлять. Зато особое значеніе пріобрѣли полицейскіе органы власти, наблюдавшіе за исполненіемъ воли государя, а еще болѣе лица безотвѣтственныя, не

несшія никакой службы, а пользовавшіяся лишь случайною протекціею, дававшею имъ возможность видѣть государя, и своими льстивыми внушеніями умѣвшія давать направленіе его впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ.

При вступленіи на престолъ Павла Петровича, всѣ сановники Екатерины, заправлявшіе дѣлами имперіи, остались на своихъ мѣстахъ. Но, разумѣется, и они не могли сочувствовать новой правительственной системѣ, бывшей осужденіемъ ихъ прежней дѣятельности, и самъ императоръ къ сотрудникамъ своей матери питалъ лишь одно недовѣріе. Поэтому, въ скоромъ времени изъ екатерининскихъ дѣльцовъ стали пользоваться милостію Павла Петровича только Безбородко, Трощинскій и с.-петербургскій военный губернаторъ Архаровъ, съумѣвшій угодить Павлу своею исполнительностью; другіе же, одинъ за другимъ, подвергались удаленію отъ дѣлъ, а нѣкоторые даже опалѣ, какъ напримѣръ Суворовъ, за рѣзкое осужденіе новыхъ порядковъ. Ближайшими исполнителями воли государя явились старые гатчинскіе его друзья и слуги, лично ему преданные, усердные, но вовсе не знакомые съ государственными дѣлами и, въ большинствѣ случаевъ, люди необразованные, неразвитые, не понимавшіе духа задуманныхъ Павломъ преобразованій; мало того, многіе изъ нихъ, хорошо зная нервную, впечатлительную натуру государя, въ своихъ дѣйствіяхъ руководились только мыслію сохранить его благоволеніе къ себѣ, примѣняясь къ его мелочнымъ требованіямъ, и обезопасить себя отъ возможныхъ интригъ своихъ недоброжелателей.

Ближайшими лицами къ Павлу Петровичу въ моментъ вступленія его на престолъ, были супруга его, императрица Марія Θеодоровна, и Плещеевъ, но, чтобы сдерживать порывистый характеръ императора въ должныхъ предѣлахъ, они скоро почувствовали необходимость заручиться содѣйствіемъ давняго друга Павла Петровича, фрейлины Нелидовой, продолжавшей жить въ Смольномъ монастырѣ. Императрица Марія рѣшилась пожертвовать своими предубѣжденіями и, принявъ главное начальство надъ Смольнымъ уже черезъ шесть дней по кончинѣ Екатерины, увидѣлась тамъ съ Нелидовой и заключила съ ней, послѣ трогательнаго

объясненія, дружескій союзъ для блага императора и имперіи. Правда, Нелидова не согласилась оставить Смольнаго, но часто появлялась при дворѣ и, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, съ одной стороны, обуздывала порывы его раздражительности и суровости, а съ другой—помогала Маріи Өеодоровнѣ въ осуществленіи ея плановъ. Нелидова убѣдила императора не упразднять ордена св. Георгія, какъ ни желалъ онъ этого, и содѣйствовала мягкому отношенію его къ дѣятелямъ прежняго царствованія, когда постепенно обнаруживались при новыхъ порядкахъ ихъ старыя злоупотребленія; такъ, лишь благодаря ей, опала князя Платона Зубова ограничилась сначала лишь тѣмъ, что онъ получилъ приказаніе возмѣстить казнѣ начисленные на него убытки съ дозволеніемъ уѣхать за-границу. Вмѣстѣ съ Нелидовой, императрица побудила Павла продолжать переговоры о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV, и на этотъ разъ, впрочемъ, окончившіеся неудачей. Но внѣ области чувствъ, въ дѣлахъ внутренней политики, императрица и Нелидова проявляли свое вліяніе только тѣмъ, что поддерживали старыхъ своихъ друзей, князей Куракиныхъ: Александра, назначеннаго вице-канцлеромъ, и Алексѣя, получившаго должность генералъ-прокурора. На ряду съ Куракиными, пріобрѣталъ значеніе у государя и Растопчинъ, состоявшій при немъ генералъ-адъютантомъ по военной части, — человѣкъ образованный, умный, но неразборчивый на средства и, подъ личиной преданности монарху, стремившійся къ собственному возвышенію: Екатерина отзывалась о немъ не иначе, какъ „сумасшедшій Өедька“. Государь довѣрилъ его перу окончательную редакцію военнаго устава, составленнаго по прусскому образцу, и Растопчинъ, въ личныхъ своихъ цѣляхъ, отступилъ отъ своего образца, ослабивъ власть фельдмаршаловъ и усиливъ значеніе инспекторовъ войскъ, что было главною причиною неудовольствія Суворова; онъ же побудилъ государя удалить отъ себя Плещеева и Лопухина, увѣривъ его, что масоны были проводниками въ Россіи разрушительныхъ стремленій иллюминатовъ и намѣревались покуситься на жизнь Екатерины. Одновременно съ Растопчинымъ вкрался

въ довѣріе Павла Петровича Архаровъ, ежедневно докладывавшій ему, въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, о всѣхъ событіяхъ въ жизни столицы; онъ съ неумолимою строгостью приводилъ въ исполненіе всѣ мелочныя повелѣнія Павла Петровича объ образѣ жизни обывателей столицы и въ то же время доводилъ до его свѣдѣнія о ихъ неудовольствіи, питая тѣмъ его подозрительность и возбуждая въ немъ боязнь заговоровъ. Роль Архарова въ гвардіи исполнялъ Аракчеевъ, отличавшійся своимъ жестокимъ и грубымъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, но, въ отличіе отъ Архарова, онъ дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, съ полнымъ сознаніемъ важности своихъ обязанностей и исполняемаго долга. Надъ всѣми этими далеко не государственными людьми высоко стоялъ по своимъ качествамъ Безбородко, хотя онъ мало вмѣшивался въ дѣла, желая только сохранить милость государя.

При такихъ условіяхъ, увлекавшійся преобразовательными планами Павелъ Петровичъ работалъ одинъ, безъ сотрудниковъ. Оттого законодательная его дѣятельность лишена была системы и устойчивости, часто зависѣла отъ настроенія его духа и свойства представлявшихся ему частныхъ поводовъ для законоположеній, не всегда строго обдуманныхъ и еще чаще дурно редактированныхъ. Павелъ не питалъ ненависти къ памяти матери, но онъ ненавидѣлъ порядки, установившіеся въ ея царствованіе, и все, что напоминало ему о нихъ. Этимъ объясняется порывистость въ его распоряженіяхъ: онъ ломалъ то, что попадалось ему на глаза, большое или малое, въ пылу борьбы съ остатками прошлаго, не отдавая себѣ отчета въ размѣрахъ зла, сопровождавшаго эту ломку. Между тѣмъ, около государя не было развитыхъ общественныхъ элементовъ, на которые онъ могъ бы опереться въ своей дѣятельности; отсюда возникло стремленіе Павла Петровича въ цѣломъ рядѣ его распоряженій создать новое орудіе правительственной власти — чиновничество, которое должно было стоять внѣ круга сословныхъ интересовъ и быть точнымъ исполнителемъ воли монарха. Между тѣмъ, сознавая отсутствіе твердой для себя опоры, мнительный государь склоненъ былъ

видѣть вокругъ себя измѣну и оттого крайне нервно относился ко всякому, хотя бы косвенному порицанію его дѣйствій. Когда обнаружилась невинность гвардейскихъ офицеровъ Дмитріева и Лихачева въ составленномъ ими будто бы заговорѣ противъ государя, чрезъ мѣсяцъ по вступленіи его на тронъ, и всѣ офицеры гвардіи увѣрили его по этому поводу въ своей преданности, государь сказалъ императрицѣ съ восхищеніемъ: „теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, много лицъ навлекали на себя неудовольствіе императора какимъ-либо неумышленнымъ словомъ или дѣйствіемъ, въ которыхъ онъ неосновательно заподозрѣвалъ противорѣчіе его волѣ или неодобреніе его распоряженіямъ. Въ числѣ пострадавшихъ были даже такіе, доказавшіе ему преданность люди, какъ митрополитъ Платонъ, бывшій его наставникъ, и князь Репнинъ; въ особенности часто, по совершенно ничтожнымъ поводамъ, дѣлались жертвами его подозрительности и, повидимому, безпричиннаго гнѣва придворные и военные чины, постоянно находившіеся у него на глазахъ. Желаніе придать скорѣе своей власти священный характеръ побудило Павла поспѣшить и своею коронаціей: манифестомъ 18-го декабря 1796 г., въ день погребенія Екатерины II и Петра III, императоръ объявилъ, что коронованіе совершится въ апрѣлѣ 1797 года. Вслѣдъ затѣмъ сдѣланы были съ возможною поспѣшностію всѣ приготовленія къ ней; въ томъ числѣ изданъ былъ, для свѣдѣнія дворянству, собиравшемуся въ Москву на коронацію, указъ противъ роскоши въ одеждѣ и экипажахъ.

Коронація императора Павла совершилась въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. И день, назначенный для коронаціи, и вся ея обстановка соотвѣтствовали высокому, религіозному понятію Павла о значеніи власти русскаго самодержца: въ этотъ день Павелъ Петровичъ объявилъ себя главою церкви и при коронованіи, прежде чѣмъ облечься въ порфиру, приказалъ возложить на себя далматикъ—одну изъ царскихъ одеждъ византійскихъ императоровъ, сходственный съ архіерейскимъ саккосомъ, но Св. Тайны въ алтарѣ принялъ изъ

рукъ священнослужителя, а не самъ лично, вопреки распространившимся тогда слухамъ; при входѣ государя въ Царскія врата, митрополитъ Платонъ замѣтивъ шпагу, висѣвшую у его пояса, остановилъ императора словами: „здѣсь приносится безкровная жертва; отними благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, коронована была и супруга государя, императрица Марія, на главу которой императоръ возложилъ малую корону. Тотчасъ послѣ совершенія обряда коронованія, Павелъ Петровичъ исполнилъ давнюю свою мечту—о дарованіи государству „фундаментальныхъ законовъ“: съ высоты трона онъ самъ прочелъ въ храмѣ во всеуслышаніе актъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи по мужескому колѣну, составленный имъ вмѣстѣ съ своей супругой еще въ 1788 году, затѣмъ царскими вратами вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ въ особомъ ковчегѣ на св. престолъ для храненія на вѣчныя времена; вслѣдъ за тѣмъ прочитаны были новыя узаконенія: „Учрежденіе объ императорской фамиліи“, опредѣлявшее права и обязанности членовъ царствующаго дома, и „Установленіе о россійскихъ орденахъ“. Милости народу были объявлены только для крестьянъ слѣдующимъ знаменитымъ манифестомъ въ день коронованія. „Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ Божій, въ девятословіи Намъ преподанный научаетъ Насъ седьмый день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ Вѣры Христіанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспріять священное мνропомазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцемъ всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ

на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ". Въ тотъ же день, 5 апрѣля, объявлены были щедрыя награды лицамъ, окружавшимъ императора. Крестьянъ роздано было до 82.000 душъ. Болѣе всѣхъ получили Безбородко, возведенный въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, и князья Александръ и Алексѣй Куракины.

Торжество коронованія сопровождалось праздниками и балами. Всѣ они, по словамъ современниковъ, были утомительны и скучны: государь обращалъ строгое вниманіе на соблюденіе всѣхъ требованій этикета и самъ первый уставалъ отъ нихъ. Парады и смотры войскъ собранныхъ подъ Москвой и не вполнѣ еще усвоившихъ всѣ требованія новаго устава, также происходили при напряженномъ состояніи духа всѣхъ участвующихъ, и императоръ неоднократно выражалъ свое неудовольствіе на „потемкинскій духъ" офицеровъ; многіе изъ нихъ тогда же пострадали по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Дурное настроеніе государя выразилось уже черезъ недѣлю послѣ коронаціи совершенно несвоевременнымъ указомъ отъ 13 апрѣля, которымъ не только подтверждался указъ отъ 12 января о тѣлесномъ наказаніи дворянъ за уголовныя преступленія, но онъ распространялся еще на гильдейскихъ гражданъ, священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ тѣ же преступленія, и такимъ образомъ отмѣнялись привилегіи, незадолго предъ тѣмъ дарованныя духовенству самимъ Павломъ. Митрополитъ Платонъ, въ качествѣ бывшаго наставника Павла, взялся быть предъ нимъ, по просьбѣ дворянъ, выразителемъ ихъ недовольства: дворяне просили митрополита доложить государю, что онъ крайне строгъ и что онъ долженъ перемѣнить свое обращеніе съ ними. Но Павелъ Петровичъ дурно встрѣтилъ слова Платона и приказалъ ему не выѣзжать изъ Москвы. Вмѣшательство Платона было тѣмъ непріятнѣе для Павла, что Платонъ до коронаціи отказывался принять орденъ св. Андрея Первозваннаго, не одобряя намѣренія государя изъ духовныхъ дѣлать „кавалеровъ". Павелъ Петровичъ перебилъ его рѣзко при многихъ свидѣтеляхъ и, пославъ ему рукою поцѣлуй, сказалъ: „прощайте, съ вами не сговоришь". Какъ бы въ отвѣтъ на неудовольствіе дворянства,

часто проявлявшееся наружу во время пребыванія Павла въ Москвѣ, 29 апрѣля послѣдовалъ манифестъ о прощеніи отлучившихся самовольно нижнихъ чиновъ и всякаго званія людей, а 4 мая, на другой день послѣ отъѣзда императора изъ Москвы, объявленъ былъ именной указъ Сенату, „чтобы ни отъ кого ни въ какихъ мѣстахъ прошеній многими подписанныхъ не принимать“, чѣмъ отмѣнялось право дворянства представлять о своихъ нуждахъ губернаторамъ, сенату и императорскому величеству. Воспоминанія о прошломъ не оставляли государя, и борьба со старыми порядками видимо подогрѣвала его старыя, горькія чувства. Проникнутый сознаніемъ полноты своей власти и подозрѣвая во всѣхъ сочувствіе къ порядкамъ прошлаго царствованія, онъ не терпѣлъ противорѣчія и дѣйствовалъ часто по минутному впечатлѣнію. „Когда императоръ чего либо *хочетъ*,—писалъ Рожерсонъ 10 іюня 1797 г.,—не осмѣливаются дѣлать ему возраженій, такъ какъ на каждый совѣтъ или представленіе онъ смотритъ какъ на ослушаніе. Иногда императрица и еще чаще Нелидова, въ особенности, когда онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, успѣваютъ пріостановить его рѣшеніе, но это случается очень рѣдко“. Такъ, орденъ св. Георгія не вошелъ въ „Установленіе“ объ орденахъ, изданное въ день коронаціи, и лишь во время чтенія „Установленія“ въ Успенскомъ соборѣ послѣ чина коронованія, Павелъ, очевидно уступая настояніямъ Нелидовой, изустно съ престола узаконилъ этотъ военный орденъ. Павелъ не желалъ ни съ кѣмъ совѣтоваться, а приближенныя къ нему лица, примѣняясь къ его нраву, думали лишь о личныхъ выгодахъ. „При рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ“, говоритъ изгнанный незадолго предъ тѣмъ Растопчинымъ секретарь государя Лопухинъ, „можно было бы сдѣлать добра для государства, если бы окружавшіе его руководились усердіемъ къ отечеству, а не видали собственной корысти“. Оттого даже на манифестѣ отъ 5 апрѣля о крестьянской барщинѣ лежитъ печать необдуманности и поспѣшности: не было точно опредѣлено положеніе ни крестьянъ земледѣльцевъ, ни дворовыхъ, а дурная редакція закона привела къ тому, что помѣщики смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія, со-

образно съ своими выгодами: въ Малороссіи, гдѣ до тѣхъ поръ была лишь двухдневная барщина,—какъ на средство возвысить крестьянскія повинности, а въ Великороссіи, гдѣ барщина была чуть не повседневная,—только какъ на „совѣтъ“ правительства, ни для кого не обязательный. Дворянство однако видѣло опасность для себя въ будущемъ при такомъ направленіи мыслей государя: шли глухіе, но оживленные толки о его деспотизмѣ, нарушеніи ихъ политическихъ правъ. „Неудовольствіе противъ императора“, доносилъ 1 мая своему правительству изъ Москвы прусскій генералъ Брюль, „всеебщее. Наклонность русскихъ къ революціямъ, привычка ихъ къ женскому управленію, безнравственность ихъ побужденій,—все это могло бы повлечь за собою самыя прискорбныя послѣдствія, если бы добродѣтели императрицы не ставили ея выше всякаго искушенія. Императоръ, желая исправить ошибки предыдущаго царствованія, вводитъ новую систему въ управленіе, которая не нравится націи и недостаточно обдумана, а между тѣмъ осуществляется съ поспѣшностію, малопонятной и ничѣмъ не вызванной. При этомъ государь занимался лишь мелочами, всякаго рода церемоніями и пріемами, теряя оттого изъ виду важныя дѣла и принимая совѣты только отъ князя Безбородко и иногда отъ князя Репнина. Но Безбородко – человѣкъ лѣнивый и небрежный“.

Наканунѣ отъѣзда своего изъ Москвы Павелъ Петровичъ назначилъ 2 мая императрицу Марію Ѳеодоровну главноначальствующею надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ и такимъ образомъ пріобщилъ ее къ дѣламъ управленія. 3 мая императорская чета выѣхала изъ Москвы— Марія Ѳеодоровна прямой дорогой въ Петербургъ, а Павелъ Петровичъ, сопровождаемый великими князьями, кружнымъ путемъ чрезъ литовскія губерніи. Предъ путешествіемъ императоръ отдалъ строгій приказъ, чтобы на пути его, для избѣжанія тягостей для крестьянъ, отнюдь не дѣлали никакихъ приготовленій, не поправляли дорогъ и не чинили мостовъ. Проѣзжая чрезъ слободу Пневу смоленской губерніи, государь увидѣлъ множество крестьянъ, чинившихъ дорогу. Помѣщикъ ихъ, Храповицкій, на притѣсненія кото-

раго при этомъ пожаловались государю крестьяне, едва было не пострадалъ, а крестьянамъ Павелъ Петровичъ приказалъ выдать 2500 рублей. Замѣчательно, что, отдавая въ первомъ порывѣ гнѣва приказъ о разстрѣляніи Храповицкаго, императоръ поручилъ написать объ этомъ великому князю Александру Павловичу, прибавивъ: „и напишите, чтобы народъ это зналъ, что дышете однимъ со мною духомъ“. Въ Оршѣ государь посѣтилъ, между прочимъ, іезуитскій коллегіумъ, гдѣ обласкалъ іезуитовъ и прочее католическое духовенство, видя въ немъ оплотъ противъ революціонныхъ ученій на Западѣ, а въ Вильнѣ, Гроднѣ и Ковнѣ осмотрѣлъ войска, обученныя по новому уставу. Въ общемъ путешествіе произвело на Павла благопріятное впечатлѣніе.

Пока государь путешествовалъ, императрица Марія получила подробныя свѣдѣнія о неудовольствіи, господствовавшемъ среди войскъ и петербургскаго общества, вызванномъ мелочными мѣрами военнаго губернатора Петербурга, Архарова. Этотъ любимецъ государя, при Екатеринѣ пользовавшійся славою хорошаго сыщика, задумалъ, пользуясь слабыми сторонами характера Павла Петровича, сыграть какую-то двусмысленную роль. Всѣ распоряженія императора по полицейской части, касавшіяся будничной жизни обитателей Петербурга, проводились Архаровымъ въ исполненіе съ преувеличенною точностью, а иногда даже искажались имъ съ цѣлію возбуждать неудовольствіе, донося о которомъ подозрительному, боявшемуся заговоровъ императору, онъ имѣлъ случай свидѣтельствовать о своемъ усердіи и полезности. Всѣ жители Петербурга ненавидѣли его, а между тѣмъ къ пріѣзду императора Архаровъ принуждалъ всѣхъ окрасить свои дома и даже двери и окна домовъ полосами чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, какъ уже окрашены были мосты и шлагбаумы; въ то же время Архаровъ не обращалъ никакого вниманія на усиливавшуюся въ Петербургѣ дороговизну припасовъ первой необходимости, а между тѣмъ дороговизну эту объясняли корыстной стачкой полиціи со скупщиками жизненныхъ припасовъ. Поведеніе Архарова внушало многимъ подозрѣнія; существуетъ даже извѣстіе, что, сопровождая императрицу

Марію на возвратномъ пути ея изъ Москвы, онъ намекалъ ей на возможность переворота въ ея пользу. Но императрица, горячо любившая своего супруга, менѣе всего способна была къ какому-либо заговору противъ него, по возвращеніи Павла въ Петербургъ, она, вмѣстѣ съ Нелидовой, сообщила ему о дѣйствіяхъ Архарова, основанныхъ будто-бы на его словесныхъ приказаніяхъ. „Развѣ я дуракъ, чтобы отдавать подобныя приказанія?“ вскричалъ Павелъ и велѣлъ Архарову немедленно выѣхать въ деревню. На его мѣсто назначенъ былъ женатый на подругѣ Нелидовой графъ Ѳ. Ѳ. Буксгевденъ, извѣстный прямотою своего характера и пользовавшійся расположеніемъ войскъ и жителей Петербурга. Тогда же, 6 іюня 1797 г., учреждена была „комиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся“; президентомъ этой комиссіи назначенъ былъ великій князь Александръ Павловичъ.

III.

Военныя упражненія императора Павла.—Вахтъ-парадъ и его значеніе въ Павловскую эпоху.—Глухое недовольство въ средѣ войскъ, среди офицеровъ особенно.—Суровыя мѣры императора Павла.—Аракчеевъ.—Тревожное положеніе офицеровъ и великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Забота о крестьянствѣ и духовномъ сословіи.—Мѣры по отношенію къ дворянству.—Напряженное состояніе духа русскаго общества, усиленіе полицейской опеки.—Стремленіе поддержать легитимный принципъ въ Европѣ.—Союзъ съ Австріей и Англіей.—Вліяніе императрицы Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой.—Пребываніе императора Павла въ Москвѣ въ 1798 г. и путешествіе въ Казань.—Анна Петровна Лопухина и связанныя съ ея именемъ придворныя интриги.

Лѣто 1797 г. императоръ проводилъ въ Павловскѣ въ кругу своего семейства, такъ какъ государь не любилъ Царскаго Села, лѣтней резиденціи Екатерины. Изъ Павловска государь со всѣмъ своимъ семействомъ ѣздилъ на морскіе маневры; государь избралъ для своего пребыванія вновь выстроенный фрегатъ „Эммануилъ“, т. е. „Съ нами Богъ“.

Предполагалась прогулка флота изъ Кронштадта въ Ревель, но противные вѣтры помѣшали эскадрѣ сняться съ якоря. Морскіе маневры, по своей кратковременности, не могли дать императору возможности проявить свою требовательность по отношенію къ флоту; тѣмъ съ большею ревностью предавался императоръ сухопутнымъ военнымъ экзерциціямъ въ Павловскѣ. Въ Павловскѣ расположена была лагеремъ почти вся гвардія, и императоръ ежедневно производилъ ей ученія и смотры; чтобы испытать бодрость и военную выправку солдатъ, онъ будилъ войска по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй. Увлекаясь этими военными упражненіями, императоръ забывалъ свое достоинство самодержца и лично училъ войска, превращаясь въ самаго зауряднаго экзерцирмейстера. Особенно важное значеніе въ глазахъ императора имѣлъ вахтъ-парадъ, который превратился въ какой-то торжественный обрядъ и былъ настоящимъ театромъ, на которомъ русскій государь разыгрывалъ роль мелочного и деспотическаго педанта. По разсказамъ современниковъ, при тогдашнихъ военныхъ пріемахъ, странный церемоніальный шагъ, дѣйствія флигельмановъ, выскакивавшихъ изъ рядовъ, чтобы телеграфировать ружьями самые вычурные знаки, балансированіе офицеровъ съ эспантонами,—все это казалось офицерамъ неумѣстнымъ, устарѣвшимъ и смѣшнымъ; но все это требовалось Павломъ, какъ необходимое и священное условіе военнаго ремесла. Особенное значеніе въ глазахъ его имѣло дѣйствіе эспантономъ, и важная минута была для офицеровъ та, въ которую, проходя мимо императора, они салютовали его эспантономъ, припрыгивая и покачиваясь на тихомъ шагу. Иные за ловкость тутъ же награждались или начинали блестящую карьеру; другіе своею неловкостью и упущеніемъ раздражали императора, навлекали на себя съ его стороны и грубыя слова, и самыя несоотвѣтствовавшія наказанія. Случалось, что Павелъ въ раздраженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ виновныхъ за воротникъ, за лацкана. Подобныя сцены доходили иногда до комизма: вырвавъ эспантонъ у офицера, Павелъ самъ проходилъ вмѣсто него, какъ бы испытывая хладнокровіе присутствовавшихъ,

которые должны были сохранить серьезный видъ, глядя на эту небольшую фигуру, дѣйствовавшую съ какимъ-то убѣжденіемъ и со всею силою ничѣмъ неукротимой воли. Строгость и запальчивость государя по отношенію къ гвардейцамъ никогда не уменьшалась, такъ какъ, по мѣрѣ совершенствованія войскъ, вниманіе его ко всѣмъ, даже мельчайшимъ упущеніямъ также увеличивалось, а въ мелкихъ отрядахъ погрѣшности становились замѣтнѣе. Въ Павловскѣ была также особая цитадель, или крѣпость, Бипъ, куда офицеровъ сажали подъ арестъ. Солдаты были вообще менѣе недовольны строгостью императора, видя, что отъ нея преимущественно страдаютъ офицеры, которые, наравнѣ съ ними должны были нести всѣ тягости службы, но офицеры, самые усердные, бывали въ отчаяніи, не зная иногда, чѣмъ для нихъ окончится вахтъ-парадъ, такъ какъ Павелъ склоненъ былъ въ упущеніяхъ офицеровъ видѣть сознательное противодѣйствіе его волѣ. Изъ военныхъ приказовъ 1797 г. видно, что съ 1 мая по 24 августа исключено было изъ службы за пьянство, нерадѣніе и т. д. 117 офицеровъ. Нѣкоторые изъ приказовъ были выраженіемъ горькихъ чувствъ Павла по отношенію къ прошедшему царствованію; такъ, въ приказѣ 14 августа было объявлено объ исключеніи одного офицера „за незнаніе должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бывшей должности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и пляскѣ“. Нервное состояніе государя и войскъ, его окружавшихъ, выразилось въ особенности въ двухъ военныхъ тревогахъ, случайно происшедшихъ въ Павловскѣ 2 и 4 августа; тревоги эти наполнили душу императрицы Маріи опасеніемъ за безопасность государя, такъ ими могли воспользоваться зломышленники или озлобленные имъ люди. Вмѣстѣ съ Нелидовой, она употребляла всѣ усилія смягчить своего супруга, побудить его къ болѣе мягкому, осторожному образу дѣйствій. Но въ умѣ Павла прочно укоренилась мысль о необходимости „суровыми и сильными мѣрами“ пресѣчь „распущенность въ службѣ и въ правахъ“, призракъ революціи постоянно представлялся его воображенію, и, желая избѣжать опасностей, онъ самъ создавалъ

ихъ тамъ, гдѣ они прежде не существовали. Тщетно Нелидова писала государю: „Вотъ любезный другъ, что я нахожу, открывъ книгу наудачу: это подтвержденіе нашего разговора о томъ, что государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше мы поставлены, тѣмъ болѣе мы имѣемъ необходимыхъ отношеній къ людямъ и тѣмъ чаще приходится намъ показывать терпѣніе и умѣренность, ибо всѣ люди несовершенны“. Въ отвѣтъ на убѣжденія Нелидовой Павелъ Петровичъ писалъ ей: „Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, пожалуй, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить совершенно. Всего было слишкомъ мало и, между тѣмъ, достаточно для того, чтобы въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ. Во всемъ этомъ нѣтъ женщины, хотя здѣсь хотятъ только женщинъ“ (намекъ на предыдущее царствованіе, когда былъ возможенъ упадокъ дисциплины). Павелъ, добрый и великодушный отъ природы, не хотѣлъ показывать слабости и, какъ часто бываетъ съ слабохарактерными людьми, впадалъ въ противоположную крайность — допускалъ жестокость, которая, по своей искусственности, казалась иногда холодною и неумолимою; притомъ, прійдя въ раздраженіе, онъ уже не могъ себя сдерживать и часто былъ совершенно внѣ себя. По свидѣтельству Саблукова, „императоръ вполнѣ сознавалъ это и глубоко этимъ огорчался, оплакивая собственную вспыльчивость, но не имѣлъ силы, чтобы побѣдить себя. Къ несчастію для Павла, его опасенія и недовѣрчивость были замѣтны для окружающихъ“. „Дворъ и общество, которые съ самаго начала царствованія усвоили себѣ образъ мыслей, заставлявшій предугадывать о концѣ его“, говоритъ, съ своей стороны графиня Головина, современникъ—очевидецъ описываемыхъ событій, „постарались по-своему объяснить себѣ военныя тревоги, происходившія въ Павловскѣ 2-го и 4-го августа. Ничто не способствуетъ такъ измѣнѣ, какъ постоянно высказываемая боязнь ея. Павелъ не умѣлъ скрывать, до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его

душу. Боязнь эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и много допущенныхъ имъ жестокостей было слѣдствіемъ этого постояннаго чувства его души, и, раздражая умы, онѣ привели, наконецъ, къ тому, что дали полное основаніе къ оправданію его подозрительности".

Послѣ переѣзда двора изъ Павловска въ Гатчину, въ концѣ августа, совершилось радостное для Павла событіе. Около Гатчины происходили маневры войскъ, обученныхъ по новому уставу. Маневры эти, такъ мало, по своей грандіозности, походившіе на бывшія здѣсь же, всего годъ тому назадъ, экзерциціи гатчинскихъ потѣшныхъ войскъ,—прошли блистательно. Государь былъ доволенъ и веселъ: теперь, выражаясь словами Павла, Господь Богъ дозволилъ ему исполнить то, что предначерталъ онъ этими экзерциціями и ради чего, въ первые десять мѣсяцевъ своего царствованія, преобразовывалъ екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. За послѣднимъ маневромъ и за послѣднимъ приказомъ велѣно было собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Императоръ повторилъ отданное въ приказѣ благоволеніе и удовольствіе всѣмъ войскамъ и затѣмъ сказалъ: „Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не совсѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго". Для мирнаго, плацпараднаго употребленія войска дѣйствительно достигли замѣчательной выправки и точности въ движеніяхъ: казалось, это были не люди, а машины. Но насколько этотъ развитый механизмъ могъ содѣйствовать развитію военнаго духа въ войскахъ и отвѣчать потребностямъ военнаго времени и ходу военныхъ операцій,—объ этомъ не могъ судить ни самъ Павелъ, ни его экзерцирмейстеры, никогда не бывшіе въ огнѣ.

Но и послѣ прекрасно сошедшихъ маневровъ отношенія государя къ офицерству не измѣнились; не измѣнилась и взыскательность императора. Признаки дурнаго настроенія проявились въ особенности въ преображенскомъ полку, которымъ командовалъ самый жестокій изъ всѣхъ гатчинцевъ—Аракчеевъ; его жестокость и грубость доводили офицеровъ

до отчаянія, выражавшагося въ необдуманныхъ словахъ и толкахъ, а, между тѣмъ, Аракчеевъ, для своего оправданія, доносилъ императору, что они мало занимаются службой. „Свѣдалъ я,—писалъ Павелъ Аракчееву тотчасъ послѣ маневровъ,—что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали что—другихъ полковъ дѣлаютъ, то они равно бы тѣмъ угождали, то и извольте имъ сказать, что легкій способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я исполню, а буду и безъ нихъ заниматься обороною государственною“. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало, 6 октября, увольненіе отъ службы многихъ офицеровъ преображенскаго полка и массы унтеръ-офицеровъ изъ этого полка. Легко понять, что этими мѣрами Павелъ очищалъ гвардію отъ екатерининскихъ офицеровъ: гатчинскіе экзерцирмейстеры считали ихъ неудобнымъ элементомъ во ввѣренныхъ имъ полкахъ и утверждали Павла Петровича въ подозрѣніи, что они не желаютъ подчиняться новымъ порядкамъ службы. „Такъ какъ всѣ эти гатчинцы“, говоритъ Саблуковъ, самъ служившій въ это время въ гвардіи, „были всѣ лично извѣстны Императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ Императору и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Это весьма вооружило насъ противъ этихъ господъ; мы вскорѣ открыли, что они доносили о малѣйшемъ случаѣ, о малѣйшемъ вырвавшемся словѣ. Не стоитъ перечислять всѣхъ этихъ именъ; объ одномъ, однако же, слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ онъ впослѣдствіи сдѣлался важнымъ человѣкомъ: то былъ Аракчеевъ. Часто, за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеровъ, прямо съ парада, отсылали въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что, когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать деньги взаймы товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе сего, совсѣмъ

оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ другіе, оставивъ армію, переходили въ гражданскую службу... Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе". Горе это, однако, было горемъ преимущественно дворянскаго служилаго класса, по объясненію Саблукова. „Люди знатные", говоритъ онъ, „конечно, тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу, и во все время коронаціи въ Москвѣ императоръ не могъ этого не замѣтить. Зато низшія сословія съ такимъ восторгомъ привѣтствовали императора при всякомъ представлявшемся случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности къ себѣ дворянства лишь нравственной его испорченности и якобинскимъ наклонностямъ. Что касается до этой испорченности, то онъ былъ, конечно, правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ; Павелъ же, по честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ часто говорилъ, что будучи всегда готовымъ и радъ доставить законное и полное оправданіе всякому, кто считалъ себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ". Взыскательность государя по отношенію къ офицерамъ казалась тѣмъ болѣе естественною, что онъ проявлялъ ее и по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ. Великій князь Александръ былъ шефомъ семеновскаго, а Константинъ—измайловскаго полковъ; Александръ былъ, кромѣ того и первымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ въ восемь подавалъ онъ императору рапортъ. „При этомъ слѣдовало ему, разсказываетъ Саблуковъ, отдавать отцу отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ службы и за малѣйшую ошибку получалъ строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ". Великій князь Константинъ, отличавшійся горячностію нрава, часто позволялъ себѣ опро-

метчивые и жестокіе поступки, но одно напоминаніе о военномъ судѣ, котораго, по уставамъ Павла, могъ требовать себѣ каждый корнетъ надъ своимъ полковымъ командиромъ, было, по словамъ Саблукова, „Медузиной головой, которая оцѣпеняла ужасомъ его высочество". „Оба великіе князья, замѣчаетъ онъ, смертельно боялись своего отца, и, когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ".

Увлеченіе Павла Петровича мелочами военнаго дѣла мѣшало ему вникать во всѣ подробности внутренняго управленія имперіей, и при такихъ обстоятельствахъ генералъ-прокуроръ Алексѣй Куракинъ, поддерживаемый императрицею и Нелидовой, пріобрѣлъ, въ глазахъ многихъ, значеніе какъ-бы со-регента по дѣламъ гражданскимъ. Въ дѣйствительности, внутренняя политика Павла въ концѣ 1797 и въ началѣ 1798 г. продолжала достигать прежнихъ своихъ цѣлей. Цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчена была въ своихъ тягостяхъ масса крестьянскаго населенія уменьшеніемъ натуральныхъ повинностей, установленіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости и введеніемъ льготной продажи соли, всѣ казенные крестьяне получили надѣлъ по 15 десятинъ на душу и особое крестьянское управленіе. Возвышеніе подушной подати на 23 коп. съ души и переоброчка казенныхъ крестьянъ, послѣ 15 лѣтняго промежутка времени, сопровождались, по указу отъ 18 декабря 1797 г., сложеніемъ недоимки по 1 января этого года по этимъ же статьямъ въ суммѣ до 7 милліоновъ рублей. Для обезпеченія судьбы выпущенныхъ въ отставку нижнихъ чиновъ изъ крестьянъ также приняты были мѣры. Духовенство, согласно межевой инструкціи, изданной еще при Екатеринѣ, обезпечено было нарѣзкой къ сельскимъ церквамъ 30 десятинъ земли, съ правомъ пользоваться входомъ въ казенные лѣса, а къ обработкѣ церковной земли въ пользу причтовъ повелѣно было привлекать сельскія общества; архіерейскіе дома, соборные и нѣкоторые другіе церкви получили штаты и особыя суммы и даже угодья на содержаніе своего духовенства. Чтобы внушить уваженіе къ бѣлому духовенству, стоявшему въ то время значительно ниже чернаго, Павелъ началъ жаловать

его орденами и особо для него установленными знаками отличія: наперснымъ крестомъ, митрою, камилавкою и скуфьею; кромѣ того, повелѣно было въ консисторіяхъ между присутствующими быть половинѣ изъ бѣлаго духовенства. Но особенно заботился Павелъ о просвѣщеніи духовенства. Указомъ отъ 18 декабря 1797 г. учреждены были въ Петербургѣ и Казани духовныя академіи, а на содержаніе духовныхъ училищъ ассигнованы особыя суммы. Замѣчательно, что, оказывая уваженіе православному духовенству, императоръ проявилъ свою вѣротерпимость по отношенію къ раскольникамъ: въ началѣ 1798 г. въ самомъ гнѣздѣ раскольниковъ, въ нижегородской губерніи, разрѣшено было старообрядцамъ имѣть свои церкви и при нихъ священнослужителей. Даже дворянство, привыкшее къ гоненіямъ, увидѣло, наконецъ, вниманіе государя къ своимъ матеріальнымъ нуждамъ. 18 декабря 1797 г. появился манифестъ императора Павла объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства. „Съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ", говорилось въ манифестѣ, „что многіе роды дворянскіе, стеная подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или небережливостью нажитыхъ, не многіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть, усугубляя свои долги, разстроила состояніе своихъ одолжителей и, отъ неминуемой крайности впадая въ руки алчныхъ корыстолюбцевъ и ростовщиковъ, умножаютъ число сихъ зловредныхъ хищниковъ, а всего ужаснѣе приготовляютъ плачевный жребій нищеты невинному своему потомству". Ссуды выдавались банкомъ на 25 лѣтъ банковыми билетами въ размѣрѣ 40—75 рублей на душу, смотря по классу губерніи; заемщикъ пользовался 5% въ годъ съ билетовъ и уплачивалъ 6% и погашеніе по расчету, сообразно взимаемому по частямъ капиталу. За невзносъ въ срокъ платежей имѣніе бралось въ опеку. Билетамъ банка присвоенъ былъ принудительный курсъ, и они должны были приниматься и казною, и частными лицами по номинальной цѣнѣ. Чтобы предохранить дворянское сословіе, заключавшее въ себѣ „ревностныхъ исполнителей монаршей воли и храб-

рыхъ защитниковъ отечества", отъ проникновенія въ него недостойныхъ элементовъ, повелѣно было еще въ началѣ царствованія не возводить никого въ дворянское достоинство безъ высочайшаго разрѣшенія; теперь повелѣно было составить общій дворянскій гербовникъ для внесенія въ него уже существующихъ дворянскихъ гербовъ и сочиненія новыхъ. Но наряду съ этимъ принимались мѣры къ очищенію дворанства отъ дурныхъ его членовъ и къ сокращенію его сословныхъ привиллегій съ такою же суровостью, какъ и прежде, тѣмъ болѣе, что дворяне толпами бѣжали отъ военной службы, гдѣ имъ не сладко жилось: 15 ноября 1797 г. послѣдовалъ указъ, чтобы дворяне, выключенные изъ военной службы, не были избираемы и опредѣляемы ни на какія должности по выборамъ и чтобы ооъ нихъ не принимали даже голосовъ при выборахъ, а 14 генваря 1797 г.—повелѣно было не принимать ихъ на гражданскую службу. Въ то же время, съ цѣлію уменьшить вліяніе дворянства на дѣла областнаго управленія, императоръ усилилъ власть губернаторовъ и повелѣлъ имъ присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ „для соблюденія добраго порядку". Понятно, что дворянство увидѣло въ этихъ мѣрахъ желаніе государя приступить къ отмѣнѣ его сословныхъ привиллегій, дарованныхъ ему жалованной грамотой, и ожидало въ будущемъ еще худшаго. Даже вспомогательный для дворянства банкъ, учрежденный Павломъ по проекту Алексѣя Куракина, возбудилъ немедленно по своемъ возникновеніи, цѣлый рядъ справедливыхъ жалобъ: билеты этого банка, имѣя принудительный курсъ, тотчасъ по выпускѣ упали въ цѣнѣ и, увеличивъ массу бумажныхъ цѣнностей, подрывали государственный кредитъ.

Но всѣ эти дѣйствія и распоряженія государя не могутъ объяснить намъ нервнаго напряженія русскаго общества — того ежедневнаго ожиданія постоянныхъ перемѣнъ, которое, если вѣрить современникамъ, не давало никому спокойно спать въ царствованіе императора Павла. Вводя порядокъ и дисциплину въ управленіе, императоръ на каждомъ шагу подводилъ итоги прошлымъ злоупотребленіямъ, и многіе платились за старыя свои прегрѣшенія, отвѣчали иногда только за то, что въ царствованіе Екатерины счита-

лось возможнымъ и дозволительнымъ. Преслѣдуя старые порядки, Павелъ началъ преслѣдовать лица, а кто могъ считать себя вполнѣ чистымъ и правымъ съ его идеальной точки зрѣнія? Штрафы, конфискаціи, увольненіе отъ должностей, иногда въ самой оскорбительной формѣ, высылка изъ столицъ,—поражали сегодня—одного, завтра—другого. Давъ волю чувствамъ, Павелъ не щадилъ никого, даже память мертвыхъ; пострадалъ Зубовъ, на котораго наложено было полумилліонное взысканіе за недочеты въ казенныхъ суммахъ,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было задѣлать могилу Потемкина, а наслѣдники его должны были внести крупныя суммы на покрытіе его долговъ. Справедливость, ко всѣмъ равная, „не взирая на лица",—была господствующимъ побужденіемъ государя, но равныя для всѣхъ мѣры возмездія сами по себѣ были несправедливы и производили иногда совершенно неожиданныя по своему ужасу или комизму послѣдствія. Не легче было и новымъ исполнителямъ воли государя: желтый ящикъ былъ вѣрнымъ проводникомъ къ государю всѣхъ жалобъ на неправосудіе и на злоупотребленія, но съ ними вмѣстѣ подавались и лживые доносы, прошенія „недѣльныя", нелѣпыя, а, между тѣмъ, государь, при своей впечатлительности, полагалъ на нихъ быстрыя, часто необдуманныя резолюціи. Кромѣ того, жителей Петербурга, Москвы и даже провинціи опутывала ежедневно тысяча мелочей, касавшихся даже будничной жизни каждаго. Полицейская опека надъ частной жизнію подданныхъ доведена была Павломъ до крайнихъ предѣловъ, вытекая изъ патріархальныхъ взглядовъ его на отношенія государя къ подданнымъ какъ отца, главы семьи. Распоряженія объ образѣ жизни обывателей Петербурга, сдѣланныя по вступленіи на престолъ, оставались и затѣмъ въ полной силѣ и даже дополнялись новыми. Воспрещено было ношеніе фраковъ и разрѣшено нѣмецкое платье, съ точнымъ опредѣленіемъ цвѣта его и размѣровъ воротника; запрещены были жилеты, а вмѣсто нихъ дозволено употреблять камзолы; дозволены были башмаки съ пряжками, а не съ лентами, и запрещены короткіе сапоги съ отворотами или со шнурками; не позво-

лялось „увертывать шею безмѣрно платками“, а внушалось „повязывать ее безъ излишней толстоты“ и т. д. и т. д. При этомъ „домоправителямъ, прикащикамъ и хозяевамъ строжайше подтверждалось, чтобы всѣмъ пріѣзжающимъ для жительства или на время въ домы ихъ объявляли они не только объ исполненіи сихъ предписаній, но и о всѣхъ прежде бывшихъ, и если окажется, что таковыхъ объявленій кому-либо учинено не было, то съ виновными поступлено будетъ по всей строгости законовъ“. Павелъ, очевидно, не желалъ, чтобѣ слѣдовали французскимъ революціоннымъ модамъ; оттого подобныя же распоряженія сдѣланы были даже по отношенію къ женскимъ костюмамъ и прическѣ. Любопытно, что, по разнымъ соображеніямъ, императоръ приказалъ, чтобы во всѣхъ казенныхъ бумагахъ „изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснить лучше самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгать“. Это разумное, хотя трудно достижимое желаніе Павла было парализовано послѣдующими его распоряженіями, благодаря которымъ, при изъясненіи дѣла не только письменно, но и устно, приходилось справляться со спискомъ словъ, запрещенныхъ къ употребленію. Такъ, слово „стража“ замѣнено было словомъ „караулъ“, „врачъ“— „лекарь“, „выполненіе“ — „исполненіе“, „граждане“ — „жители“ или „обыватели“, „отечество“—„государство“, „степень“— „классъ“ и т. д.; слово же „общество“ совсѣмъ воспрещено было къ употребленію. Разумѣется, „усердные“ слуги государя и полиція усиливали значеніе распоряженій императора; оттого при дворѣ и на службѣ даже говорить приходилось съ нѣкоторой опаской, взвѣшивая выраженія. Но, съ другой стороны, самъ Павелъ Петровичъ не стѣснялся, особенно въ порывахъ гнѣва, излагать свои мысли о лицахъ и вещахъ вполнѣ „ясно и вразумительно“ не только устно, но и въ своихъ приказахъ, печатавшихся во всеобщее свѣдѣніе въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Приказы эти часто представляютъ собою не тщательно редактированныя правительственныя распоряженія, а просто лишь буквально записанную устную рѣчь императора по поводу всякихъ,

важныхъ и неважныхъ, случаевъ, со всѣми присущими устной рѣчи, особенно при раздраженіи, рѣзкостями и недомолвками. Нужно удивляться и тому, что многіе изъ этихъ приказовъ публиковались, и тому, что эти приказы, очевидно, никѣмъ не редактировались; въ одномъ несомнѣнно заключалось ихъ достоинство, для всѣхъ ясное,— что они *говорились* вполнѣ искренно, отъ души, и прекрасно характеризовали самого государя. Вообще резолюціи и приказы Павла Петровича, въ большинствѣ случаевъ, преслѣдовали воспитательныя цѣли, а не однѣ служебныя, и это и было главною причиною ихъ опубликованія; поэтому же многіе изъ нихъ сопровождались подробной мотивировкой или объясненіями, которыя сами по себѣ вызываютъ иногда невольную улыбку. Такъ, генералу отъ инфантеріи князю Голицыну объявленъ былъ выговоръ за то, что „рядовые его боятся дождя"; штабсъ-ротмистръ Бороздинъ посаженъ былъ въ крѣпость на 6 недѣль „за хвастовство, что онъ будетъ пожалованъ къ его величеству во флигель-адъютанты"; офицерамъ конно-гвардейскаго полка было объявлено, что „императоръ рекомендуетъ больше заниматься службой, нежели городскою жизнію"; военному с.-петербургскому губернатору сдѣлано „примѣчаніе, чтобы болѣе было учтивостей на улицахъ" и т. д. Любопытны были отношенія государя и къ частнымъ лицамъ. Мѣщанкѣ Хотунцовой, напримѣръ, просившей паспортъ, чтобы идти въ городъ Бари на поклоненіе мощамъ св. Николая Чудотворца, было отказано „по дальности и опасности пути"; отставному унтеръ-офицеру Рогожину, просившему пожаловать опустѣлое мѣсто для постройки часовни и кельи для себя лично, отказано было потому, что „существо его просьбы вздорное"; отставному корнету Кобылинскому, просившему о пожалованіи земли, было объявлено, что „ему оной дать не за что" и т. д. и т. д.

Первый годъ царствованія Павла прошелъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, сравнительно спокойно, несмотря на то, что преобразованія императора вызывали повсюду возбужденіе. „Порядокъ вещей", писалъ другъ великаго князя Александра Павловича, князь Адамъ Чарторижскій, „казался установлен-

нымъ на долгое время. Причуды императора уменьшились, благодаря соединенному вліянію императрицы и ея подруги, Нелидовой. Общество мало-по-малу привыкало къ странностямъ и неровностямъ поведенія Павла". Личныя свойства впечатлительнаго, перемѣнчиваго государя однако никому не внушали увѣренности за будущее. Холодная разсчетливость въ дѣлахъ внѣшнихъ, постоянная систематическая работа во внутреннемъ управленіи государствомъ, были чужды его порывистому уму. Поэтому внѣшняя политика государя сдѣлалась для него постепенно политикой сердца, а дѣла внутреннія во многомъ зависѣли отъ личности докладчиковъ, отъ ихъ искусства направлять волю Павла Петровича сообразно личнымъ своимъ соображеніямъ, не всегда безкорыстнымъ. Главными дѣятелями сдѣлались два брата, князья Куракины: Александръ, вице-канцлеръ, по дѣламъ внѣшнимъ, и Алексѣй, генералъ-прокуроръ, по дѣламъ внутреннимъ. Оба брата пользовались особымъ покровительствомъ императрицы и Нелидовой, но оба они не внушали къ себѣ ни довѣрія, ни расположенія общества: князь Александръ—былъ человѣкъ добрый, но тщеславный и ничтожный въ умственномъ отношеніи, а князь Алексѣй былъ извѣстенъ своею жадностію, корыстолюбіемъ и страстію къ проектамъ, далеко не всегда обдуманнымъ: учрежденный по проекту Куракина вспомогательный банкъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе; проектъ его же объ измѣненіи финансовой системы, представленный имъ въ началѣ 1798 г. и поддерживаемый Вутомъ, комиссіонеромъ голландскихъ банкировъ, вызвалъ сильное сопротивленіе князя Безбородко и государственнаго казначея Васильева, видѣвшихъ въ проектѣ опасность для государства. Князь Безбородко, въ качествѣ канцлера имперіи, являлся главнымъ совѣтникомъ государя и пользовался у него сначала, благодаря своей опытности въ дѣлахъ и придворной ловкости, огромнымъ довѣріемъ, но ему невозможно было бороться съ Куракинами, такъ какъ они всегда были поддерживаемы императрицей и Нелидовой, и когда, напримѣръ, Безбородко началъ возражать противъ финансоваго проекта Куракина, то ему, старому дѣльцу Екатерины, пришлось имѣть „преніе

съ г. Вутомъ предъ императоромъ и императрицей". „Ея величество", писалъ Безбородко, „недовольна, что я не понимаю пользъ, г. Вутомъ предложенныхъ. Вообще она меня хотя очень хорошо трактуетъ, но не столько имѣетъ прежней intimité".

Въ то же время императрица Марія содѣйствовала новому направленію внѣшней политики Павла Петровича, измѣнившаго своему принципу невмѣшательства въ дѣла Европы и готовившагося обнажить свой мечъ противъ „развратной" и „мятежной" Франціи. Вокругъ императрицы Маріи и Нелидовой сгруппировались французскіе эмигранты; многіе изъ нихъ получили отъ Павла Петровича пенсіи и помѣстья, а другіе, какъ, напримѣръ, графъ Шуазель-Гуфье, Сенъ-При и др., дѣятельно заботились о томъ, чтобы возбудить легитимныя чувства государя и заставить его оказать помощь Бурбонамъ, скитавшимся по Европѣ. Эмигрантамъ оказывали поддержку папскій нунцій Литта и братъ его, графъ Литта, убѣдившій Павла принять подъ свое покровительство мальтійскій орденъ и тѣмъ сдѣлать первый шагъ къ поддержанію легитимнаго принципа въ Европѣ. Австрія и Англія также желали втянуть Россію въ борьбу съ Франціей. Уже 14 апрѣля 1797 г., тотчасъ послѣ коронаціи, исполняя условія союзнаго договора, заключеннаго съ Австріей еще при Екатеринѣ, императоръ Павелъ приказалъ тремъ дивизіямъ готовиться къ походу на помощь Австріи, приведенной на край гибели побѣдами Бонапарта. Но, прежде чѣмъ русскія войска тронулись въ путь, Австрія поспѣшила леобенскимъ договоромъ принять предварительныя условія мира, предложенныя ей Бонапартомъ, а затѣмъ обратилась къ императору Павлу съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посредничество для окончательнаго заключенія мира съ Франціей и содѣйствовалъ прекращенію злонамѣренныхъ дѣйствій Пруссіи, желавшей воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ старинной своей соперницы для усиленія своего въ Германіи. Императоръ изъявилъ согласіе быть посредникомъ, если Франція также обратится къ нему съ этою просьбою, и обѣщалъ употребить всѣ зависѣвшія отъ него способы „къ отдаленію пристрастія или видовъ жадности".

Но переговоры, завязавшіеся съ директоріей, чрезъ посредство французскаго посла въ Берлинѣ, Кальяра, не привели Россію къ желаемому съ ней соглашенію. Французы однимъ изъ условій договора поставили „дружбу“ Россіи съ Франціей, а дружбы съ революціоннымъ правительствомъ императоръ не хотѣлъ; въ то же время императоръ рѣшительно отказался исполнить требованіе Франціи не допускать въ Россію эмигрантовъ,—„не желая лишить себя права давать убѣжище несчастнымъ, которые только ищутъ одной для себя безопасности“. Между тѣмъ, въ переговорахъ своихъ съ Австріей и Англіей о заключеніи мира, Франція обнаруживала несговорчивость и предъявляла новыя требованія, надѣясь на тайную поддержку Пруссіи. Тогда раздраженный государь, въ собственноручномъ письмѣ своемъ къ прусскому королю, сдѣлалъ Пруссіи энергическое предостереженіе. „Обвиняютъ кабинетъ вашего величества въ пристрастіи“, писалъ онъ 30 сентября 1797 г., „распуская слухъ, будто бы онъ старается скрытно разстроить примиреніе Европы; говорятъ, что ваше величество, дозволяя французамъ завоеванія, ожидаете себѣ доли отъ раздробленія имперіи германской и даже будто бы намѣрены силою оружія принудить самого императора подписать этотъ договоръ... Васъ не должно удивить, если я скажу, что не останусь равнодушнымъ свидѣтелемъ разрушенія ея, но употреблю въ дѣйствіе всю власть и всѣ силы, врученныя мнѣ Провидѣніемъ“. Тогда же русскому послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, повелѣно было обѣщать австрійскому правительству дѣятельное содѣйствіе Россіи въ случаѣ, если бы война возобновилась отъ неумѣренныхъ притязаній Франціи или отъ происковъ Пруссіи. Но Австрія, истощенная войною и, боясь происковъ Пруссіи, 6 октября 1797 г. уже поспѣшила заключить съ Франціею сепаратный миръ въ Кампоформіо, отказавшись отъ защиты цѣлости владѣній германской имперіи, для рѣшенія судебъ которой рѣшено было созвать конгрессъ въ Раштадтѣ. Увлекаемые своими успѣхами, французы не только домогались уступки лѣваго берега Рейна, но и стремились къ распространенію республиканскихъ идей въ сосѣднихъ странахъ: французскіе агенты вол-

новали умы всѣми возможными средствами, вооружали одно сословіе противъ другаго, пропагандировали демократическія и антихристіанскія идеи и возбуждали народъ къ возстанію противъ правительства, употребляя для этой цѣли даже вооруженную силу. Еще до заключенія кампоформійскаго договора они учредили въ Ломбардіи республику цизальпинскую, а въ Генуѣ—лигурійскую; въ январѣ 1798 г. образована была въ Голландіи батавская республика, а 1 апрѣля 1798 года французы заняли своими войсками Швейцарію и провозгласили тамъ республику гельветическую. Въ средней и южной Италіи французы дѣйствовали также самовластно. Воспользовавшись ничтожнымъ поводомъ для разрыва съ папой Піемъ VI, они заняли войсками Римъ, низвергнули папское правленіе и 9 февраля 1798 г. провозгласили въ папской области римскую республику; самъ папа, глава католическаго христіанства, увезенъ былъ во Францію и посаженъ тамъ въ крѣпость. При такихъ условіяхъ установленіе республиканскаго образа правленія въ прочихъ итальянскихъ государствахъ и занятіе ихъ французскими войсками, очевидно, было только вопросомъ времени. Между тѣмъ, ходили слухи, что французы возбуждаютъ къ возстанію поляковъ, образовавшихъ уже въ республиканской арміи особые польскіе легіоны, и что цѣлью громадныхъ приготовленій къ морскому походу, производившихся тогда во Франціи, является или Англія, или русскія владѣнія на Черномъ морѣ.

Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должно было произвести на Павла это распространеніе „революціонной заразы“ по всей Европѣ. Примирительное настроеніе его политики по отношенію къ Франціи казалось ему теперь несообразнымъ. „Французы“, писалъ Павелъ 21 апрѣля 1798 г., „примиряясь съ державами и областями, которыхъ вдругъ вовсе истребить или отвергнуть не были въ состояніи, разрываютъ съ ними дружбу, какъ скоро предвидятъ удобство успѣвать въ своемъ планѣ, чтобы достигать всемірнаго владычества посредствомъ заразы и утвержденія правилъ безбожныхъ и порядку гражданскому противныхъ... Оставшіяся еще внѣ заразы государства ничѣмъ толь сильно не могутъ

обуздать буйство сея націи, какъ тѣсною между собою связью и готовностію одинъ другаго охранять честь, цѣлость и независимость". Императоръ однако не желалъ еще вступать въ войну съ Франціей, а предполагалъ, ограничиваясь оборонительными мѣрами, сохранить сколь возможно долѣе блага мира для своей имперіи: „употребленіе сильныхъ средствъ къ ускоренію французовъ располагаемъ мы тогда", писалъ государь, „когда буйство ихъ простерлось бы на прямыя противъ насъ дѣйствія оружіемъ или возмущеніемъ противъ насъ нашихъ подданныхъ, или на овладѣніе городами ганзеатическими и сѣверною частію Германіи, или же на новое разрушеніе мира съ императоромъ, либо съ имперіею германскою, — который уже и такъ пріобрѣтенъ слишкомъ дорогою цѣною". Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и сочувствіе императора Павла къ жертвамъ французской революціи, которыя не находили уже себѣ убѣжища нигдѣ въ Европѣ послѣ того, какъ Англія и Австрія вступили въ переговоры съ Франціей: корпусу войскъ принца Конде, составленному изъ французскихъ эмигрантовъ и бывшему на австрійской службѣ, было прямо объявлено вѣнскимъ кабинетомъ, что Австрія уже не можетъ долѣе его содержать. Для принца Конде оставалась одна надежда на императора Павла Петровича, котораго онъ нѣкогда съ такимъ радушіемъ принималъ во время его путешествія по Франціи; къ нему обратился онъ съ просьбою принять его корпусъ въ русскую службу. „По сродному намъ великодушію", писалъ Павелъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, „не могли мы не внять прошенію принца о принятіи войскъ подъ командою его состоящихъ, въ нашу службу, и вслѣдствіе этого рѣшилися мы дать убѣжище симъ людямъ, жертвовавшимъ собою вѣрности къ законному государю". Въ ноябрѣ 1797 года, корпусъ эмигрантовъ, численностію до 7.000 человѣкъ, расположенъ былъ на квартирахъ въ волынской и подольской губерніяхъ и получилъ содержаніе наравнѣ съ прочими русскими войсками. Въ то же время принцъ Конде, въ сопровожденіи сына своего, герцога Бурбона, и внука, герцога Энгіенскаго, явился въ Петербургъ благодарить государя за оказанныя милости. Пріемъ, ока-

занный ему императоромъ, превзошелъ всѣ ожиданія принца: Павелъ тогда же ему пожаловалъ андреевскій орденъ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ пригласилъ прибыть въ Россію и гонимаго отовсюду Людовика XVIII, предложивъ ему для жительства Митавскій замокъ; на путевыя издержки королю назначено было 60.000 р., а на ежегодное содержаніе 200.000 р. Въ февралѣ 1798 г. Людовикъ уже поселился въ новомъ своемъ убѣжищѣ. Благодаря государя за великодушіе, Людовикъ просилъ его о новой милости. Вѣнскій дворъ насильно задерживалъ у себя изъ политическихъ разсчетовъ дочь несчастнаго казненнаго короля Людовика XVI, незадолго предъ тѣмъ освобожденную изъ рукъ революціонеровъ, и всѣ просьбы дяди ея, Людовика XVIII, о препровожденіи ея въ Митаву оставались безуспѣшны. Теперь Людовикъ просилъ императора Павла о содѣйствіи ему въ этомъ дѣлѣ. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Павла: „Государь братъ мой! Королевская принцесса будетъ вамъ возвращена или я не буду Павелъ I", и графу Разумовскому повелѣно было потребовать отъ вѣнскаго двора именемъ государя освобожденія принцессы. Требованіе императора было исполнено, и принцесса, по прибытіи своемъ въ Митаву, вышла замужъ за герцога ангулемскаго, бывшаго ея женихомъ.

Для заключенія оборонительнаго союза съ Пруссіей и Австріей Павелъ Петровичъ отправилъ въ Берлинъ и Вѣну князя Репнина. Каждая изъ этихъ державъ преслѣдовала свои корыстныя цѣли къ Германіи, и потому онѣ соперничали другъ съ другомъ; мало того, Пруссія и Австрія уже доказали, что, ради соблюденія своихъ интересовъ въ Германіи, они готовы вступить въ союзъ даже съ предполагаемымъ общимъ своимъ врагомъ, Франціей. Павелъ стремился для общей цѣли сблизить своихъ союзниковъ и взялъ на себя посредничество между ними. „Мы ограничиваемъ наше желаніе", говорилъ Павелъ въ инструкціи Репнину, „тѣмъ только, чтобы между разными заинтересованными дворами скорѣе всякіе споры и недоразумѣнія миролюбное воспріяли окончаніе и черезъ то каждое благоустроенное государство нашлось въ состояніи, соединенно съ прочими,

оградить себя отъ распространенія пагубныхъ замысловъ, къ разрушенію порядка и законной власти клонящихся. Оба сіи государя не могутъ не требовать себѣ нѣкотораго удовлетворенія, но надобно, чтобы они другъ къ другу относительно были справедливы и менѣе завистливы, а притомъ, чтобы въ столь непріятныхъ обстоятельствахъ, гдѣ расторженіе собственныхъ ихъ интересовъ влечетъ неминуемое предосужденіе для третьяго, желанія ихъ ограничивались крайнею умѣренностью, отвращая колико возможно большія перемѣны и потрясенія. Князю Репнину велѣно было напомнить и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, что государь „съ крайнимъ сожалѣніемъ взираетъ на то, что оба сильнѣйшія германскія государства ищутъ себѣ добычи въ ущербъ малосильнымъ и невиннымъ сочленамъ имперіи". Въ то же время Павелъ Петровичъ началъ готовиться и къ вооруженнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи. Двѣ эскадры балтійскаго флота отправлены были въ Англію для соединенія съ англійскимъ флотомъ, а черноморскому флоту повелѣно было крейсировать въ Черномъ морѣ и быть готовымъ для содѣйствія Турціи, въ случаѣ покушенія французовъ на ея владѣнія, такъ какъ французы заняли Іоническіе острова.

Посольство Репнина въ Пруссію не имѣло успѣха. Тамъ, по кончинѣ 6 ноября 1797 г. короля Фридриха-Вильгельма II, молодой король Фридрихъ-Вильгельмъ III вполнѣ подчинился вліянію министра Гаугвица и не хотѣлъ ни связывать себя обязательствами по отношенію къ Австріи, ни вступать въ какой-либо союзъ противъ Франціи. „Не нахожу нужнымъ ходить за берлинскимъ дворомъ и вызывать его на трактатъ", отвѣчалъ Павелъ на донесеніе Репнина: „сей дворъ нашелъ бы самъ тѣснѣйшимъ сближеніемъ со мною свои выгоды и безопасность, но какъ коварный министръ короля прусскаго умѣлъ затмить своего государя, то и не остается мнѣ ничего дѣлать послѣ всего, что мною предпринято было". Зато въ Австріи спѣшили воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ Павла Петровича—для того, чтобы союзъ оборонительный противъ Франціи превратить въ наступательный. Цѣль эта была достигнута тѣмъ легче, что французы сами вызывали въ это время Павла Петро-

вича на непріязненныя дѣйствія. Морскія приготовленія французовъ разрѣшились въ это время неожиданной экспедиціей генерала Бонапарта въ Египетъ. На пути туда, Бонапартъ внезапно появился передъ Мальтой, и великій магистръ ордена Гомпешъ сдалъ ему весь островъ, съ его неприступными укрѣпленіями и богатыми запасами. Французы выслали тогда русскаго посланника при мальтійскомъ орденѣ и объявили жителямъ Мальты и Іоническихъ острововъ, что всякій русскій корабль, появившійся у ихъ берега, будетъ потопленъ. Императоръ Павелъ былъ глубоко оскорбленъ этими поступками французовъ и обѣщалъ вѣнскому двору полную свою поддержку въ случаѣ разрыва съ Франціею. Черноморская эскадра адмирала Ушакова получила приказаніе двинуться къ Босфору для совмѣстнаго дѣйствія съ турецкимъ флотомъ противъ французовъ, и, наконецъ, 13 іюля 1798 г., повелѣно было 16-тысячному корпусу Розенберга собраться у Брестъ-Литовска для движенія на помощь Австріи; тогда же всѣ войска, находившіяся на западной границѣ имперіи, поставлены были на военное положеніе, чтобы не только охранять спокойствіе въ ново-присоединенныхъ польскихъ областяхъ, но и „удерживать короля прусскаго въ нейтралитетѣ и совершенно въ пассивномъ положеніи". Вѣнскій дворъ былъ въ восторгѣ, и императоръ Францъ собственноручнымъ письмомъ выразилъ свою благодарность государю; тогда же, черезъ князя Репнина, положено было начало формальнымъ переговорамъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ однимъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Большое участіе въ дальнѣйшихъ переговорахъ вѣнскаго двора съ петербургскимъ сталъ принимать съ этого времени находившійся на австрійской службѣ родной братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, принцъ Фердинандъ виртембергскій. Въ то же время совершилось важное событіе, окончательно привязавшее императора Павла къ мальтійскому ордену: сановники и кавалеры россійскаго пріорства, собравшись въ Петербургѣ, торжественнымъ актомъ отъ 15 августа, признали Гомпеша виновнымъ въ „глупѣйшей безпечности" (de la plus stupide négligence) или соучастникомъ измѣны, объявили

его низложеннымъ и просили императора Павла принять мальтійскій орденъ подъ свое державство. Императоръ Павелъ изъявилъ на это свое согласіе и манифестомъ отъ 30 августа 1798 г. далъ торжественный обѣтъ сохранить свято всѣ учрежденія ордена, ограждать его преимущества и стараться всѣми силами поставить его на ту высшую степень, на которой онъ нѣкогда находился. Наконецъ 2 ноября 1798 г. онъ возложилъ на себя званіе великаго магистра ордена и вслѣдъ затѣмъ предался его дѣламъ со всѣмъ жаромъ пылкой своей души. Казалось, онъ стремился слить званіе великаго магистра съ высокимъ саномъ русскаго императора, чтобы тѣмъ самымъ придать мальтійскому ордену, отживавшему свой вѣкъ, новое значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоить русскому государю обязанность быть олицетвореніемъ средневѣковыхъ традицій ордена. Мальтійскій крестъ помѣщенъ былъ въ государственный гербъ и въ арматуру гвардейскихъ полковъ; кромѣ россійскаго католическаго пріорства учреждено было еще новое, греко-россійское, которое также состояло изъ значительнаго количества командорствъ, приносившихъ опредѣленные пожизненные доходы. Мальтійскій крестъ жалуемъ былъ за заслуги наравнѣ съ россійскими орденами. Странное зрѣлище представлалъ тогда мальтійскій орденъ, долженствовавшій служить опорой дворянства и католицизма и имѣвшій своимъ главою и покровителемъ русскаго православнаго монарха, объявившаго себя врагомъ исключительныхъ сословныхъ привиллегій и незадолго передъ тѣмъ отвѣчавшаго папѣ на его требованіе о возстановленіи нарушенныхъ правъ католическаго духовенства въ Россіи: „напрасно онъ симъ занимается!“ Павла прельщалъ въ мальтійскомъ орденѣ его традиціонный рыцарскій характеръ и его мистически-религіозное направленіе, такъ отвѣчавшее его собственному религіозному міровоззрѣнію.

Въ личной жизни императора Павла происходила въ описываемый періодъ времени тяжелая драма. Павелъ Петровичъ всегда былъ ревностнымъ христіаниномъ и нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Вліяніе Нелидовой на его умъ и характеръ имѣло чисто нравственную основу, и это было

признано самою императрицею Маріей Θеодоровною, сдѣлавшеюся другомъ и покровительницей фрейлины, возбуждавшей прежде ея негодованіе. И Марія Θеодоровна, и Нелидова, знали недостатки Павла и, по-своему желая ему добра, дѣйствовали совмѣстно, чтобы предохранять его отъ возможныхъ увлеченій, отъ послѣдствій его гнѣва и раздражительности. Но за два года царствованія Павла обнаружилось, что въ образѣ дѣйствій охранявшихъ его подругъ была существенная разница. Нелидова въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу не преслѣдовала никакихъ личныхъ цѣлей, не навязывала ему никакихъ своихъ взглядовъ и симпатій, тогда какъ императрица Марія, ограничивая свою дѣятельность внѣшнимъ образомъ дѣлами благотворенія, тѣмъ не менѣе ярко выражала свою личность и въ вопросахъ, касавшихся внутренней и внѣшней политики государства. Прежде всего, императрица обнаруживала слишкомъ живое участіе къ дѣламъ многочисленной нѣмецкой своей родни, въ особенности къ судьбѣ своихъ братьевъ, не отличавшихся, въ большинствѣ случаевъ, высокими нравственными качествами; вмѣстѣ съ тѣмъ, при каждомъ представлявшемся случаѣ, она не умѣла скрыть своихъ симпатій къ Пруссіи. Приближая къ себѣ французскихъ эмигрантовъ изъ сочувствія къ легитимному принципу, императрица Марія въ то же время покровительствовала и католическому духовенству, если интересы его связаны были съ интересами эмигрантовъ; но въ особенности любила императрица выдвигать различныхъ нѣмецкихъ выходцевъ, оцѣнивая вмѣстѣ съ ними политическое положеніе по-преимуществу съ нѣмецкой точки зрѣнія. Въ дѣлахъ политическихъ Марія Θеодоровна ошибочно давала также мѣсто мелочнымъ соображеніямъ семейнаго характера, не всегда имѣвшимъ связь съ общими политическими интересами Россіи. Во внутреннемъ управленіи имперіей императрица вполнѣ довѣрялась искусству братьевъ Куракиныхъ и хотя ласкала князя Безбородко и уважала его опытность, но не питала сочувствія его политическому міросозерцанію, сложившемуся въ школѣ Екатерины. Вообще въ дѣйствіяхъ императрицы, уже прославившейся своими благотвореніями,

замѣтна была мелочность побужденій, стремленіе внести въ государственныя дѣла соображенія семейнаго или сентиментально-нравственнаго характера. При этомъ императрица, подобно своему супругу, усвоила себѣ ложныя понятія объ этикетѣ, возбуждая противъ себя иногда преувеличенныя обвиненія въ гордости и тщеславіи. Нелидова, будучи подругой Маріи Θеодоровны, дѣйствовала сообразно съ ея взглядами и своимъ вліяніемъ на Павла Петровича пользовалась иногда для достиженія ея цѣлей. Въ сущности эта невыгодная сторона вліянія обѣихъ подругъ на императора уравновѣшивалась до нѣкоторой степени тѣмъ нравственнымъ равновѣсіемъ, которое, благодаря имъ, поддерживалось во впечатлительной душѣ государя, столь доступнаго постороннимъ внушеніямъ и дѣйствовавшаго часто подъ вліяніемъ первой минуты. Всегда простосердечный, искренній, государь искалъ искренности и въ другихъ, и дружба его къ Нелидовой, при его годами воспитанной подозрительности и мнительности, была для него нравственной опорой и утѣшеніемъ, такъ какъ въ ней онъ видѣлъ единственнаго человѣка, глубоко и, притомъ, совершенно безкорыстно ему преданнаго. Этимъ довѣріемъ Павла Петровича лично къ Нелидовой и объясняется относительная продолжительность вліянія на него императрицы, хотя онъ зналъ всѣ слабыя ея стороны и умѣлъ, когда считалъ это нужнымъ, противодѣйствовать ея вмѣшательству въ дѣла даже въ рѣзкой и иногда оригинальной формѣ: однажды онъ даже приказалъ арестовать императрицу, когда она, видя, что лично императоръ наказывалъ неисправнаго часового, бросилась къ государю, ходатайствуя о помилованіи. На постоянное заступничество Нелидовой за императрицу, ея единодушіе съ ней, подрывали довѣріе къ ней государя, и холодность его къ императрицѣ начинала постепенно отражаться на его отношеніяхъ и къ ея подругѣ. Этимъ обстоятельствомъ спѣшили воспользоваться люди, старавшіеся подчинить государя собственному своему вліянію.

Еще лѣтомъ 1797 года генералъ-адъютантъ Павла Растопчинъ слѣдующимъ образомъ отзывался объ императрицѣ и Нелидовой: „Жаль, что на императора дѣйствуютъ внуше-

нія императрицы, которая вмѣшивается во всѣ дѣла, окружаетъ себя нѣмцами и позволяетъ обманывать себя нищимъ (т. е. эмигрантамъ). Чтобы быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ m-lle Нелидовой, которую она ранѣе съ полнымъ основаніемъ презирала и которая однако сдѣлалась ея постояннымъ другомъ съ 6 ноября прошлаго года. Мы, три или четыре человѣка, отверженные люди для этихъ дамъ, потому что мы служимъ одному только императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали бы удалить князя Безбородко и замѣстить его княземъ Александромъ Куракинымъ, глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ военныхъ дѣлъ князя Репнина и управлять всѣмъ посредствомъ своихъ креатуръ. Это планъ Алексѣя Куракина, величайшаго бездѣльника, который грабитъ и запутываетъ все и безстыдно выпрашиваетъ себѣ подачки". Безбородко дѣйствительно былъ вынужденъ постоянно считаться съ Куракиными, въ особенности послѣ того, когда онъ вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу по поводу финансовыхъ проектовъ Алексѣя Куракина. И Растопчинъ, и Безбородко, постоянные докладчики императора, умѣли указывать при удобномъ случаѣ на слабыя стороны императрицы и находили себѣ усерднаго помощника въ оберъ-гардеробмейстерѣ Кутайсовѣ, который по-прежнему былъ брадобреемъ и камердинеромъ государя и въ лицѣ императрицы видѣлъ препятствіе къ дальнѣйшему своему возвышенію. Къ этимъ тремъ лицамъ, близко стоявшимъ къ особѣ государя, примыкала масса лицъ, также враждебно настроенныхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, противъ императрицы. Почва для интригъ была подготовлена, и уже въ концѣ 1797 года императоръ неоднократно выражалъ своей супругѣ неудовольствіе по разнымъ поводамъ настолько сильно, что Нелидовой стоило большихъ усилій смягчать его гнѣвъ. Враги императрицы стремились однако поселить совершенное отчужденіе между государемъ и его супругой.

28 января 1798 года императрица Марія разрѣшилась отъ бремени четвертымъ сыномъ, Михаиломъ. Роды были трудные, и медики государыни, а также берлинскій профессоръ—акушеръ Мекель, нарочно приглашенный для этого

случая, доложили Павлу Петровичу, что императрица не въ состоянiи будетъ перенести другiе; современники разсказываютъ, что врачи эти были подкуплены врагами императрицы и прямо называютъ одного изъ нихъ—Кутайсова. Императоръ очень безпокоился о здоровьѣ своей супруги, тѣмъ болѣе, что она вслѣдъ затѣмъ потеряла свою мать, герцогиню виртембергскую, скончавшуюся среди приготовленiй къ отъѣзду своему въ Россiю. Медики предписали Марiи Θеодоровнѣ тихiй и спокойный образъ жизни въ любимомъ ею Павловскѣ. Между тѣмъ, Растопчинъ позволялъ себѣ громко выражать свои мнѣнiя объ императрицѣ и за то 4 марта былъ уволенъ отъ службы. Но сочувствовавшая ему партiя также не дремала. 5 мая Павелъ Петровичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденiи старшихъ сыновей своихъ для путешествiя въ Москву и Казань. Встрѣча, оказанная императору въ Москвѣ, была восторженная, несравненно теплѣе, чѣмъ прежде, и государь неоднократно высказывалъ свое удовольствiе, замѣчая, съ грустью, что въ Петербургѣ, какъ ему кажется, его „гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ“. Тогда Кутайсовъ объяснилъ государю, что его считаютъ тамъ за тирана и что лишь влiянiемъ государыни и Нелидовой объясняютъ благодѣтельныя и разумныя распоряженiя. Въ Москвѣ же Павелъ Петровичъ обратилъ вниманiе на 19-лѣтнюю дочь сенатора Лопухина, Анну Петровну, личность безцвѣтную, но добрую и простосердечную. Государю представили, что Лопухина любитъ его до безумiя, и Павелъ Петровичъ, только что разочаровавшiйся въ давнихъ своихъ привязанностяхъ, глубоко тронутъ былъ видимою привязанностiю къ себѣ молодой, неопытной дѣвушки. По приказанiю Павла, семья Лопухиныхъ приглашена была переѣхать въ Петербургъ, гдѣ отецъ Лопухиной, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, долженъ былъ получить новое назначенiе. Въ Москвѣ и Казани строгiй императоръ вообще показалъ себя милостивымъ ко всѣмъ сословiямъ, а отъ крестьянъ принималъ даже прошенiя съ жалобами на помѣщиковъ; войска, со страхомъ шедшiе на смотры къ взыскательному государю, также встрѣтили его одобренiе. На возвратномъ пути въ Петербургъ, въ Тихвинѣ, Павелъ Петровичъ встрѣченъ

былъ 8 іюня императрицей и Нелидовой; тамъ онѣ уже „узнали свою бѣду“, хотя императоръ и не далъ имъ почувствовать своего неудовольствія. Но, по возвращеніи въ Павловскъ, Павелъ Петровичъ холодно сталъ относиться и къ Куракинымъ, и къ военному петербургскому губернатору Буксгевдену, какъ къ креатурамъ императрицы. Въ особенности дурно обошелся императоръ съ Куракиными, ошибки и злоупотребленія которыхъ не разъ и прежде вызывали его неудовольствіе; современники разсказываютъ, что Алексѣя Куракина императоръ неоднократно подвергалъ взысканіямъ въ самой оскорбительной формѣ. Приписывая перемѣну въ императорѣ исключительно вліянію чувства его къ Лопухиной, Марія Ѳеодоровна, узнавъ о предполагаемомъ ея пріѣздѣ въ Петербургъ, написала ей письмо, въ которомъ совѣтовала ей остаться въ Москвѣ. Эта неудачная мысль императрицы ускорила развязку. Павелъ вышелъ изъ себя, безпощадно обошелся съ своей супругой и Нелидовой и затѣмъ произвелъ цѣлый рядъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи государствомъ, замѣняя лицъ, преданныхъ императрицѣ, людьми новыми и, по его мнѣнію, болѣе способными. Вмѣсто Куракиныхъ, вице-канцлеромъ назначенъ былъ племянникъ Безбородко, Кочубей, а генералъ-прокурорομъ отецъ Лопухиной, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, ловкій придворный, но безкорыстный и опытный дѣлецъ; вновь принятый на службу Растопчинъ переименованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и сдѣланъ членомъ иностранной коллегіи, а Кутайсовъ пожалованъ былъ въ егермейстеры. Но важнѣе всѣхъ этихъ перемѣнъ было назначеніе военнымъ губернаторомъ Петербурга барона Палена, вмѣсто графа Буксгевдена. Паленъ былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ, которые пострадали съ воцареніемъ Павла. Тогда онъ былъ лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ и подвергся гнѣву императора за военныя почести, оказанныя имъ князю Зубову при проѣздѣ его чрезъ Ригу: 26 февраля 1797 г. императоръ писалъ Палену: „Съ удивленіемъ освѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздѣ князя Зубова чрезъ Ригу; изъ чего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коемъ и поведеніе

мое противъ васъ соразмѣрно будетъ"; вслѣдъ затѣмъ Паленъ былъ уволенъ отъ службы. Но осенью 1797 г., благодаря содѣйствію подруги своей жены, графини Ливенъ, воспитательницы великихъ княженъ, Паленъ былъ вновь принятъ на службу. Императоръ, отходчивый въ своемъ гнѣвѣ, цѣнилъ исполнительность и военныя дарованія Палена и назначилъ его командиромъ конной гвардіи. Находясь въ этой должности, Паленъ успѣлъ сблизиться съ Кутайсовымъ, который постоянно началъ доводить до свѣдѣнія государя самые лестные о немъ отзывы. „Никогда я не слыхалъ", выразился однажды Павелъ, „чтобы о комъ-либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить". „Предавшись такому теченію мыслей", разсказываетъ современникъ, „государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности важнѣйшей послѣ генералъ-прокурорской, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія": 25 Іюля 1798 г. Паленъ назначенъ былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Императоръ былъ радъ, что сбросилъ съ себя, какъ онъ выражался, *иго* императрицы и удалилъ отъ себя людей, ей преданныхъ. Многіе, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, были высланы изъ Петербурга, въ томъ числѣ графиня Буксгевденъ, подруга Нелидовой; тогда и Нелидова сама пожелала слѣдовать за своей подругой въ ея имѣніе, въ замокъ Лоде, и просила на это разрѣшеніе государя, заклиная его въ то же время, въ своемъ письмѣ по этому поводу, не довѣряться Кутайсову. Павелъ Петровичъ былъ крайне огорченъ этимъ намѣреніемъ своего друга и пытался удержать ее въ Петербургѣ. „Я не понимаю", писалъ онъ ей между прочимъ, „причемъ тутъ Кутайсовъ или кто другой въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ или кто другой, кто позволилъ бы внушать мнѣ или дѣлать что-либо, противное правиламъ моей чести и совѣсти, навлекъ бы на

себя то же, что постигло теперь многихъ другихъ. Вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, какъ я чувствителенъ и щекотливъ по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ, злоупотребленія которыми, вы это знаете, я не въ силахъ выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я самъ— точь-въ-точь такіе же. Я очень мало подчиняюсь вліянію того или другаго человѣка, вы это знаете... Клянусь предъ Богомъ въ истинѣ всего, что я говорю вамъ, и совѣсть моя предъ нимъ чиста, какъ желалъ бы я быть чистымъ въ смертный свой часъ. Вы можете увидѣть отсюда, что я не боюсь быть недостойнымъ вашей дружбы". Считая себя правымъ по отношенію къ императрицѣ, Павелъ не замѣчалъ крайней опасности, которой онъ могъ подвергнуться, благодаря недостаткамъ своего характера — особенно въ это время, когда своими преобразованіями онъ возбудилъ противъ себя столько враговъ и недоброжелателей. Императрица Марія, горячо любившая своего супруга, ясно сознавала, что послѣ удаленія Нелидовой возлѣ Павла Петровича не оставалось болѣе никакого сдерживающаго элемента. „Сколько бы Иванъ (т. е. Кутайсовъ) ни говорилъ императору", писала она Нелидовой, „что, по мнѣнію общества, вы и я вмѣстѣ управляемъ имъ и его дѣйствіями,—онъ не можетъ повѣрить этому, не припомнивъ себѣ, что мы только противодѣйствовали его горячности, его гнѣвнымъ вспышкамъ, его подозрительности, заклиная его оказать какую-либо милость или пробуя воспрепятствовать какой-либо жестокости, которая могла бы уронить его въ глазахъ его подданныхъ и отвратить отъ него ихъ сердца. Преслѣдовали ли мы когда-либо другую какую-либо цѣль, кромѣ его славы и блага его особы, да и могли ли мы, великій Боже, имѣть что-либо другое въ виду, вы — какъ вполнѣ преданный, истинный его другъ, я—какъ его другъ, какъ его жена, какъ мать его дѣтей? У насъ никогда не хватало низости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совѣсть, но знаю, какое счастіе испытывали мы, когда имѣли возможность отдавать полную справедливость его великодушнымъ поступкамъ, его добрымъ и лойяльнымъ намѣреніямъ!"

Но надеждамъ Маріи Θеодоровны, что Павелъ Петровичъ еще можетъ возвратить ей свою дружбу, не суждено было осуществиться, тѣмъ болѣе, что популярность, которую пріобрѣтала императрица, управляя воспитательными и благотворительными заведеніями, начали выставлять опасной для императора и имперіи. Кутайсовъ и другія лица, окружавшія государя, постоянно питали его подозрительность, намекая, что императрица преслѣдуетъ честолюбивыя цѣли и, пользуясь недовольствіемъ гвардіи и дворянства, можетъ повторить революцію 1762 г. „Если вы, сударыня", сказалъ однажды Павелъ своей супругѣ, „захотите когда-либо сыграть роль Екатерины II, то, по крайней мѣрѣ, не ожидайте встрѣтить во мнѣ Петра III". Послѣ удаленія Нелидовой въ замокъ Лоде, императоръ велѣлъ даже вскрывать переписку ея съ императрицей, чтобы судить о чувствахъ и намѣреніяхъ своей супруги. Положеніе Маріи Θеодоровны сдѣлалось вскорѣ невыносимымъ, такъ какъ всѣ лица, оказывавшія ей участіе, были подозрительны для государя, и она думала даже отказаться отъ управленія воспитательными и благотворительными заведеніями; въ концѣ концовъ ей пришлось обратиться къ Павлу Петровичу „съ единственной просьбой"—относиться къ ней вѣжливо при публикѣ. Главнымъ мотивомъ ея поведенія стало теперь желаніе оправдать себя предъ общественнымъ мнѣніемъ въ происшедшемъ супружескомъ разрывѣ. „Послѣ моихъ родовъ", писала она Плещееву, „кончина моей матери до такой степени разстроила мое здоровье, что императоръ хотѣлъ поберечь меня. Вы знаете, что затѣмъ онъ отправился путешествовать. По возвращеніи его я рѣшалась четыре раза говорить съ нимъ (мнѣ стыдно дѣлать подобное признаніе, но, признаюсь, я ожидала этого оборота дѣлъ и считала своею обязанностію предупредить его), что мое здоровье возстановлено, что Рожерсонъ, Бекъ и Блокъ увѣрили меня, что новая беременность не подвергнетъ меня никакой опасности и что, моя обязанность сказать ему это. Императоръ возразилъ мнѣ, что онъ не хочетъ быть причиною моей смерти и что, вслѣдствіе послѣднихъ тяжелыхъ моихъ родовъ, это лежало бы на его совѣсти". При дальнѣйшемъ

разговорѣ Павелъ объяснилъ „qu'il était tout à fait mal au physique qu'il ne connaissait plus de besoin, qu'il est tout à fait nul et que ce n'était plus une idée qui lui passait par la tête, qu'enfin il était paralysé de ce côté“... Невѣроятно, продолжала Марія Θеодоровна, но онъ даетъ другимъ понять, что его нездоровье является послѣдствіемъ моей вины... Я надѣюсь, что всѣ честные люди любятъ и уважаютъ меня, равно какъ и общество... Сообщите мнѣ, что́ говорятъ въ обществѣ; я страдаю отъ измѣненія настроенія общества по отношенію къ императору: оно раздираетъ мое сердце, которое желало бы видѣть его любимымъ и уважаемымъ... Меня увѣряютъ, что общество меня любитъ, что оно довольно моимъ поведеніемъ въ эти трудныя времена и моимъ благоразуміемъ“. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи также чувствовали недовѣріе къ себѣ со стороны отца, знавшаго о ихъ довѣріи къ матери. Дурной пріемъ встрѣтили у императора и два брата Маріи Θеодоровны, принцы виртембергскіе: Фердинандъ и Александръ, бывшіе на австрійской службѣ и явившіеся въ іюлѣ 1798 г. въ С.-Петербургъ просить государя оказать Австріи немедленную поддержку всѣми военными силами имперіи. Но Павелъ ограничился только посылкою на помощь Австріи 16-тысячнаго корпуса Розенберга и, въ отвѣтъ на настоянія принцевъ, замѣтилъ имъ, что, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей, онъ желаетъ упрочить счастіе своей имперіи. Къ принцу Фердинанду императоръ относился вообще холодно и однажды даже повернулся къ нему спиной въ присутствіи всего двора. Для императрицы Маріи такой образъ дѣйствій императора былъ тѣмъ прискорбнѣе, что Фердинандъ явился просить руки великой княжны Александры Павловны для эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, и она боялась, что императоръ можетъ помѣшать осуществленію этого брачнаго проекта. Когда, вслѣдъ затѣмъ, корпусъ Розенберга, по вступленіи своемъ въ предѣлы Австріи, сталъ получать отъ австрійцевъ недостаточное количество провіанта, то императоръ приказалъ Розенбергу распустить войска и расположить ихъ по квартирамъ до тѣхъ поръ, пока австрійцы не образумятся. Вѣнскій дворъ спѣшилъ

исправить свою ошибку и, по желанію императора Павла, приказалъ принцу Фердинанду, возвратившемуся изъ Петербурга, имѣть личное, ближайшее попеченіе о нуждахъ и удобствахъ русскихъ войскъ.

IV.

Приготовленія къ войнѣ съ Франціей.—Мѣры противъ „революціонной заразы".—Подозрительность Павла.—Преобразованія въ администраціи.—Хаотическое состояніе высшаго управленія.—Усиленіе полицейской опеки.—Литература.—Уничтоженіе привиллегій дворянства.—Стремленіе къ централизаціи.—Заботы о поднятіи крестьянскаго хозяйства, о развитіи торговли и промышленности.—Кампанія 1799 г. и новое направленіе русской политики.—Семейныя отношенія.—Кутайсовъ, Растопчинъ, гр. Паленъ.—„Царство страха".

Политическія дѣла приняли въ это время такой оборотъ, что государь увидѣлъ себя вынужденнымъ вступить для обузданія Франціи въ теснѣйшій союзъ съ Австріей и Англіей. Мало того, онъ потребовалъ отъ Пруссіи присоединенія къ коалиціи и угрожалъ ей войною, если она какимъ-либо образомъ помѣшаетъ Австріи въ ея приготовленіяхъ къ разрыву съ Франціей. Рѣшившись на войну ради желанія остановить развитіе „революціонной заразы", а не изъ жажды завоеванія, Павелъ Петровичъ ожидалъ такого же безкорыстія и со стороны своихъ союзниковъ. Розенбергу предписано было внушать повсюду, гдѣ будетъ находиться его корпусъ, что русскія войска пришли на помощь союзнику „отнюдь не въ видѣ споспѣшествовать властолюбивымъ намѣреніямъ, но для подкрѣпленія его къ обузданію народа, устремившагося на разрушеніе благоустроенныхъ державъ" и „для возстановленія престоловъ и алтарей". Уже въ октябрѣ черноморская эскадра адмирала Ушакова, соединившись съ турецкимъ флотомъ, двинулась къ Іоническимъ островамъ для изгнанія отсюда французовъ, а между тѣмъ въ Италіи французы принудили сардинскаго короля Карла-Эммануеля отказаться отъ престола, а въ декабрѣ заняли Неаполь, принудивъ неаполитанскаго короля

Фердинанда IV бѣжать въ Сицилію, и провозгласили тамъ пареенопейскую республику. Между тѣмъ вѣнскій дворъ медлилъ объявить войну Франціи, въ надеждѣ вызвать императора Павла на помощь въ бо́льшихъ размѣрахъ. Дѣйствительно, въ январѣ 1799 года, Павелъ Петровичъ, по просьбѣ Австріи, вмѣсто одного, отправилъ ей три вспомогательныхъ корпуса и, наконецъ, пожертвовавъ личными своими неудовольствіями, далъ ей, по желанію императора Франца, военачальника въ лицѣ Суворова. Маститый герой вызванъ былъ изъ села Кончанскаго, гдѣ онъ жилъ, скучая въ бездѣятельности, въ Петербургъ собственноручнымъ письмомъ императора. Еще въ началѣ 1798 г. Павелъ вызывалъ его въ столицу, предлагая ему вступить въ службу, но старый фельдмаршалъ, очевидно, не хотѣлъ вступать въ ряды плацпарадныхъ генераловъ и уѣхалъ обратно въ деревню. Теперь призывъ къ боевой дѣятельности оживилъ стараго полководца, и онъ поспѣшилъ на зовъ государя. Не довѣряя „воображенію Суворова, заставляющаго его иногда забывать все на свѣтѣ“, императоръ сначала думалъ дать ему дядьку въ лицѣ генерала Германа, но, увидѣвшись съ Суворовымъ и увлекшись его военнымъ геніемъ, сказалъ ему: „веди войну какъ знаешь“ и предписалъ корпуснымъ командирамъ не писать императору ничего помимо фельдмаршала. Императоръ самъ возложилъ на Суворова орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго; разсказываютъ, что Суворовъ при этомъ упалъ на колѣни и воскликнулъ „Боже, спаси царя!“,—а Павелъ отвѣчалъ ему: „Да спасетъ Богъ тебя для спасенія царей“! „Мы молимъ Господа Бога нашего“, писалъ Павелъ Суворову предъ отъѣздомъ его въ Вѣну 1 марта, „да благословитъ ополченіе Наше, даруя побѣду на враги вѣры христіанской и власти, отъ Всевышняго постановленной, и да пребудутъ воины россійскіе словомъ, дѣломъ и помышленіемъ истинными сынами отечеству и Намъ вѣрноподданными“.

Послѣднія слова Павла Петровича имѣли весьма серьезное значеніе и для войскъ, отправлявшихся въ заграничный походъ, и для объясненія многихъ распоряженій Павла по внутреннимъ дѣламъ имперіи. 4 января императоръ пи-

салъ Розенбергу, командовавшему русскими войсками въ Австріи до прибытія Суворова: „Французскій посланникъ (въ Берлинѣ) аббатъ Сіиесъ, между прочими своими вредными затѣями, вздумалъ напечатать на русскомъ языкѣ переводъ книги подъ названіемъ: „Право человѣка“, „Катехизисъ“ развратный и другія мерзкія сочиненія, коихъ развращеніе умовъ есть цѣлью, въ чемъ онъ полагаетъ предуспѣть, разсѣявъ множество экземпляровъ сихъ сочиненій какъ по границѣ, такъ и въ корпусахъ, за оными находящихся. Если сіе точно правда, то вѣрно присланы будутъ многіе люди для употребленія книгъ сихъ и между войсками, подъ командою вашею находящимися, присовокупляя къ сему лесть, обѣщанія и проповѣдуя пагубную вольность. И дабы для предупрежденія сего зла, отъ намѣреній сихъ произойти могущихъ, чинить крѣпкое смотрѣніе за всѣмъ тѣмъ, что на развращеніе умовъ можетъ подать поводъ, употребляя лазутчиковъ для развѣдыванія происходящаго между офицерами, и открыть, если кто изъ нихъ дѣломъ или словомъ какимъ вознамѣрится возстать противъ власти начальства или вводить язву моральную. Если же употребленныхъ по сему дѣлу найдутся быть подданные римскаго императора, то вы отнеситесь, извѣряя мнѣніе о семъ или начальствующихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіе случилось, или же увѣдомляйте для истребованія виновнымъ наказанія къ послу Нашему, въ Вѣнѣ пребывающему“.

Это письмо Павла ясно доказываетъ, что война съ французами пріобрѣла въ его глазахъ значеніе внутренняго дѣла для Россіи. Борьба съ „модными философическими системами“ и „пагубными ученіями“ велась не однимъ оружіемъ, но и другими средствами власти, бывшими въ распоряженіи императора. Но „моральную язву“ государь преслѣдовалъ болѣе всего мѣрами полицейскими, забывая наставленіе Екатерины, что идеи нельзя уничтожать пушками. Еще въ апрѣлѣ 1798 г. былъ запрещенъ французамъ въѣздъ въ Россію, а вслѣдъ затѣмъ и всѣхъ прочихъ иностранцевъ повелѣно впускать въ Россію не иначе, какъ съ особаго на каждый отдѣльный случай высочайшаго разрѣшенія. Одновременно съ этимъ затрудненъ былъ до по-

слѣдней возможности и выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу. Запрещено было даже молодымъ людямъ ѣздить въ заграничные университеты для обученія, „по причинѣ возникшихъ нынѣ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ и, вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ“. Но „дабы не ограничить тѣмъ способовъ къ образованію и просвѣщенію, въ особенности благородному юношеству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу“, разрѣшено было прибалтійскому дворянству, указомъ отъ 9 апрѣля 1798 г., основать собственный университетъ въ Дерптѣ. Все, что напоминало или могло напомнить о революціонныхъ идеяхъ вообще подвергалось строгому преслѣдованію императора даже въ мелочахъ; такъ, указомъ отъ 5 мая 1798 г., запрещено было фабрикантамъ выдѣлывать трехцвѣтныя ленты, а купцамъ торговать ими. Иногда совершенно невинныя замѣчанія или неудачныя выраженія даже приближенныхъ къ государю лицъ приводили его въ дурное настроеніе духа, если вызывали въ немъ мысль о „моральной язвѣ“ революціонныхъ ученій. Во время путешествія Павла Петровича въ Казань статсъ-секретарь его, Нелединскій, сидѣвшій съ нимъ въ каретѣ, сказалъ государю, проѣзжая чрезъ какіе-то обширные лѣса: „Вотъ первые *представители* лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ“. — „Очень поэтически сказано“, возразилъ съ гнѣвомъ императоръ, „но совершенно неумѣстно: извольте сейчасъ выйти вонъ изъ коляски“. При такомъ нервномъ настроеніи государя неудивительно, что иногда самаго мельчайшаго случая было достаточно, чтобы навлечь на многихъ подозрѣніе въ „пагубномъ вольномысліи“. Многіе посажены были въ крѣпость или отданы подъ надзоръ полиціи по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

При дворѣ также не было спокойно. Павелъ боялся образованія партіи императрицы и удалилъ изъ Петербурга всѣхъ, кто уже извѣстенъ былъ въ качествѣ ея сторонниковъ; такой же участи подверглись, одинъ за другими, и

всѣ лица, пользовавшіяся дружбою великаго князя Александра Павловича; въ томъ числѣ удаленъ былъ, по особому поводу, и важному Адамъ Чарторижскій, назначенный посланникомъ къ сардинскому королю. Даже переписка молодыхъ великихъ княгинь: Елисаветы Алексѣевны и Анны Ѳеодоровны подвергалась вскрытію. Новая фаворитка государя, Лопухина, не имѣла никакого вліянія на дѣла и владѣла умомъ государя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Нелидова. По молодости и неопытности она не видѣла опасностей, окружавшихъ ея царственнаго поклонника, но по своей добротѣ часто испрашивала прощенія лицамъ, съ которыми императоръ поступалъ слишкомъ строго. Никѣмъ не сдерживаемый, всегда волнующійся, государь мучился тысячами подозрѣній, раздуваемыхъ для своихъ личныхъ цѣлей Кутайсовымъ и его согласниками. Императрица относилась къ Лопухиной всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу, и вела себя очень сдержанно и съ достоинствомъ. Но императоръ не довѣрялъ ея молчаливому терпѣнію. „Павелъ думалъ", разсказываетъ Чарторижскій, „что сыновья недостаточно ему преданы, что его супруга сама хочетъ царствовать вмѣсто него. Ему успѣли внушить глубокое недовѣріе и къ ней, и къ его старымъ слугамъ. Тогда-то началось для всѣхъ тѣхъ, кто приближался ко двору, время боязни и вѣчной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Каждый рисковалъ быть высланнымъ, получить оскорбленіе въ присутствіи всего двора, благодаря какой-либо неожиданной вспышкѣ императора, который обыкновенно поручалъ эту непріятную коммисію гофмаршалу... Придворные балы и праздники были мѣстомъ, гдѣ рисковали потерять свое положеніе и свободу. Императоръ воображалъ иногда, что бываютъ не совсѣмъ почтительны къ особѣ, которую онъ уважалъ, или къ ея родственницамъ и подругамъ, и что это есть слѣдствіе злоумышленій императрицы. Этого было достаточно, чтобы императоръ приказывалъ тотчасъ удалить предполагаемаго виновнаго отъ двора. Недостаточно глубокій поклонъ, невѣжливый поворотъ спины во время контрданса, или какой-либо другой промахъ въ этомъ родѣ, были поводомъ къ тому, что балы

и другія придворныя собранія по вечерамъ, подобно тому, какъ утромъ парады, сопровождались прискорбными послѣдствіями для лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе или неудовольствіе государя. Проявленія его гнѣва и его рѣшенія были внезапны и тотчасъ приводились въ исполненіе... Всѣ тѣ, кто составлялъ дворъ или появлялся передъ императоромъ, находились въ состояніи постоянной боязни; никто не былъ увѣренъ въ томъ, что останется на своемъ мѣстѣ до конца дня; ложась спать, никто не могъ поручиться за то, что ночью или рано утромъ не явится къ нему фельдъегерь и не посадитъ его въ кибитку. Это были привычные случаи, которые сдѣлались даже предметомъ постоянныхъ шутокъ. Такое положеніе вещей началось со времени немилости къ m-lle Нелидовой и продолжалось, все усиливаясь, въ теченіе всего царствованія Павла".

При такихъ условіяхъ законодательная дѣятельность императора Павла приняла еще болѣе рѣзкій характеръ борьбы съ установившимися при Екатеринѣ порядками. Правительственные взгляды Павла Петровича проявились уже совершенно опредѣленно и слагались въ стройную систему. Императоръ хотѣлъ говорить не съ учрежденіями, а съ лицами, бывшими непосредственными исполнителями его повелѣній, и поэтому въ его царствованіе тихо, незамѣтно, совершался переходъ отъ коллегіальнаго начала къ единоличному, министерскому—въ высшемъ управленіи, отъ сословнаго къ бюрократическому—въ низшемъ. Еще въ царствованіе Екатерины коллегіальное начало управленія стало ослабѣвать въ своемъ значеніи. Президенты иностранной, военной и адмиралтействъ-коллегій, имѣя личные доклады у государя, оказывали сильное вліяніе на ходъ дѣлъ въ коллегіяхъ; сенатъ постепенно утрачивалъ функціи „правительствующаго" и пріобрѣталъ судебный характеръ; зато генералъ-прокуроръ, по идеѣ власть наблюдающая, совмѣщалъ въ своемъ лицѣ обязанности министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; остальныя вѣдомства также были на дорогѣ къ единоличному управленію, Императоръ Павелъ, со свойственною ему быстротою, придалъ этому движенію болѣе силы, стремясь, въ то же время, разграничить

отдѣльныя вѣдомства и установить между ними необходимую связь. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, возстановлены были на прежнемъ основаніи закрытыя ею бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегіи, „по крайней неудобности въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи“, но надъ президентами этихъ коллегій поставлены были главные директоры, имѣвшіе право личнаго доклада у императора. Вслѣдъ затѣмъ, указомъ отъ 4 декабря 1796 г., финансовая часть отнята была у генералъ-прокурора и ввѣрена особому лицу, государственному казначею, которому подчинены были четыре экспедиціи. Генералъ-прокурору ввѣрена была зато вновь учрежденная экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства; у него же въ вѣдѣніи находилась основанная Павломъ при сенатѣ школа для обученія юнкеровъ (молодыхъ дворянъ), географическій департаментъ и, одно время, управленіе государственныхъ лѣсовъ. По отношенію къ сенату генералъ-прокуроръ всталъ въ еще болѣе независимое положеніе, чѣмъ при Екатеринѣ. Работа по составленію новаго уложенія поручена была ему, а не сенату; на него же возложена была „повсемѣстная бдительность въ благоуспѣшномъ теченіи разнаго рода дѣлъ, въ приказахъ производимыхъ, и о точномъ сохраненіи законовъ, на всѣ части государственнаго управленія“. Сенатъ почти превращенъ былъ въ судебное мѣсто, такъ какъ всѣ его департаменты заняты были рѣшеніемъ запущенныхъ старыхъ дѣлъ, которыхъ къ началу царствованія Павла оказалось 11,746; для скорѣйшаго окончанія ихъ учреждены были даже три временныхъ департамента; лишь въ 1799 году сенатъ получилъ нѣкоторое значеніе въ администраціи установленіемъ сенаторскихъ ревизій по губерніямъ. Но и видоизмѣненныя коллегіи не удовлетворяли государя: онъ желалъ видѣть предъ собою не докладчиковъ только по дѣламъ какого-либо вѣдомства, но лицъ, отвѣтственныхъ за управленіе имъ. Въ „Учрежденіи объ императорской фамиліи“, создавшемъ новый, дотолѣ не существовавшій департаментъ удѣловъ, завѣдываніе департаментомъ и отвѣтственность по дѣламъ его возложено было на *министра* удѣловъ. Эту должность

Павелъ пытался примѣнить впослѣдствіи и къ другимъ частямъ государственной машины, такъ какъ въ 1800 году учреждено было министерство коммерціи и тогда же предположено было къ осуществленію министерство финансовъ. Но попытки эти не могли получить надлежащаго значенія, такъ какъ при бюрократическомъ элементѣ предполагалось еще сохранить коллегіальный, придавъ послѣднему роль исполнительную.

Если, такимъ образомъ, высшее управленіе въ Россіи при Павлѣ Петровичѣ находилось въ хаотическомъ состояніи, то причина тому заключается въ происходившей смѣнѣ старыхъ отжившихъ началъ съ новыми, еще не вполнѣ опредѣлившимися. При этомъ условіи невозможно было ни единство между разными частями управленія, ни правильный контроль надъ ними. Ни изумительная по своей мелочности государственная дѣятельность императора, ни его знаменитый желтый ящикъ, прибитый къ воротамъ Зимняго дворца для всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ,—не могли, разумѣется, помочь горю. Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ игралъ по-истинѣ жалкую роль, не исполняя никакой опредѣленной законодательной или административной функціи: дѣла, подлежавшія его разсмотрѣнію, носили по большей части случайный характеръ. При различіи взглядовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, рѣшать вопросы возможно было не иначе, какъ представляя ихъ на высочайшее усмотрѣніе. По вопросу, напримѣръ, о внутреннемъ судоходствѣ представлено было императору три различныхъ мнѣнія: купечества, комерцъ-коллегіи и президента адмиралтействъ-коллегіи; Павелъ, по разсѣянности, утвердилъ ихъ всѣ. Къ сожалѣнію, предпринятая императоромъ въ самомъ началѣ его царствованія сложная кодификаціонная работа, возложенная на комиссію составленія законовъ, не отвѣчала его ожиданіямъ. Не смотря на участіе въ работахъ комиссіи извѣстнаго тогда законовѣда Полѣнова, работа комиссіи, быть можетъ благодаря нетерпѣливости Павла, поставлена была на ложную дорогу: невозможно было дать государству новое законодательство безъ предварительнаго историческаго собранія законовъ. Къ концу царствованія Павла, ко-

миссія выработала только 17 главъ о судопроизводствѣ, 9—о дѣлахъ вотчинныхъ и 13—объ уголовныхъ законахъ.

Успѣшному ходу законодательной дѣятельности Павла Петровича препятствовало въ значительной степени отсутствіе у государя талантливыхъ трудолюбивыхъ сотрудниковъ. Притомъ частая смѣна высшихъ государственныхъ сановниковъ сама по себѣ была уже достаточной причиной для медленнаго и непослѣдовательнаго производства дѣлъ. Малѣйшее неудовольствіе государя по какому-либо ничтожному поводу влекло иногда за собою увольненіе отъ должности даже такихъ лицъ, которыя по своему положенію, казалось, были надолго застрахованы отъ немилости: никто не зналъ, что ожидаетъ его завтра, и никто поэтому не имѣлъ охоты и возможности приниматься за дѣла, требовавшія долгой и усидчивой работы. Князь П. В. Лопухинъ, отецъ фаворитки Павла, смѣнившій князя Алексѣя Куракина въ должности генералъ-прокурора,—не усидѣлъ на ней, по интригамъ Кутайсова, и года: уже 7 іюля 1799 г. на его мѣсто назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ.—„Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ?“ говорилъ государь только что опредѣленному Беклешову: „какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой Лопухинъ! Ты да я, я да ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать!“ Но Беклешовъ также не долго оставался генералъ-прокуроромъ, и уже 8 февраля 1800 г. императоръ могъ повторять назначенному на его мѣсто Обольянинову то же, что онъ говорилъ раньше Беклешову.

При хаотическомъ состояніи высшаго управленія неудивительно, что Павелъ долженъ былъ самъ входить во всѣ подробности и мѣстнаго управленія, желая невозможнаго и самому все знать и всему давать направленіе. Переписка государя съ мѣстными начальниками, особенно съ командующими генералами и губернаторами, одна заняла бы цѣлые томы. Въ губернаторахъ Павелъ также желалъ видѣть отвѣтственныхъ правителей губерній, возлагая на нихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе правъ и обязанностей. Помимо обязанностей административно-полицейскихъ, они должны были нести отвѣтственность по дѣламъ фискальнымъ и даже

судебнымъ. Казенные и частные убытки, происходившіе отъ какихъ-либо упущеній мѣстной администраціи, напримѣръ отъ грабежей, губернаторы должны были возмѣщать собственнымъ имуществомъ; во многихъ уѣздныхъ городахъ роль губернатора исполняли такъ называемые городничіе. Павелъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями мѣстной администраціи: малѣйшая ошибка или недомолвка въ донесеніяхъ, малѣйшее злоупотребленіе или упущеніе, доходившее до свѣдѣнія государя, влекли за собою тотчасъ или его выговоръ, или увольненіе и исключеніе отъ службы; такъ, напримѣръ, вятскій губернаторъ Модерахъ за ошибку получилъ выговоръ въ формѣ „дурака", костромской—Кочетовъ, послѣ разграбленія почты въ его губерніи, вынужденъ былъ покрыть убытки казны и частныхъ лицъ отъ этого грабежа изъ собственнаго имущества, симбирскій — былъ уволенъ отъ службы за принятіе почестей, ему несвойственныхъ, городничій Пирхъ, который, „забывъ всѣ обязанности служенія, публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ, и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе, употребляя также казенныхъ людей въ свои домашнія услуги", исключенъ былъ изъ службы и долженъ былъ просить прощенія на колѣняхъ при разводѣ у какого-то полковника Жукова и т. д. Наконецъ, для подробнаго изслѣдованія на мѣстѣ состоянія губерній и дѣйствій администраціи, Павелъ именнымъ указомъ сенату отъ 6 октября 1799 г., возобновилъ сенаторскія ревизіи, раздѣливъ для этой цѣли, указомъ отъ 1 декабря, всѣ губерніи на 8 частей. Всѣ эти мѣры приводили къ тому, что въ губерніяхъ былъ образцовый по внѣшности порядокъ, хотя создавшаяся въ то время поговорка: „положеніе хуже губернаторскаго" свидѣтельствуетъ о всей тяжести службы правителей губерній: разбойничество, напримѣръ, столь развившееся въ царствованіе Екатерины въ приволжскихъ губерніяхъ, было совсѣмъ уничтожено. Вообще проявленіе произвола съ чьей бы то ни было стороны, хотя бы самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, вызывало гнѣвъ императора и строгія кары; генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ, напримѣръ, за битье почтальоновъ и взятіе 12 лошадей

вмѣсто 6, отставленъ былъ отъ службы. Но, съ другой стороны, и администрація, и мѣстные жители чувствовали себя въ угнетенномъ состояніи духа. Полицейскіе органы власти боялись отвѣтственности и за бездѣятельность, и за упущенія, даже за „язву моральную", сущности которой большинство не могло даже постигнуть. Сообразно этому, въ Россіи Павловскаго времени чрезвычайно усиленъ былъ полицейскій надзоръ—до такой степени, что, по разсказамъ современниковъ, боялись веселиться не только въ публичныхъ, собраніяхъ но и въ частныхъ домахъ, и вести откровенные разговоры даже у себя дома. На всѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ и публичныхъ балахъ, „для смотрѣнія", всегда долженъ былъ присутствовать частный приставъ. Даже то оружіе, которымъ Павелъ Петровичъ думалъ уничтожить всякую несправедливость въ Россіи, „открывъ всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго, угнетеннаго былъ услышанъ",—знаменитый „желтый ящикъ" у воротъ Зимняго дворца, а также жалобы и прошенія, поступившія непосредственно на высочайшее имя чрезъ почту, приводили иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Наряду съ просьбами о милостяхъ и жалобами на дѣйствительныя злоупотребленія или притѣсненія, поступала къ Павлу масса всякаго рода лживыхъ доносовъ, въ большинствѣ случаевъ анонимныхъ, и огромное количество ходатайствъ, ровно ни на чемъ не основанныхъ. Многія изъ этихъ „недѣльныхъ" прошеній возвращаемы были съ „наддраніемъ", и о нихъ, чтобы пристыдить просителей, въ примѣръ другимъ, публиковалось въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Но число ихъ всетаки умножалось до такой степени, что Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ 23 мая 1799 г. особымъ указомъ объявить, „дабы недѣльными просьбами его императорскаго величества не утруждали", а затѣмъ, что „всякъ, дерзнувшій по двухкратной просьбѣ еще утруждать его императорское величество, имѣетъ быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ". Неосновательныя просьбы о милостямъ, однако, не влекли за собою большихъ неудобствъ для государя, кромѣ отказа „съ наддраніемъ", но жалобы на неправосудіе и притѣсненія, даже основательныя сами по себѣ, возбуждали подроб-

ныя разслѣдованія, длительную переписку съ отдѣльными правительственными учрежденіями, просмотръ подлинныхъ дѣлъ самимъ государемъ и т. д. Этотъ фактическій контроль дѣйствій судебныхъ учрежденій и администраціи объяснялся отсутствіемъ высшаго правительственнаго учрежденія, обязаннаго слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ, и хаотическимъ состояніемъ администраціи въ концѣ царствованія Екатерины. Тѣмъ не менѣе доносовъ одинаково боялись и честные, и дурные люди. Отъ „желтаго ящика“ постарались, впрочемъ, избавиться оригинальнымъ образомъ: въ немъ Павелъ сталъ находить эпиграммы и каррикатуры на самого себя, и тогда существованіе желтаго ящика прекратилось навсегда.

При этихъ печальныхъ условіяхъ императоръ Павелъ закрылъ для себя цензурными строгостями единственный остававшійся для него и самый могущественный способъ судить объ общественномъ настроеніи и воздѣйствовать на него—содѣйствіе литературы, тогда какъ самъ онъ постоянно подвергался общественному суду, часто ошибочному, во вредъ себѣ, но по собственной винѣ, печатая постоянно всѣ немотивированныя и дурно изложенныя резолюціи свои и приказы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ Москвѣ, впрочемъ, умѣли отчасти соединять общественныя силы, но петербургская литература сдѣлалась почти оффиціальной. Между тѣмъ, именно въ Петербургѣ въ 1798 г. произошло литературное событіе, которое могло бы заставить Павла измѣнить свои отношенія къ печати. Капнистъ написалъ въ это время комедію „Ябеда“, въ которой осмѣивалъ взяточничество и неправосудіе чиновниковъ, и желалъ посвятить ее императору. „Досады, которыя мнѣ и другимъ надѣлала ябеда“, — писалъ онъ, — „были причиною, что я рѣшился осмѣять ее въ комедіи, а неусыпное стараніе правдолюбиваго монарха нашего искоренить ее въ судахъ, внушаетъ мнѣ смѣлость посвятить сочиненіе мое его императорскому величеству“. Государь принялъ посвященіе, не читая пьесы, но когда она была поставлена на сцену и имѣла шумный успѣхъ, императору было доложено княземъ Лопухинымъ, генералъ-прокуроромъ, что Капнистъ далъ ужасный поводъ

къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность и что въ его пьесѣ находится явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ. Довѣрившись донесенію, императоръ, въ порывѣ гнѣва, приказалъ, какъ говорятъ, отправить автора въ Сибирь. Но скоро гнѣвъ государя, однако, остылъ: онъ усомнился въ справедливости своего приказанія и велѣлъ представить „Ябеду“ въ своемъ присутствіи въ эрмитажномъ театрѣ. Зрителями пьесы былъ только онъ и великій князь Александръ Павловичъ. Послѣ перваго же акта государь, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ фельдъегеря за Капнистомъ, пожаловалъ ему, минуя два чина, чинъ статскаго совѣтника и щедро наградилъ его.

Особое впечатлѣніе производилъ во всей Россіи способъ, который употреблялъ императоръ Павелъ для объявленія своей воли. Фельдъегеря развозили его повелѣнія по всей имперіи, и они же, являясь неожиданно на своихъ тройкахъ или въ кибиткахъ, увозили на мѣсто назначенія, чаще всего въ Петербургъ, и тѣхъ лицъ, которыя вызвали на себя гнѣвъ государя, и тѣхъ, которыхъ, наоборотъ, государь желалъ наградить или видѣть по разнымъ причинамъ. Весьма часто случалось, что, отправляясь съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, никто не зналъ, зачѣмъ его вызываютъ къ государю, и оттого фельдъегерская тройка, одинъ звукъ фельдъегерскаго колокольчика, внушали всѣмъ страхъ и опасенія; семейства увезенныхъ оплакивали ихъ какъ погибшихъ: всѣмъ грезилась крѣпость или Сибирь.

Естественно, что централизація власти вела къ упраздненію мѣстнаго самоуправленія, а бюрократическое начало—къ уничтоженію сословнаго, выборнаго. Дѣйствительно, императоръ Павелъ неуклонно продолжалъ выполнять свою программу по отношенію къ сословіямъ, опредѣляя имъ мѣсто въ государственной организаціи сообразно ихъ службы государству. Дворянство все болѣе стѣсняемо было въ своихъ привиллегіяхъ, низводилось къ прежнему своему назначенію—служилаго сословія, обязаннаго „защищать отечество“; соотвѣтственно этому, императоръ стремился улучшить положеніе крестьянъ, находившихся, по его мнѣнію, только въ

управленіи, а не въ кабалѣ у помѣщиковъ. Въ 1799 г. уничтожены были губернскіе выборы дворянства, и должностныхъ лицъ повелѣно было избирать поуѣздно; точно также дворянская родословная книга каждой губерніи разбита была на уѣздныя книги, содержавшіяся также поуѣздно. Дворянскія опеки и сиротскіе суды, указомъ отъ 13 сентября 1798 г., подчинены были палатамъ, а члены нижнихъ земскихъ судовъ, избиравшіеся дворянствомъ замѣнены были, указомъ отъ 14 мая 1800 г., чиновниками отъ герольдіи, а губернаторамъ дозволялось только принимать просьбы на эти мѣста и отъ дворянъ, представляя ихъ сенату; значеніе этой мѣры было велико и для дворянъ—помѣщиковъ, и для крестьянъ, такъ какъ земскимъ судамъ предоставлено было полицейское управленіе въ уѣздѣ въ полномъ объемѣ. Въ военной службѣ зато даны были дворянамъ привиллегіи. Для производства въ унтеръ-офицерскій чинъ дворяне должны были служить рядовыми всего три мѣсяца, а не-дворяне—не менѣе 4-хъ лѣтъ. Въ 1798 г. было предписано, чтобы не представлять изъ не-дворянъ не только въ офицеры, но даже въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что „въ оныхъ званіяхъ одни дворяне должны состоять“. Родовитое дворянство однако озлоблено было смысломъ этихъ повидимому льготныхъ для него распоряженій императора, видя въ нихъ уничтоженіе политическаго значенія дворянства. Представитель тогдашняго либерализма, гр. Строгановъ, съ презрѣніемъ отзывался о служиломъ дворянствѣ въ царствованіе Павла. „Оно“, писалъ онъ, „состоитъ изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службой, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора: ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ плутуя, но не сопротивляясь... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выго-

дамъ и чести сословія“. Строгости военной службы, введенныя Павломъ, не представляли однако въ ней ничего привлекательнаго для дворянъ, и они толпами стали записываться въ гражданскую. Тогда императоръ началъ энергически противодѣйствовать этому теченію. 14 іюня 1799 года повелѣно было сенату оставить только 50 юнкеровъ коллегіи, находившихся при немъ, а остальныхъ отправить въ военную коллегію; 5 октября 1799 г. было опредѣлено дворянскихъ дѣтей въ гражданскую службу не записывать безъ доклада государю, и это правило затѣмъ распространено было и на дѣтей личныхъ дворянъ; наконецъ 12 апрѣля 1800 г. вышедшіе изъ военной службы въ отставку лишены были права поступать въ статскую, а указомъ отъ 1 мая того же года это право сохранено было лишь за тѣми, кто выбылъ изъ военной службы до вступленія императора Павла на престолъ. Дворянамъ, уже находившимся на военной службѣ, преграждена была возможность выйти изъ нея по своему желанію: 31 октября 1798 г. воспрещено было дворянамъ выходить въ отставку до производства въ первый офицерскій чинъ, а 6 октября 1799 г. повелѣно было не увольнять, а исключать изъ службы тѣхъ изъ нихъ, кто пожелаетъ выйти въ отставку, не выслужа года въ офицерскомъ званіи. Дворянъ, не служившихъ, но уклонявшихся отъ должностей по выбору, велѣно даже было предавать суду. Легко представить себѣ недовольство дворянъ всѣми этими распоряженіями, уничтожавшими права, дарованныя имъ жалованною грамотою, отъ которой оставались одни клочки!

Тяжело было служить дворянамъ, но имъ тяжело было и жить въ деревняхъ при измѣнившихся порядкахъ. Въ особенности чувствительна была замѣна выбиравшихся дворянствомъ уѣздныхъ полицейскихъ и судебныхъ властей коронными чиновниками. „Помѣщичье село того времени“, говоритъ Побѣдоносцевъ, „представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большаго; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоря-

женіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружьемъ, „собрався съ своими!" Своеволіе помѣщиковъ доходило до того, что, напр., незадолго до кончины Екатерины, воронежскій помѣщикъ гр. Дивіеръ перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ. Само собою разумѣется, что въ уѣздныхъ властяхъ, выбиравшихся дворянами, крѣпостные крестьяне вовсе не могли искать себѣ защиты отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Любопытно, что на содержаніе нижнихъ земскихъ судовъ, въ новомъ ихъ составѣ, установленъ былъ Павломъ особый сборъ только съ дворянскихъ имѣній. Далѣе, въ финансовыхъ своихъ дѣлахъ, дворянство также подвергалось стѣсненіямъ, такъ какъ Павелъ постоянно стремился къ уничтоженію роскоши и мотовства. Цѣль банкротскаго устава, изданнаго въ 1800 г., по словамъ Державина, „наиболѣе была въ томъ, чтобы воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія долговъ и для того довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уставомъ этимъ преграждался доступъ дворянству и къ занятіямъ торговлею, — „не дворянскимъ дѣломъ", по взглядамъ того времени. Неудачныя операціи вспомогательнаго банка для дворянства, учрежденнаго по проекту Куракина, побудили правительство сосредоточить дѣла по задолженности дворянскаго землевладѣнія въ сохранныхъ казнахъ воспитательныхъ домовъ, въ такъ называемыхъ опекунскихъ совѣтахъ. Такимъ образомъ задолженность дворянства была ограничена и всецѣло находилась подъ контролемъ правительства. Одновременно съ этимъ подтвержденъ былъ сборъ казенныхъ недоимокъ со всѣхъ дворянскихъ имѣній.

Стремленія государя къ централизаціи привели его къ

ограниченію сословнаго самоуправленія также въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ „Уставомъ о цехахъ", 12 ноября 1789 г., и учрежденіемъ, 4 сентября 1800 г., во всѣхъ губернскихъ городахъ, вмѣсто магистратовъ, ратгаузовъ.

Церковь и крестьянское сословіе продолжали пользоваться заботами Павла. Его глубокая религіозность, мистически настроенный умъ, восприняли особый оттѣнокъ со времени возложенія имъ на себя званія великаго магистра мальтійскаго ордена. 19 ноября 1799 г., въ Гатчинѣ, во время литургіи, которую совершалъ Амвросій, архіепископъ с.-петербургскій, „его императорское величество пріобщился Св. Таинъ внутри св. алтаря со святаго престола", о чемъ оберъ-прокуроръ синода, Хвостовъ, предложилъ синоду записать въ журналъ. Но преданность Павла къ православію не мѣшала его вѣротерпимости по отношеніи къ раскольникамъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ ихъ сектъ, которыя отвергали свѣтскую власть или отличались изувѣрствомъ: духоборцы подвергались преслѣдованію, а глава скопцовъ, Кондратій Селивановъ, признанъ былъ сумасшедшимъ и посаженъ въ сумасшедшій домъ. Снисходительное отношеніе государя къ раскольникамъ вызвало движеніе среди нихъ къ возсоединенію съ православною церковью. Въ 1800 году митрополитъ Платонъ составилъ правила единовѣрія, утвержденныя Св. Синодомъ, а вслѣдъ затѣмъ, указомъ отъ 27 октября 1800 г., старообрядцамъ разрѣшено было строить церкви.

Изъ мѣръ, принятыхъ императоромъ въ 1798—1800 гг. для улучшенія положенія крестьянъ, въ особенности помѣщичьихъ, замѣчателенъ указъ отъ 16 октября 1798 г. о непродажѣ малороссійскихъ крестьянъ безъ земли. Любопытно, что это повелѣніе государя послѣдовало вопреки мнѣнію сената, который полагалъ „позволить малороссійскимъ помѣщикамъ продавать крестьянъ своихъ безъ земли". Казенные крестьяне получили право пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ казенными лѣсами, со всѣхъ крестьянъ сложены были недоимки по земельнымъ сборамъ за 15 лѣтъ; крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, въ большин-

ствѣ освобождены были отъ заводскихъ работъ и поступили въ число государственныхъ. Въ сферѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ государь оставался неизмѣнно благожелательнымъ къ послѣднимъ. На ряду съ общими мелочными распоряженіями о томъ, чтобы помѣщики не создавали для себя изъ крѣпостныхъ такъ называемыхъ „казаковъ и гусаръ“, Павелъ Петровичъ въ частныхъ случаяхъ смягчалъ суровыя требованія закона по отношенію къ крестьянамъ и одобрялъ дѣйствія въ этомъ смыслѣ мѣстной администраціи Въ Великороссіи, напримѣръ, дѣйствовалъ еще законъ о продажѣ крестьянъ безъ земли. Когда въ 1799 году тамбовскій помѣщикъ, полковникъ Давыдовъ продалъ своихъ крестьянъ на вывозъ и они должны были переселиться на новыя мѣста, оставивъ свое имущество, которое поступало въ пользу прежняго ихъ владѣльца, то крестьяне отказались уйти изъ своего села и стояли на своемъ рѣшеніи, не смотря на убѣжденія губернатора Литвинова. Губернаторъ немедленно донесъ объ этомъ происшествіи государю. Императоръ Павелъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ рескриптомъ: „Получа рапортъ вашъ сего мѣсяца сентября 5 числа касательно крестьянъ, полковникомъ Давыдовымъ проданныхъ на вывозъ помѣщикамъ Хвощинскому и Мартынову, повелѣваю вамъ оставя крестьянъ сихъ на прежнемъ ихъ мѣстѣ, сдѣлать отъ лица моего онымъ помѣщикамъ наистрожайшій выговоръ за учиненныя ими крестьянамъ чрезъ сіе намѣреніе разстройку и угнетеніе; вамъ же изъявляю мое благоволеніе за донесеніе ваше, сопряженное съ человѣколюбіемъ и добрымъ порядкомъ, всегда сходственнымъ съ волею моею“. Но въ это же время Павелъ Петровичъ дозволилъ помѣщикамъ, въ интересахъ заселенія Забайкалья, ссылать туда своихъ крестьянъ на поселеніе съ зачетомъ ихъ въ рекруты, хотя въ царствованіе Павла былъ всего одинъ только рекрутскій наборъ въ 1798 г. по двѣ съ тысячи душъ, вызванный началомъ войны съ Франціей. Нельзя не упомянуть объ одномъ человѣколюбивомъ распоряженіи императора Павла, относившемуся по своему существу преимущественно къ крестьянскому сословію: указомъ отъ 19 ноября 1798 г. избавлены были отъ тѣлеснаго наказанія всѣ лица, имѣвшія болѣе 70 лѣтъ отъ роду.

Павелъ Петровичъ любилъ смотрѣть на Россію какъ на свое хозяйство и, какъ прежде, бывало, въ Гатчинѣ, заботился о насущныхъ нуждахъ населенія, о развитіи торговли и промышленности. Рядомъ указовъ подтверждены были старыя правила и установлены новыя о заведеніи во всѣхъ селеніяхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ съ годовою пропорціею хлѣба, а также сдѣланы распоряженія о дешевой продажѣ соли во всѣхъ губерніяхъ. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что мѣры эти достигли своей цѣли. „За пересудами и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры памятною былью въ кругахъ службы", говоритъ, напримѣръ, Лубяновскій, „не безъ удовольствія вспоминаешь, что, не взирая на то, народъ бодрый, хотя также отъ страха какъ бы въ сторонѣ, благоденствовалъ, если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей жизни въ народѣ не низко цѣнилось". Особенное вниманіе обратилъ Павелъ на сбереженіе лѣсовъ, поручивъ это дѣло лѣсному департаменту при адмиралтействъ-коллегіи, и на предохраненіе построекъ отъ пожаровъ: для этой цѣли, назначая суровыя взысканія за самовольныя порубки и хищенія въ казенныхъ лѣсахъ, императоръ поощрялъ наградами разработку торфа и каменнаго угля и содѣйствовалъ распространенію въ селахъ землебитныхъ строеній; для охраны городовъ отъ большихъ пожаровъ, вслѣдствіе скученности деревянныхъ построекъ, выработаны были новые для нихъ планы. Конскіе казенные заводы подчинены были особому управленію—экспедиціи, во главѣ которой сталъ Кутайсовъ; на обязанности этой экспедиціи лежало заботиться объ улучшеніи качества лошадей для надобностей ремонта и земледѣлія. Заботы о здоровьѣ населенія и войскъ выразились въ концѣ 1798 года учрежденіемъ высшаго медицинскаго училища, преобразованнаго потомъ въ военно-медицинскую академію. Промышленность и торговля были оживлены возстановленіемъ ману-

фактуръ коллегіи, устройствомъ Маріинской системы, связывавшей Волгу съ Балтійскимъ моремъ, улучшеніемъ монетной системы, уничтоженіемъ разбойничества на Волгѣ. Изданъ былъ банкротскій уставъ, пересмотрѣны, хотя не вполнѣ удачно, тарифы и торговые договоры, особенно съ Англіей, закупавшей у насъ сырье и захватившей въ свои руки почти всю нашу отпускную торговлю. Съ цѣлію поощренія отечественной промышленности запрещенъ былъ ввозъ предметовъ роскоши, сукна, стали, стекла, даны были льготы фабрикантамъ, и поощрялось развитіе шелководства и разведенію полезныхъ растеній. При Павлѣ начались также торговыя сношенія съ Америкой: 3 августа 1788 г. утвержденъ былъ актъ россійско-американской компаніи, а 9 іюня 1798 г. она принята была подъ особое покровительство императора, который тогда же даровалъ ей привиллегію на 20 лѣтъ.

Не забудемъ, что эта кипучая дѣятельность императора по внутреннему управленію государствомъ проявилась именно въ то время, когда русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, на поляхъ Италіи и въ горахъ Швейцаріи покрывали себя славою въ битвахъ съ французами. Въ четыре лѣтніе мѣсяца 1799 г. Италія была очищена отъ французскихъ войскъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя ставилъ геніальному полководцу вѣнскій гофкригсратъ; но когда вслѣдъ затѣмъ Суворовъ думалъ идти къ Генуѣ, чтобы, взявъ ее, вторгнуться въ предѣлы Франціи, австрійскій дворъ предложилъ новый планъ войны, требуя, чтобы французы предварительно изгнаны были изъ Швейцаріи. Но, прежде чѣмъ Суворовъ могъ войти въ ея предѣлы, австрійскія войска вышли изъ нея, оставивъ находившійся тамъ русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, и Корсаковъ, разбитый Массеной при Цюрихѣ, долженъ былъ отступить. Суворовъ, не имѣя при себѣ ни артиллеріи, ни продовольствія и проводниковъ, обѣщанныхъ ему австрійцами, долженъ былъ, войдя въ Швейцарію, принять на себя всю массу непріятельскихъ силъ, воодушевленныхъ побѣдами. Мужество русскихъ войскъ, геній ихъ престарѣлаго вождя, преодолѣли,

однако, всѣ препятствія: непроходимыя горы были пройдены, превосходныя въ силахъ войска французовъ опрокинуты, и Суворовъ, расположившись осенью 1799 г. на зимнихъ квартирахъ въ Баваріи, ждалъ лишь дальнѣйшихъ повелѣній государя, чтобы предпринять новый походъ въ сердце Франціи.

Но мечта Павла Петровича быть „возстановителемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей“ уже охладѣла, а терпѣніе его истощилось: Павелъ понялъ, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ своихъ союзниковъ: Австріи и Англіи, дѣлавшихъ только видъ, что сочувствуютъ рыцарскимъ, возвышеннымъ его намѣреніямъ, а на самомъ дѣлѣ думавшихъ только о своихъ собственныхъ интересахъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ Суворова съ вѣнскимъ гофкригсратомъ императоръ держалъ сторону своего полководца, требовалъ отъ вѣнскаго двора объясненій, даже грозилъ ему,— но конечная цѣль похода еще представлялась ему тогда достижимой. Но послѣдующія событія ясно доказали ему коварство австрійской политики: освобожденная отъ французовъ Италія была порабощена Австріей, которая отказывалась, подъ разными предлогами, возстановить сардинскаго короля въ его владѣніяхъ и подавляла малѣйшее стремленіе итальянскихъ народовъ къ независимости; мало того, считая для себя помощь русскихъ войскъ уже излишнею, австрійскія власти не оказывали имъ должнаго содѣйствія, даже вредили имъ, и наконецъ, при взятіи Анконы, нанесли оскорбленіе русскому знамени. Уже 14 октября 1799 г. Павелъ Петровичъ писалъ Суворову: „Желаю знать васъ соединенныхъ (съ Корсаковымъ) и отдаленныхъ отъ весьма ненадежныхъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, коихъ я оставилъ и предалъ ихъ собственному жребію, во-первыхъ — не хотя возстановить въ Европѣ другую Францію (т. е. Австрію), не искореня первой, а во-вторыхъ — не намѣренъ былъ жертвовать моими войсками для корыстолюбивыхъ и безстыдныхъ видовъ двора вѣнскаго. Теперь черезъ Англію стараться буду сблизиться съ королемъ прусскимъ и положить совокупно препоны видамъ дома австрійскаго. Экспедиція въ Голландіи пойдетъ своимъ чередомъ и дѣла тамъ въ хорошемъ положеніи. Прощайте“.

Когда Павелъ писалъ эти строки, онъ не зналъ еще, что Англія поступитъ съ нимъ такъ же, если не хуже, какъ и Австрія. Русскій корпусъ Германа, назначенный содѣйствовать англичанамъ при высадкѣ ихъ въ Голландію, потерпѣлъ вмѣстѣ съ ними пораженіе отъ французовъ при Бергенѣ, столько же по винѣ англійскаго главнокомандующаго, герцога Іоркскаго, сколько по оплошности самого Германа; затѣмъ остатки русскаго корпуса отвезены были англичанами на зимовку на островъ Джерсей, и тамъ они терпѣли нужду. Но всего болѣе поразилъ государя неожиданный отказъ Англіи въ возвращеніи ему, какъ великому магистру мальтійскаго ордена, острова Мальты. Негодованію Павла Петровича не было предѣловъ: графъ Воронцовъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, былъ отозванъ, а англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Витворту, было предложено въ маѣ 1800 г. оставить Россію.

Вѣнскій кабинетъ, руководимый Тугутомъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій Австріи противъ Россіи, — пробовалъ сначала смягчить неудовольствіе государя, опасаясь союза его съ Пруссіей. Графу Кобенцелю, австрійскому послу въ Петербургѣ, даны были въ этомъ смыслѣ успокоительныя инструкціи, а въ началѣ октября 1799 г. прибылъ въ Петербургъ, для бракосочетанія съ великой княжной Александрой Павловной, эрцгерцогъ Іосифъ, въ сопровожденіи брата императрицы Маріи Ѳеодоровны, принца Фердинанда Виртембергскаго, и креатуры Тугута, графа Дидрихштейна, женатаго на графинѣ Шуваловой. „Мой дворецъ будетъ теперь зараженъ политикой!“ воскликнулъ императоръ, когда узналъ, кто ѣдетъ съ эрцгерцогомъ. Дѣйствительно, императрица Марія, опираясь на французскихъ эмигрантовъ и всѣхъ сторонниковъ, всячески содѣйствовала брату, принцу Фердинанду, и эрцгерцогу Іосифу въ ихъ примирительной миссіи, тѣмъ болѣе, что возникло опасеніе, что второе сватовство великой княжны можетъ въ виду дурныхъ отношеній императора къ Австріи, оказаться столь же неудачнымъ, какъ и первое. Павелъ Петровичъ не пожелалъ видѣть Дидрихштейна: его остановили у шлагбаума въ Гатчинѣ и сообщили ему приказъ

государя въ восемь дней оставить Россію, хотя жена его имѣла порученіе сопровождать будущую эрцгерцогиню. Опасенія Маріи Θеодоровны, оплакивавшей судьбу дочери, не сбылись: бракосочетаніе Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ совершилось 19 октября 1799 г., недѣлей позже бракосочетанія ея сестры великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ. Но ни просьбы Маріи Θедоровны, ни убѣжденія эрцгерцога Іосифа и принца Фердинанда не могли поколебать императора: разъ обманутый, онъ требовалъ теперь удаленія Тугута, честнаго и искренняго объявленія вѣнскаго кабинета о его цѣляхъ и возвращенія королю сардинскому его владѣній. Съ этимъ отвѣтомъ эрцгерцогъ и уѣхалъ изъ Россіи въ сопровожденіи молодой своей супруги, несчастной жертвы политическихъ разсчетовъ; но, съ его отъѣздомъ, попытки повліять на рѣшеніе императора въ благопріятномъ для Австріи смыслѣ не прекратились. Лордъ Витвортъ, представитель второй нашей союзницы — Англіи, еще показывавшей Россіи въ то время наружные знаки дружества, дѣлалъ представленія императору, входилъ въ сношенія въ домѣ своей пріятельницы О. А. Жеребцовой, сестры опальныхъ Зубовыхъ, со всѣми приверженцами коалиціи и, подъ рукой, велъ переговоры съ Кобенцелемъ о болѣе тѣсной связи Австріи съ Англіей. Сильную поддержку Витвортъ нашелъ въ вице-канцлерѣ, графѣ Никитѣ Панинѣ, сочувствовавшемъ коалиціи, тогда какъ соперникъ Панина, графъ Растопчинъ, докладчикъ государя по иностраннымъ дѣламъ, былъ врагомъ его. Интрига опутывала государя со всѣхъ сторонъ. Императоръ былъ въ раздраженіи: онъ зналъ уже, что два посла его: Разумовскій — въ Вѣнѣ и Воронцовъ—въ Англіи, оба вполнѣ натурализовавшіеся въ странахъ, гдѣ они были аккредитованы,—писали ему свои донесенія въ духѣ, завѣдомо сочувственномъ коалиціи, и скрывали отъ него истинное положеніе дѣлъ. Боясь интригъ, императоръ приказалъ не принимать Кобенцеля при дворѣ, а всему дипломатическому корпусу—прекратить съ нимъ всякія отношенія,—фактъ, неслыханный дотолѣ въ международныхъ отношеніяхъ; Суворовъ получилъ затѣмъ

повелѣніе возвратиться съ арміей въ Россію. Между тѣмъ, во Франціи совершился переворотъ 18 брюмера: генералъ Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ и весною 1800 г. нанесъ австрійцамъ пораженіе при Маренго, послѣ котораго они вновь потеряли всю Италію. Вскорѣ Кобенцель и Витвортъ должны были выѣхать изъ Россіи. Сѣмена посѣянной ими интриги однако остались въ Петербургѣ и принесли свои плоды; остались также О. А. Жеребцова, графъ Панинъ и только что уволенный за хищеніе въ лѣсномъ департаментѣ, неаполитанецъ по происхожденію, адмиралъ О. М. Рибасъ, другъ удаленнаго изъ Россіи сторонника коалиціи, неаполитанскаго посла, маркиза Санъ-Галло...

Перемѣну своей политики Павелъ Петровичъ такъ объяснялъ датскому посланнику Розенкранцу въ сентябрѣ 1800 г.; „Государь сказалъ", доносилъ Розенкранцъ, „что политика его вотъ уже три года остается неизмѣнною и связана съ справедливостію, тамъ, гдѣ его величество полагаетъ ее найти; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣла; онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, которая и есть австрійская, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испыталъ относительно англичанъ. Онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются".

Эти слова Павла Петровича сказаны были уже въ то время, когда отчужденіе отъ старыхъ союзниковъ влекло за собою сближеніе Россіи съ Франціей, уже не „мятежной" и „развратной", а умиренной твердой рукой перваго консула. Бонапартъ постигъ рыцарскій характеръ Павла и спѣшилъ заручиться его расположеніемъ, въ увѣренности, что въ союзѣ съ Россіей Франція преодолѣетъ всѣ внѣшнія затрудненія. Узнавъ, что Австрія отказала императору въ просьбѣ

освободить часть французскихъ плѣнныхъ, доставшихся ей благодаря побѣдамъ Суворова, въ обмѣнъ на русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи въ количествѣ 5,000 человѣкъ, первый консулъ приказалъ обмундировать ихъ и отпустить въ Россію, съ оружіемъ и знаменами, безъ всякаго обмѣна: въ письмѣ по этому поводу первый консулъ сообщалъ императору, что онъ дѣлаетъ это „единственно изъ уваженія къ доблести русской арміи, которую французы умѣли оцѣнить по достоинству на полѣ битвы"; въ томъ же письмѣ первый консулъ заранѣе соглашался на возвращеніе острова Мальты великому магистру мальтійскаго ордена. Павелъ Петровичъ принялъ это предложеніе съ радостію и отправилъ въ Парижъ для пріема и препровожденія русскихъ плѣнныхъ генерала Спренгпортена. Затѣмъ императоръ отправилъ 18 декабря первому консулу письмо, въ которомъ, извѣщая его объ отправленіи въ Парижъ своего уполномоченнаго, Колычева, писалъ: „Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается"; упомянувъ затѣмъ объ Англіи, которая попирала права народовъ и руководилась только собственнымъ эгоизмомъ, Павелъ приглашалъ перваго консула соединиться съ нимъ для обузданія этой державы. Съ своей стороны, первый консулъ, принимая 10 декабря Спренгпортена, объявилъ ему о желаніи Франціи заключить миръ съ Россіей, такъ какъ, по его мнѣнію, оба государства уже по одному географическому своему положенію созданы для того, чтобы жить между собою въ тѣсной связи; при этомъ онъ выразилъ свое „особое уваженіе и почтеніе къ священной особѣ монарха и къ его возвышенному и справедливому характеру"; чтобы удовлетворить государя, не желавшаго бросать на произволъ судьбы всѣми оставленныхъ королей неаполитанскаго и сардинскаго, первый консулъ предложилъ возвратить имъ при заключеніи мира ихъ владѣнія, а также назначить приличныя границы свѣтской власти папы, въ судьбѣ котораго императоръ Павелъ принималъ особое участіе. Прямымъ послѣдствіемъ этого сближенія Россіи съ

Франціей было изгнаніе изъ Россіи Людовика XVIII съ сопровождавшими его эмигрантами: „сумасшедшія французскія головы“ уже давно надоѣли государю, и въ началѣ января 1801 г. курляндскій губернаторъ получилъ отъ графа Палена письмо, въ которомъ было сказано: „сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему выѣхать изъ Россіи“. 22 января Людовикъ уже выѣхалъ изъ Митавы въ Пруссію. Корпусъ принца Конде остался за границей и послѣ окончанія войны Россіи съ Франціей поступилъ на жалованье Англіи.

Новое направленіе русской политики и ея цѣли выражены были въ запискѣ гр. Растопчина, написанной имъ по приказанію государя, вслѣдствіе бывшаго по этому предмету разговора между ними, и представленной государю 30 сентября 1800 г. Въ отмѣткахъ, сдѣланныхъ на этой запискѣ императоромъ, видно, какъ глубоко потрясенъ онъ былъ измѣной своихъ союзниковъ. Къ словамъ Растопчина, что „Англія вооружила попеременно угрозами, хитростію и деньгами всѣ державы противъ Франціи“, Павелъ Петровичъ прибавилъ: „и насъ грѣшныхъ“; противъ словъ, что Англія „своей завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи“—императоръ замѣтилъ: „мастерски писано!“ Замѣчаніе Растопчина, что Австрія „подала столь справедливыя причины къ негодованію государя“ и „потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики“ сопровождалось восклицаніемъ Павла: „Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!“ Планъ Растопчина въ основаніе политики Россіи полагалъ тѣсный союзъ съ Франціей, а цѣлью его раздѣлъ Турціи при участіи Австріи и Пруссіи. Одобривъ записку Растопчина, Павелъ Петровичъ на заключительной ея части, гдѣ говорилось, что „Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ вашего императорскаго величества, соединившаго воедино престолы Петра и Константина“, съ грустью написалъ: „А меня всетаки бранить станутъ!“...

Личное настроеніе государя, выразившееся въ этомъ замѣчаніи, вполнѣ отвѣчало истинному положенію дѣлъ. Три года дѣятельности неустанной и разносторонней, осно-

ванной на искреннемъ желаніи добра и правды,—не принесли Павлу счастья, не привлекли къ нему сердецъ его подданныхъ: онъ не могъ понять всей ошибочности своей системы. Напротивъ, онъ зналъ, что имя его внушаетъ страхъ и недовольство и предвидѣлъ необходимость новой борьбы при дальнѣйшемъ ходѣ преобразованій. Семейныя отношенія императора, въ особенности благодаря фаворитизму Лопухиной, вышедшей замужъ за князя Гагарина въ тщетной надеждѣ противостать настойчивости Павла и потомъ сдѣлавшейся оффиціальной его фавориткой, также не могли дѣйствовать на него успокоительно. Еще въ ноябрѣ 1798 г. Растопчинъ писалъ Воронцову: „Я могу только негодовать, видя, что государь, расточившій вокругъ себя милліоны благодѣяній, не имѣетъ у себя вѣрныхъ слугъ. Его не любятъ даже собственныя его дѣти. Великій князь Александръ презираетъ своего отца; великій князь Константинъ боится его. Дочери, руководимыя, какъ и всѣ прочіе, матерью, смотрятъ на отца съ отвращеніемъ. Между тѣмъ, всѣ ему улыбаются“... Эти строки заклятаго врага императрицы Маріи рисуютъ, разумѣется, не чувства ея къ супругу, а общую картину отношеній, которыя установились постепенно и бросались въ глаза постороннему наблюдателю. Растопчинъ сообщалъ тогда же, что великій князь Александръ во многомъ виноватъ предъ своимъ отцомъ, а впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи бумаги Александра, которыя могли бы погубить наслѣдника, если бы онѣ сдѣлались извѣстны его отцу. Это свидѣтельство человѣка, близкаго къ государю за послѣдніе два года его царствованія, показываетъ, какъ легко было окружающимъ возбудить подозрительность государя противъ старшаго его сына и объясняетъ разсказъ о томъ, что Павелъ Петровичъ призвалъ однажды къ себѣ великаго князя Александра и, показывая на указъ Петра Великаго о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію этого царевича. Старшая и любимая дочь государя, великая княгиня Александра Павловна, уѣхала въ Австрію, вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, эрцгерцогомъ Іосифомъ, еще въ ноябрѣ 1799 г. По словамъ графини Головиной, импе-

раторъ разстался съ ней съ чрезвычайнымъ волненіемъ. Прощаніе было очень трогательно: онъ безпрестанно повторялъ, что ее приносятъ въ жертву.

Окружавшіе императора люди были почти тѣ же, которые находились возлѣ него въ Гатчинѣ въ 1793 году и изъ которыхъ самый честный, по выраженію Растопчина, заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда. Но на этотъ разъ возлѣ Павла не было уже Нелидовой, умѣвшей сдерживать порывы его раздражительности, вносить успокоеніе въ его душу, и, потерявъ равновѣсіе, Павелъ Петровичъ не терпѣлъ противорѣчія, руководился не столько обдуманными мыслями, сколько мимолетными чувствами и впечатлѣніями, предаваясь крайностямъ и въ гнѣвѣ, и въ милости. Безбородко умеръ еще въ апрѣлѣ 1799 г. Поэтому, въ концѣ концовъ, возлѣ Павла остались въ фаворѣ только тѣ люди, которые, въ личныхъ своихъ интересахъ, могли и хотѣли только примѣняться къ слабостямъ монарха, имѣя цѣлью лишь пользоваться его милостями, а вовсе не заботиться о благѣ государя и имперіи. Достаточно сказать главнымъ довѣреннымъ лицомъ сдѣлался Кутайсовъ, возведенный въ графское достоинство и пожалованный оберъ-шталмейстеромъ и александровскимъ кавалеромъ. По чувствамъ и привычкѣ онъ дѣйствительно былъ преданъ государю, но весь мелкій его умъ изощрялся въ придворныхъ интригахъ и направленъ былъ къ своекорыстнымъ цѣлямъ. Исполняя въ теченіе всей своей жизни должность императорскаго брадобрея, онъ не вмѣшивался да, по своему развитію, и не могъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, но, зная, какъ никто, характеръ государя, косвенно имѣлъ на нихъ громадное вліяніе, умѣя внушать ему извѣстное настроеніе и опредѣлять его отношенія къ людямъ, не стѣсняясь даже клеветою. Когда обнаруживалась невинность оклеветаннаго, Павелъ собственноручно наказывалъ иногда Кутайсова палкою, грозилъ прогнать его, но, цѣня его преданность, въ концѣ концовъ оставлялъ при себѣ. Благодаря поддержкѣ Кутайсова, пользовались довѣріемъ Павла графъ Растопчинъ и графъ Паленъ,—оба ближайшіе сотрудники императора. Растопчинъ, сдѣлавшись графомъ и первымъ чле-

номъ иностранной коллегіи, и въ новомъ своемъ значеніи остался „сумасшедшимъ Ѳедькой“, какъ обыкновенно называла его императрица Екатерина. Несомнѣнно, что онъ тоже преданъ былъ своему „благодѣтелю“, любилъ свое отечество, отличался развитымъ образованнымъ умомъ, но эти его достоинства соединялись съ пронырливостью, самохвальствомъ и наглостью; бросалась въ глаза надменность его къ низшимъ, даже къ иностраннымъ посламъ, которыхъ онъ не допускалъ къ себѣ для личныхъ объясненій по дѣламъ службы, предоставивъ это вице-канцлеру, графу Панину; но въ то же время онъ ухаживалъ за Кутайсовымъ. „Въ теченіе 2-хъ лѣтъ“, писалъ впослѣдствіи Растопчинъ, „я почиталъ Кутайсова человѣкомъ честнымъ и привязаннымъ къ государю, какъ и я, чувствомъ благодарности. Съ нимъ мнѣ можно было говорить о его неровностяхъ, перемѣнчивости, причудахъ, изобличавшихъ въ немъ иногда умоизступленіе, иногда бѣшенство. Мы оба искренно любили государя: я—по чувству чести, онъ же—постоянно оставаясь слугою. Замѣтивъ, что Кутайсовъ сдѣлался слишкомъ развязенъ и неразборчивъ, убѣдившись, что у него нѣтъ другихъ побужденій, кромѣ соблюденія во всемъ личной выгоды, я не только разошелся съ нимъ, но пересталъ посѣщать его и подходить къ нему. И я одинъ такъ дѣлалъ“.

Нельзя допустить, чтобы Растопинъ не зналъ раньше. что за человѣкъ былъ Кутайсовъ, но, очевидно, онъ совершенно не догадывался сначала, что ссора его съ Кутайсовымъ была подготовлена искусною рукою третьяго императорскаго любимца, петербургскаго военнаго губернатора, барона Палена, пожалованнаго Павломъ въ графы и Андреевскіе кавалеры. Это былъ честолюбивый, энергическій и даровитый генералъ, умѣвшій пріобрѣсти довѣріе государя необычайною исполнительностію и усердіемъ къ службѣ. Его открытое, добродушное лицо невольно располагало къ нему каждаго; на самомъ же дѣлѣ, никто не превосходилъ его въ хладнокровіи, въ умѣньи скрывать свои истинныя чувства и мысли и въ разсчитанной жестокости. Изъ всѣхъ ближайшихъ къ государю лицъ онъ одинъ имѣлъ ясныя, опредѣленныя цѣли и лишь онъ одинъ способенъ былъ

идти къ нимъ медленно, осторожно, но съ неуклонною твердостію и послѣдовательностію. Обвороживъ государя своею кажущеюся преданностію его особѣ и усердіемъ къ службѣ, осыпанный его милостями, Паленъ никогда не забывалъ упрека въ „подлости“, который сдѣланъ былъ ему Павломъ въ началѣ его царствованія, надѣялся сыграть въ будущемъ крупную историческую роль,—и съ умысломъ, систематически, приводилъ въ исполненіе всѣ жестокія и необдуманныя распоряженія императора, даже преувеличивая ихъ значеніе. Паленъ зналъ, по какому скользкому пути идетъ онъ, при мнительности и подозрительности государя, но у него не было враговъ; напротивъ всѣ, даже императрица Марія, предубѣжденная противъ всѣхъ новыхъ фаворитовъ своего супруга, считали Палена образцомъ рыцарства и прямодушія. Графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ и подруга жены Палена, еще болѣе утверждала ее въ этомъ мнѣніи. Отъ возможныхъ случайностей Палена спасала дружба съ Кутайсовымъ, а чтобы упрочить за собою будущее, онъ вступилъ въ тѣсную связь съ дворомъ великаго князя Александра Павловича. Желая имѣть всегда точныя и вѣрныя свѣдѣнія о жизни наслѣдника и его супруги, Павелъ Петровичъ назначилъ въ 1799 г. графиню Паленъ гофмейстериной двора великой княгини Елисаветы Алексѣевны. Въ первое время Елисавета Алексѣевна чуждалась графини Паленъ, чопорной и скучной нѣмки, не безъ основанія видя въ ней приставницу, но постепенно графиня сумѣла побѣдить это предубѣжденіе. Впрочемъ, отношенія императора къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, испортившіяся въ 1799 году, измѣнились къ лучшему, когда умерла у нея дочь, великая княжна Марія Александровна. Императоръ повидимому былъ очень огорченъ этой смертью и испуганъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на Елисавету Алексѣевну: она почти не плакала, что очень обезпокоило Павла Петровича.

Кутайсовъ, Растопчинъ и Паленъ были тремя лицами, пользовавшимися дѣйствительнымъ значеніемъ при государѣ. Всѣ прочіе или не пользовались его довѣріемъ, какъ, напримѣръ, вице-канцлеръ графъ Никита Панинъ, или, какъ ге-

нералъ-прокуроръ Обольяниновъ, принадлежали къ типу гатчинцевъ, т. е., исполняя съ усердіемъ и точностію волю государя, они не отличались ни умомъ, ни образованіемъ, и не въ состояніи были возвыситься до болѣе широкаго пониманія государственныхъ дѣлъ, слѣдуя всегда буквѣ повелѣній императора, а не духу ихъ. Самый усердный и сравнительно болѣе развитый въ умственномъ отношеніи гатчинецъ, Аракчеевъ, былъ уволенъ Павломъ въ концѣ 1799 г. за ложное донесеніе. Быть можетъ, самъ Кутайсовъ обязанъ былъ своимъ долгимъ, непрерывнымъ фаворомъ именно тому обстоятельству, что обязанности его ограничивались только личными услугами государю, а не касались служебныхъ дѣлъ, гдѣ Павелъ не прощалъ недобросовѣстности.

Тяготясь своимъ все-увеличивающимся нравственнымъ одиночествомъ, императоръ высказалъ въ началѣ 1800 г. расположеніе примириться съ Нелидовой, которая возвратилась тогда, съ его разрѣшенія, въ Петербургъ и поселилась въ Смольномъ; его прогулки уже направлялись въ ту сторону, и онъ наконецъ выразилъ желаніе увидѣть стараго своего друга. Но императрица Марія своимъ стремленіемъ къ эффектамъ испортила дѣло: она пожелала придать этому примиренію торжественный оттѣнокъ, назначила у себя вечернее собраніе и пригласила къ себѣ императора и Нелидову. Тогда Кутайсовъ и княгиня Гагарина подѣйствовали на самолюбіе Павла Петровича, и онъ прислалъ въ назначенный вечеръ сказать императрицѣ, что не можетъ быть у ея. Съ этого времени Нелидовой пришлось окончательно запереться у себя, въ Смольномъ. Взамѣнъ того на государя начали оказывать вліяніе іезуиты, главой которыхъ въ Россіи явился энергическій и ловкій патеръ Груберъ.

Всѣ эти обстоятельства могутъ уяснить тотъ фактъ, что въ 1800 г. личность и управленіе Павла носили на себѣ въ высшей степени перемѣнчивый характеръ, и тогда, въ полномъ смыслѣ слова, наступило для современниковъ „царство страха". Особенно бросалась въ глаза каждому несоразмѣрность наградъ и наказаній. При малѣйшемъ упущеніи не спасали виновнаго никакія заслуги: желаніе быть

справедливымъ, „не взирая на лица", увлекало Павла Петровича въ противоположную крайность, и онъ совершалъ величайшія несправедливости, чтобы не сказать болѣе. Не было человѣка, котораго заслуги были бы признаны Павломъ въ такой степени, какъ заслуги Суворова; не было отличія, какого бы онъ не далъ ему, какъ писалъ онъ въ рескриптѣ, „за великія дѣла вѣрноподданнаго, которымъ прославляется царствованіе наше": титулъ князя Италійскаго, санъ генералиссимуса, приказъ объ отдаваніи ему воинскихъ почестей, присвоенныхъ лишь императору, памятникъ, воздвигнутый при жизни, — все это служило мѣриломъ признательности государя къ увѣнчанному славой полководцу. Призывая Суворова въ Петербургъ, Павелъ предполагалъ отвести ему покои въ Зимнемъ дворцѣ и устроить тріумфальную встрѣчу. На самомъ же дѣлѣ Суворовъ, больной физически и подавленный нравственно, пріѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1800 г. какъ бы тайкомъ, ночью, остановился у своего племянника, графа Хвостова, и, умирая подъ гнетомъ немилости къ нему государя, не былъ удостоенъ его посѣщеніемъ. Мало того, Павелъ не проводилъ тѣла своего полководца до послѣдняго его жилища: онъ лишь выѣхалъ на путь, по которому шла печальная процессія и поклонился гробу, уронивъ нѣсколько сердечныхъ слезъ; цѣлый день онъ былъ невеселъ и ночью плохо спалъ, часто повторяя: „жаль". Оффиціальнымъ поводомъ къ негодованію Павла на Суворова было то, что Суворовъ, вопреки военному уставу Павла, имѣлъ при себѣ во все время похода дежурнаго генерала, а негласною причиною немилости можно предполагать возбужденное недоброжелателями Суворова самолюбіе Павла, оскорбленнаго признаніемъ Суворова, что артиллерійская, квартирмейстерская и провіантская части находились въ австрійской арміи въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ русской: въ Суворовѣ онъ опять увидѣлъ екатерининскаго генерала, противника его преобразованій, а между тѣмъ недоброжелатели Суворова при дворѣ во-время напомнили государю, что онъ былъ въ родствѣ съ Зубовыми, находившимися въ опалѣ... Таково же было отношеніе Павла и къ войскамъ, возвратившимся изъ похода, гдѣ они покрыли

себя славою и гдѣ ихъ мужество удивляло даже враговъ. Забыты были ихъ подвиги, и въ цѣломъ рядѣ приказовъ сдѣланы были выговоры за то, что „инспекторы и шефы полковъ мало прилагали стараній къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ было императорскому величеству угодно, и слѣдственно... сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службы“, или „за то, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе; даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ“ и т. п. Словомъ, государь былъ недоволенъ, что многіе изъ введенныхъ имъ плацпарадныхъ экзерцицій оказывались непригодны на поляхъ военныхъ дѣйствій. Когда великій князь Константинъ Павловичъ, возвратившись изъ швейцарскаго похода, доложилъ государю о неудобствахъ обмундированія арміи, оказавшихся въ походѣ, и представилъ образецъ пригоднаго солдатскаго обмундированія, Павелъ былъ крайне недоволенъ, найдя, что образецъ этотъ напоминаетъ „потемкинскую“ форму. Неудачи въ Швейцаріи и Голландіи, гдѣ командовали войсками плацпарадные генералы: Корсаковъ и Германъ, государь старался объяснить именно отступленіями отъ изданнаго имъ устава. 10 августа 1800 года объявленъ былъ приказъ: „его императорское величество даетъ на замѣчаніе генераламъ инспекціи финляндской, что они видятъ сами, сколь далеки они даже отъ того, чтобы быть генералами даже посредственными, и что пока они будутъ таковы—вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты“.

Полицейская опека надъ частною жизнію подданныхъ, боязнь „моральной язвы“, также не ослабѣвали, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно находилъ себѣ пищу никогда не умиравшій въ душѣ Павла Петровича страхъ заговоровъ и какого-либо переворота. Паленъ, пользуясь поддержкою Кутайсова, умѣлъ однако направлять подозрѣнія императора и гнѣвъ его сообразно своимъ цѣлямъ. 18 апрѣля 1800 г. послѣдовалъ указъ сенату: „Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго

рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку". Даже академіи наукъ воспрещено было выписывать книги изъ-за границы. Въ самомъ Петербургѣ, подъ вліяніемъ разныхъ неосновательныхъ доносовъ, начались полицейскія строгости. „Негодяи", говоритъ Коцебу, „злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе и даже такіе, въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало владычества ужаса". Преданный государю Коцебу самъ засыпалъ всегда со страшными предчувствіями и вскакивалъ ночью при каждомъ шумѣ. На его примѣрѣ легко видѣть, въ какомъ состояніи духа находился каждый житель Петербурга въ то время. Проѣзжая по улицѣ, онъ смотрѣлъ во всѣ стороны, стараясь угадать, не ѣдетъ ли императоръ, чтобы своевременно отдать ему честь; онъ осматривалъ цвѣтъ и покрой одежды—нѣтъ ли чего въ нихъ противнаго указу; въ театрѣ, мѣстѣ его службы, онъ долженъ былъ угождать посредственностямъ, покровительствуемымъ Кутайсовымъ, и его фавориткѣ, г-жѣ Шевалье, а во время спектаклей трепеталъ при мысли, что недремавшая (только для вздорныхъ доносовъ) полиція или ея тайные агенты найдутъ двусмысленныя или колкія выраженія въ разрѣшенныхъ имъ для игры пьесахъ. Всякій разъ, когда его жена и дѣти запаздывали на прогулкахъ, онъ боялся, что ихъ арестовали за неотданіе чести и посадили въ тюрьму. Разговоровъ съ кѣмъ-нибудь онъ чуждался, опасаясь доносовъ; писать онъ не могъ, потому что рукописи могли быть захвачены и превратно истолкованы, читать—также, такъ какъ всѣ иностранныя книги были запрещены. Въ довершеніе всего, осенью, зимою и весною, когда, по дѣламъ, ему приходилось идти около дворца, онъ бѣжалъ, чтобы не получить простуды, потому что, во всякое время года и при самой ужасной погодѣ, нужно было слѣдовать мимо дворца съ непокрытой головой, встрѣчая, почти на каждомъ шагу, кибитки съ ссыльными или людей, ведомыхъ подъ конвоемъ для наказанія". „Я сошлюсь", прибавляетъ Коцебу, „на всѣхъ жителей Петербурга, когда бы кто рѣшился упрекнуть меня

въ преувеличеніи... О, если бы государь зналъ это! Онъ, который сердечно желалъ счастія своимъ подданнымъ!“ Между тѣмъ, на Дону казненъ былъ, вопреки приказанію императора, преданный ему полковникъ Грузиновъ, котораго Паленъ и его сообщники не желали допустить въ Петербургъ, а въ самомъ Петербургѣ лейтенантъ Акимовъ, за эпиграмму на построеніе Исаакіевскаго собора, сосланъ былъ въ Сибирь съ урѣзаніемъ языка; пасторъ Зейдеръ, обвиненный въ томъ, что имѣлъ запрещенныя книги въ своей библіотекѣ, — былъ наказанъ кнутомъ; генералъ-лейтенантъ князь Сибирскій, по неосновательному доносу, закованъ былъ въ кандалы и также сосланъ. Военные вообще чаще подвергались всякаго рода взысканіямъ. Конногвардейскій полкъ въ началѣ 1800 г. переведенъ былъ въ Царское Село и отданъ для обученія великому князю Константину Павловичу; говорили, что, въ припадкѣ гнѣва на оплошность офицеровъ этого полка, у императора вырвалось даже слово: „въ Сибирь!“ Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ въ маѣ 1800 г., по приговору военнаго суда, утвержденному императоромъ, прогнанъ былъ чрезъ строй и получилъ 1000 ударовъ шпицрутеномъ. Рѣдкій вахтъ-парадъ обходился безъ наказаній. Изъ ряда многихъ странныхъ распоряженій Павла за это время нельзя пройти молчаніемъ того, что въ ноябрѣ запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору почти всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ на это право, за исключеніемъ лицъ, ближайшихъ къ императору, такъ какъ они оказались „невѣжами“, апплодируя на придворномъ спектаклѣ, а въ январѣ 1801 г. прусскій купецъ Ширмеръ, ходатайствовавшій о дозволеніи учредить общество, „въ коемъ гражданскіе чиновники, купцы и художники могли бы найти препровожденіе времени по вечерамъ“,—посаженъ былъ на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду, и затѣмъ высланъ за границу; еще ранѣе запрещено было офицерамъ посѣщать общественныя собранія. Разборомъ всѣхъ доносовъ и усерднымъ не по разуму исполнителемъ рѣшеній императора былъ, кромѣ Палена, „гатчинецъ“, генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, не вѣдавшій, что творилъ. „Время это было самое ужасное“, разсказываетъ одинъ изъ его подчиненныхъ, Мертваго: „государь былъ на многихъ

въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни, Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ (духоборцевъ), разбиралъ основаніе ихъ секты; многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли въ поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шепоты, и радъ бы не знать того. что разсказываютъ". Замѣчательно, что именно въ это время, въ апрѣлѣ 1800 г., Павелъ говорилъ шведскому послу Стединку: „Меня выставляютъ за ужаснаго, невыносимаго человѣка, а я не хочу никому внушать страха". Еще замѣчательнѣе, что самое спокойное время въ 1800 г. въ Петербургѣ было въ сентябрѣ и октябрѣ, когда графъ Паленъ былъ назначенъ командовать арміей на прусской границѣ, а должность петербургскаго военнаго губернатора съ 14 августа исполнялъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ.

V.

Начало заговора для устраненія Павла отъ престола. — Панинъ, Витвортъ, Жеребцова и Рибасъ.—Смерть Рибаса, удаленіе Панина.—Разрывъ съ Англіей. — Дѣйствія графа Палена. — Михайловскій замокъ.— Тревожное состояніе умовъ, изолированное положеніе императора.— Приготовленія гр. Палена. — Подозрительность императора.—Ночь съ 11-е на 12-е марта.—Участіе войскъ.—Впечатлѣніе, произведенное кончиной Павла на современниковъ. — Погребеніе императора Павла.— Участь заговорщиковъ.

Тревожное состояніе умовъ въ Петербургѣ вполнѣ совпадало съ планами лицъ, стремившихся къ устраненію Павла отъ престола и къ установленію регенства въ Россіи, такъ какъ казалось, что государь страдаетъ психическимъ разстройствомъ. Мысль о возможности установленія регентства укрѣплялась подобными примѣрами, бывшими незадолго до этого времени въ Англіи и Даніи. Начало свое мысль эта получила въ бесѣдахъ честолюбиваго вице-канцлера

графа Панина съ англійскимъ посломъ Витвортомъ, который въ маѣ 1800 г. долженъ былъ оставить Россію. Уже въ мартѣ 1800 г., когда Павелъ отвернулся отъ Англіи, Витвортъ въ секретной депешѣ писалъ своему правительству: „мы должны быть приготовлены ко всему, что бы ни случилось. Но фактъ, хотя я съ сожалѣніемъ сообщаю,—что императоръ буквально не въ своемъ умѣ. Уже нѣсколько лѣтъ это извѣстно ближайшимъ къ нему лицамъ, и я самъ имѣлъ нѣсколько случаевъ за этимъ наблюдать. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ, его умопомѣшательство постепенно усиливалось и въ настоящее время приводитъ каждаго въ сильнѣйшее безпокойство. Въ этомъ-то и кроется роковая причина многаго, что случилось, и къ той же причинѣ мы должны будемъ отнести и новыя сумасбродныя выходки, какія, можетъ быть, намъ придется оплакивать. Императоръ не руководится въ своихъ поступкахъ никакими опредѣленными правилами или принципами. Всѣ его дѣйствія суть послѣдствія каприза или разстроенной фантазіи, стало быть нѣтъ и не можетъ быть ничего вѣрнаго. По причинамъ, слишкомъ посторроннимъ, чтобы ихъ объяснить, я прилагалъ всѣ усилія, какъ можно далѣе устранять эту роковую причину всѣхъ нашихъ обманутыхъ ожиданій. Я никогда ни на минуту не терялъ изъ виду огромной важности извлечь изъ его характера всевозможныя для насъ выгоды и хранилъ замкнутыми въ своей груди тревожныя опасенія, сопровождавшія всѣ мои труды. Но, какъ бы то ни было, истина должна быть открыта, наконецъ; мы должны знать, отъ чего зависятъ наши дѣла, но въ то же время мы не должны забывать, что императоръ, каковъ онъ ни есть, самодержавный владѣтель могущественной, связанной природою съ Англіей имперіи, изъ которой исключительно мы можемъ добывать средства для поддержанія первенства нашей морской силы". Другъ Витворта, Ольга Александровна Жеребцова, сестра опальныхъ Зубовыхъ, и графъ Панинъ привлекли затѣмъ къ участію въ заговорѣ вице-адмирала Рибаса, хитраго и продажнаго, но ловкаго и способнаго человѣка, только что уволеннаго Павломъ отъ завѣдыванія лѣснымъ департаментомъ за обнаруженіе хищенія: неаполитанецъ по происхожденію, онъ

пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, принявъ участіе въ похищеніи извѣстной княжны Таракановой, и упрочилъ свою карьеру женитьбой на побочной дочери Бецкаго. Прослѣдить за первоначальными дѣйствіями этихъ друзей весьма трудно, но извѣстно, что въ сентябрѣ графъ Панинъ напрасно пытался подать государю записку о необходимости сближенія съ Англіей и Пруссіей, а въ то же время въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ Рибасъ игралъ важную роль, не смотря на то, что ожидали войны съ Англіею, высочайшіе приказы за сентябрь и октябрь наполнены были болѣе, чѣмъ когда-либо, увольненіями отъ службы и въ отпускъ офицеровъ балтійскаго флота, который для войны съ Англіей необходимъ былъ въ полномъ своемъ составѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ октябрѣ, графъ Панинъ открылся петербургскому военному губернатору Свѣчину, что онъ стоитъ во главѣ заговора противъ императора, что предположено заставить императора отказаться отъ престола и возвести на него великаго князя Александра. Панинъ спрашивалъ затѣмъ, какое рѣшеніе думаетъ въ виду этого принять самъ Свѣчинъ, какъ командующій войсками въ Петербургѣ. Генералъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе Панина принять участіе въ заговорѣ, но объявилъ, что не измѣнитъ его довѣрію, чтобы доносомъ пріобрѣсти милость государя: „законъ“, прибавилъ онъ, „даетъ мнѣ право и всѣ средства исполнить мою обязанность“. Спустя нѣсколько дней къ Свѣчину явился Рибасъ съ тѣмъ же вопросомъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. „Спустя два дня“, пишетъ Свѣчинъ въ своихъ запискахъ, „я утромъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ того дня—отставленъ отъ службы“. На его мѣсто 27 октября снова назначенъ былъ Паленъ, вошедшій уже въ тѣсную связь съ заговорщиками. Увольненіе Свѣчина современники объясняли интригой Кутайсова: на одной дочери Лопухина, сестрѣ фаворитки, женатъ былъ старшій сынъ его, Павелъ, а на другой—сынъ Жеребцовой, Александръ. Въ то же время Жеребцова польстила Кутайсову, сообщивъ ему, что, будто-бы, братъ ея, князь Платонъ Зубовъ, желаетъ жениться на его дочери. Восхищенный Кутай-

совъ, съ своей стороны, убѣдилъ государя простить братьевъ Зубовыхъ и вызвать ихъ въ Петербургъ. Зубовы пріѣхали въ Петербургъ въ ноябрѣ и осыпаны были милостями императора: имъ возвращены были ихъ имѣнія, и оба они были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ. Тогда же, 2 ноября, графъ Паленъ исходатайствовалъ у императора неслыханную дотолѣ милость: высочайшимъ указомъ сенату дозволено было всѣмъ выбывшимъ или исключеннымъ изъ службы военной или гражданской вновь вступить на службу; но при этомъ съ умысломъ сдѣлана была странная оговорка, чтобы всѣ таковые явились въ Петербургъ для личнаго представленія государю. Такимъ образомъ, въ скоромъ времени собралось въ столицѣ около 2000 человѣкъ, хотя и прощенныхъ, но дважды озлобленныхъ противъ императора, такъ какъ многіе изъ нихъ, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ три или четыре тысячи верстъ до Петербурга, чтобы потомъ пройти, быть можетъ, столько же до назначенныхъ имъ полковъ, а многіе — и вовсе не были приняты обратно на службу. Цѣлью Палена было увеличить въ Петербургѣ число людей, готовыхъ при случаѣ на все...

Въ это время уже начались непріязненныя дѣйствія Россіи противъ Англіи: 23 октября графъ Растопчинъ, по повелѣнію императора, объявилъ о наложеніи амбарго на англійскія суда, находившіяся въ русскихъ портахъ, въ отплату англичанамъ за захватъ Мальты, и начались дѣятельныя приготовленія Россіи къ войнѣ съ Англіей. Случайно заболѣлъ въ это время президентъ адмиралтействъ-коллегіи, графъ Кушелевъ, и Рибасъ долженъ былъ, вмѣсто него, докладывать дѣла императору. Ловкость докладчика, его увѣренность въ счастливомъ исходѣ войны и сдѣланныя имъ предположенія объ оборонѣ Кронштадта очень понравились Павлу, и онъ тотчасъ же началъ оказывать ему благоволеніе; говорили, что коварный Рибасъ, польщенный этимъ, думалъ уже открыть императору планы заговорщиковъ. Случилось, однако, что Рибасъ внезапно заболѣлъ и скоро умеръ: есть извѣстіе, что ему подано было „по ошибкѣ“ вредное лѣкарство. Панинъ лично безотлучно дежурилъ при

больномъ, чтобы не дать ему проговориться даже на исповѣди. Панинъ уже лишился тогда вице-канцлерскаго мѣста и былъ назначенъ въ сенаторы, но около 20 декабря вызвалъ на себя по ничтожному поводу неудовольствіе государя и былъ высланъ въ подмосковную деревню. Незадолго до своей опалы онъ нѣсколько разъ видѣлся съ великимъ княземъ Александромъ, встрѣчаясь съ нимъ въ банѣ, и убѣждалъ его принять на себя бремя правленія, но великій князь отвергалъ это предложеніе. Послѣ удаленія Панина главой заговора сдѣлался графъ Паленъ, давшій ему другое направленіе.

4 декабря между Россіею и Швеціею заключенъ былъ союзъ противъ Англіи, которымъ ограждалась свобода морской торговли, а затѣмъ къ этому союзу приступили Пруссія и Данія. Союзъ Россіи съ Франціей былъ также обезпеченъ, такъ что противъ Англіи составилась грозная, еще невиданная коалиція морскихъ державъ. Король шведскій прибылъ въ Петербургъ, чтобы личнымъ свиданіемъ съ государемъ изгладить старыя недоразумѣнія,—но тщеславный и упорный нравъ его привелъ къ новому охлажденію къ нему Павла. Императоръ встрѣтилъ короля съ большимъ почетомъ и съ выраженіями полной дружбы, но король поступалъ такъ неосторожно, что Павелъ часто чувствовалъ себя оскорбленнымъ и сталъ питать отвращеніе къ своему гостю. Однажды, увидѣвъ въ балетѣ красныя шапочки на танцовщицахъ, король сказалъ, что эти шапки якобинцевъ. „Можетъ быть“, отвѣтилъ сухо императоръ, „но у меня ихъ нѣтъ“. Въ другой разъ Густавъ-Адольфъ пригласилъ Павла пріѣхать въ Швецію, обѣщая ему показать свою гвардію и выражая этимъ сомнѣніе на счетъ великаго совершенства русскихъ гвардейцевъ. „Слова эти“, говоритъ современникъ, „тѣмъ болѣе возмутили Павла, что король, въ глазахъ императора, былъ ничтожный королекъ, а этимъ предложеніемъ онъ ставилъ себя наравнѣ съ нимъ, всемогущимъ самодержцемъ всея Россіи“. Когда во время церемоніальнаго марша императоръ, во главѣ войскъ, лично отдалъ честь высокому гостю, гость этотъ отвѣтилъ только легкимъ наклоненіемъ головы. Король, наконецъ, не принялъ оффиціальнаго письма

императора, потому что въ титулѣ былъ пропущенъ титулъ его „норвежскаго наслѣдника“. Тѣмъ не менѣе Павелъ Петровичъ дружелюбно разстался съ королемъ и на другой день предъ самымъ его отъѣздомъ, послалъ къ нему графа Растопчина просить орденъ Серафимовъ для своего оберъ-шталмейстера, графа Кутайсова. Король отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Кутайсовъ еще не имѣетъ ордена св. Андрея. Тогда императоръ, въ высшей степени разгнѣванный этимъ отказомъ, въ ту же минуту велѣлъ возвратиться придворной кухнѣ и свитѣ, назначенной провожать короля до границы, такъ что безъ помощи одного финскаго священника король и его дворъ не имѣли бы пропитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ, чтобы загладить обиду, которую осмѣлились нанести его любимцу, поспѣшилъ тотчасъ наградить его орденомъ св. Андрея. Союзъ со Швеціей тѣмъ не менѣе остался въ силѣ. Кронштадтъ приготовлялся къ оборонѣ, поспѣшно собирались отпускные офицеры балтійскаго флота, для защиты береговъ собрана была армія; приняты были мѣры даже для обороны Соловковъ. Желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, „атаковать англичанъ тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ“, императоръ, съ одной стороны, просилъ перваго консула сдѣлать диверсію нападеніемъ на берега Англіи, а съ другой — 12 января 1800 г. далъ приказаніе атаману войска донского Орлову двинуться съ донскими полками въ походъ на Индію. Казаки, исполняя приказъ государя, 27 февраля тронулись въ путь, но 18 марта успѣли только переправиться чрезъ Волгу и вслѣдъ за тѣмъ получили извѣстіе о кончинѣ императора. Нѣтъ сомнѣнія, что походъ этотъ, мало обдуманный и вовсе неподготовленный, не привелъ бы къ желаемой цѣли, такъ какъ неизвѣстна была даже дорога въ Индію, но та же неизвѣстность царила и въ Англіи относительно возможности этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что одновременно съ вѣстію о ней тамъ узнали о расширеніи предѣловъ Россіи за Кавказомъ: 18 января 1801 г., по завѣщанію послѣдняго грузинскаго царя Георгія, совершилось добровольное присоединеніе къ Россіи Грузіи. Все это произвело въ Англіи сильное впечатлѣніе, особенно

въ торговыхъ сферахъ Лишь одинъ Лондонскій кабинетъ, ко всеобщему удивленію, сохранялъ видимое спокойствіе и только въ концѣ февраля 1801 г. отправилъ въ Балтійское море эскадру, подъ начальствомъ Нельсона. Это спокойствіе впослѣдствіи объясняли тѣмъ, что въ Лондонѣ не только знали о готовящемся заговорѣ на жизнь императора Павла, но даже способствовали успѣхамъ заговора деньгами. Многіе современники (напр., братъ фаворитки, кн. Лопухинъ) были убѣждены въ этомъ, но разумѣется документальныхъ данныхъ отыскать нельзя, тѣмъ болѣе, что о секретныхъ дѣлахъ въ Англіи министры, даже при смѣнѣ, передавали другъ другу на словахъ. Лопухинъ, сестра котораго была замужемъ за сыномъ Ольги Александровны Жеребцовой, утвердительно говорилъ, что Жеребцова получила въ Англіи уже послѣ кончины Павла 2 милліона рублей для раздачи заговорщикамъ, но присвоила ихъ себѣ. Спрашивается, какія же суммы были переданы въ Россію ранѣе? Питтъ, стоявшій тогда во главѣ англійскаго министерства, никогда не отказывалъ въ субсидіяхъ на выгодныя для Англіи дѣла на континентѣ, а Наполеонъ, имѣвшій безспорно хорошія свѣдѣнія, успѣхъ договора на жизнь императора Павла прямо объяснялъ дѣйствіемъ англійскаго золота. Какъ бы то не было, участіе Англіи въ заговорѣ—вопросъ пока открытый, хотя несомнѣнно интересы ея и договарщиковъ были въ данномъ случаѣ тождественны, а отсутствіе англійскаго посла при русскомъ дворѣ вознаграждалось существованіемъ въ Петербургѣ тайныхъ англійскихъ агентовъ, въ томъ числѣ Жеребцовой. Эта дама, извѣстная своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ, по смерти Павла жила нѣкоторое время въ Лондонѣ, была любовницей короля Георга и привезла съ собою въ Россію сына, по фамиліи Нордъ, выдавая его за сына короля Георга.

Разрывъ съ Англіей какъ нельзя болѣе согласовался съ планами заговорщиковъ. Отпускная торговля наша цѣликомъ была въ рукахъ англичанъ, вывозившихъ русское сырье: хлѣбъ, кожу, лѣсъ и т. д. Прекращеніе этой торговли совпало со временемъ осеннихъ запродажъ, и появившіяся низкія цѣны на сырье ложились тяжелымъ бременемъ на

дворянство и купечество. Осуждали политику государя. увѣряли, что Кронштадтъ не выдержитъ бомбардированія англійскаго флота, и предрекали Петербургу неминуемую гибель. Этими слухами и внушеніями думали, говоритъ де-Сангленъ, приготовить публику, и безъ того недовольную, и безъ того крайне настроенную...

Графъ Паленъ, послѣ удаленія Панина поставившій цѣлью заговора совершенное устраненіе Павла отъ престола какою бы то ни было цѣною,—не терялъ времени. Не питая довѣрія къ характеру Платона Зубова, котораго считалъ онъ человѣкомъ ничтожнымъ и пустымъ, Паленъ избралъ правою рукою своею генерала Беннигсена, находившагося на русской службѣ, но бывшаго подданнымъ англійскаго короля по ганноверскому своему происхожденію. Беннигсенъ, подобно многимъ другимъ, былъ сначала уволенъ изъ службы, но, вслѣдствіе запрещенія государя, не могъ выѣхать за границу и затѣмъ получилъ назначеніе служить на кавказской линіи. Паленъ вызвалъ его въ Петербургъ и заранѣе ввелъ его во всѣ подробности заговора, предназначая ему роль главнаго исполнителя. Государь только что переѣхалъ, 1 февраля 1801 г., въ новый дворецъ свой, Михайловскій замокъ, построенный на мѣстѣ разобраннаго Лѣтняго дворца, въ которомъ государь родился. „На томъ мѣстѣ, гдѣ родился, хочу и умереть“, говорилъ императоръ. Разсказывали, что построеніе этого замка связано было съ мистическими воззрѣніями Павла и видѣніемъ часовому, при восшествіи Павла на престолъ, св. Архангела Михаила, въ честь котораго освящена была церковь замка и нареченъ младшій сынъ императора. Дворецъ былъ заложенъ 26 февраля 1797 года и строился 4 года. 8 ноября 1800 г., въ день Архангела Михаила, происходило освященіе замка, а 1-го февраля 1801 г. императоръ поспѣшилъ поселиться въ новомъ, великолѣпномъ, но еще сыромъ и не вполнѣ отдѣланномъ своемъ жилищѣ, чтобы успѣть пожить въ немъ до отправленія своего въ Москву, гдѣ онъ предполагалъ весною произвести смотръ войскамъ московской инспекціи Михайловскій замокъ, по наружному виду, представлялъ рыцарскую крѣпость, окруженную рвами и гранитными

брустверами, на которыхъ стояли орудія; сообщеніе производилось по подъемнымъ мостамъ, у которыхъ стояли караулы, но никакихъ подземныхъ ходовъ, о которыхъ ходила молва, въ замкѣ не было.

Нельзя отрицать, что въ столицѣ все общество, имѣвшее значеніе, было враждебно настроено противъ Павла. Аристократія, офицеры гвардіи, всѣ люди мыслящіе,—никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и всѣ чувствовали озлобленіе противъ государя, попиравшаго ихъ насущные интересы и стѣснявшаго даже частную жизнь. Въ Михайловскомъ замкѣ, среди своего двора, Павелъ окруженъ былъ въ сущности своими врагами; люди же возвышенные имъ: Кутайсовъ, Обольяниновъ и др. гатчинцы ни по своему уму, ни по характеру не могли быть для него поддержкой: это были лишь рабы, исполнители, слуги прихотей государя. Не понимая положенія дѣлъ, Кутайсовъ даже помогалъ во многомъ заговорщикамъ, сдѣлался ихъ безсмысленнымъ орудіемъ, льстясь на знатное родство съ Зубовыми, на еще бóльшее свое обогащеніе. Деспотъ желалъ имѣть возлѣ себя однихъ лишь рабовъ—и въ этомъ заключался главный источникъ его гибели. Рабы сдѣлались орудіемъ предателей; люди же, преданные Павлу, по ихъ навѣтамъ, были постепенно изгоняемы изъ столицы. Павелъ скоро началъ чувствовать вокругъ себя пустыню... Заговорщики успѣли проникнуть даже въ интимную жизнь императора. Сынъ Жеребцовой женатъ былъ на сестрѣ княгинѣ Гагариной, а простосердечная княгиня разсказывала своимъ родственникамъ все, что довѣрялъ ей государь.

Для завершенія коварныхъ дѣйствій графа Палена и его сообщниковъ нужно было убѣдить великаго князя Александра въ истинѣ распущенныхъ по городу слуховъ, что Павелъ Петровичъ собирается заключить супругу свою въ монастырь, а старшихъ сыновей своихъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Слухи эти ничѣмъ, однако, не подтверждались, хотя подозрительность императора часто обращалась на старшаго его сына. Извѣстно только, что государь однажды, когда великій князь ходатайствовалъ предъ нимъ за нѣкоторыхъ провинившихся офицеровъ, увидѣлъ въ

этомъ ходатайствѣ стремленіе сына къ популярности, въ ущербъ себѣ, и, поднявъ свою палку, съ гнѣвомъ закричалъ на него: „я знаю, что ты злоумышляешь противъ меня!“ Великая княгиня Елисавета бросилась между отцомъ и сыномъ, и Павелъ ушелъ, пыхтя отъ гнѣва. Этимъ предубѣжденіемъ государя и воспользовался Паленъ для достиженія своихъ цѣлей: онъ старался вооружить отца противъ сыновей, а великихъ князей увѣрялъ, что заботится объ оправданіи ихъ поступковъ предъ ихъ родителемъ. Въ то же время Паленъ удалилъ, съ помощью Кутайсова, послѣдняго человѣка который могъ бы стать ему поперекъ дороги. Растопчинъ, какъ директоръ почтъ, перехватилъ письмо, гдѣ шла рѣчь будто-бы о Цинцинатѣ—Репнинѣ, впавшемъ въ немилость Павла, и, донеся о немъ императору, приписалъ его Панину, давнему своему сопернику. Ошибка или злоумышленіе Растопчина вскорѣ обнаружилось: авторомъ оказалось другое лицо; но Кутайсовъ воспользовался случаемъ, чтобы погубить стараго своего пріятеля. Объяснили дѣйствіе Растопчина въ самомъ черномъ видѣ, хотя почеркъ Панина былъ извѣстенъ самому государю. „Это чудовище!“ воскликнулъ Павелъ: „онъ хотѣлъ сдѣлать меня орудіемъ частной мести!“ 20 февраля Растопчинъ былъ уже уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и уѣхалъ въ подмосковную свою деревню: изъ предосторожности его не допустили даже проститься съ государемъ. Его должности: перваго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и директора почтъ—переданы были тому же Палену, и безъ того всемогущему.

Но уже 9 марта случилось нѣчто неожиданное. Павелъ былъ кѣмъ-то предувѣдомленъ о заговорѣ, началъ бояться Палена, давши ему въ руки такую всеобъемлющую власть. При обычномъ докладѣ Палена императоръ невзначай спросилъ его, возможно ли теперь повтореніе событій 1762 г. Паленъ хладнокровно отвѣтилъ на это, что нѣкоторые и теперь задумываютъ подобное покушеніе, но исполнить его не такъ легко, какъ прежде: войско тогда не было еще въ рукахъ государя, и полиція не такъ дѣйствовала, какъ теперь. Предположивъ затѣмъ изъ дальнѣйшихъ словъ Павла

что онъ, быть можетъ, хорошо освѣдомленъ о заговорѣ, широко распространявшемся среди офицеровъ гвардіи, Паленъ съ твердостью объяснился что онъ самъ стоитъ во главѣ одного заговора для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями заговорщиковъ, потому что не имѣетъ силы помѣшать имъ теперь же, такъ какъ въ немъ принимаютъ участіе императрица, наслѣдникъ и другіе члены царской семьи; вслѣдъ затѣмъ онъ добавилъ, что не можетъ отвѣчать за безопасность государя, пока не будетъ имѣть въ рукахъ письменнаго повелѣнія, арестовать, въ случаѣ надобности, великаго князя Александра Павловича и другихъ членовъ императорской фамиліи. Получивъ такимъ способомъ отъ государя это повелѣніе, Паленъ немедленно показалъ его великому князю Александру.

Яркими красками Паленъ описалъ великому князю послѣдствія, къ какимъ приведетъ его дальнѣйшее упорство въ отказѣ на низверженіе отца съ престола, бѣдствія, которыя постигнутъ всю царскую семью. Испуганный великій князь далъ свое согласіе на то, чтобы у Павла исторгнуто было отреченіе отъ престола, а Паленъ поклялся, что жизнь государя будетъ въ безопасности. Однако императоръ, разставшись съ Паленомъ, очевидно, хранилъ въ себѣ сѣмена недовѣрія къ нему и поэтому, не говоря ему ни слова, послалъ за врагомъ Палена, Аракчеевымъ, жившимъ въ Грузинѣ, при чемъ самъ подписалъ подорожную, вмѣсто генералъ-губернатора. Но Паленъ перехватилъ фельдъ-егеря и представилъ государю пакетъ и подорожную, какъ подложные. Павлу пришлось лично подтвердить свое приказаніе и такимъ образомъ волей-неволей обнаружить свою подозрительность. Паленъ былъ чрезвычайно встревоженъ этимъ, и безпокойство его еще болѣе увеличилось, когда онъ узналъ, что княгинѣ Гагариной Павелъ сказалъ, что чрезъ нѣсколько дней онъ „нанесетъ великій ударъ“, а Кутайсову, что „чрезъ 5 дней онъ увидитъ великія дѣла“. Надобно думать, что императоръ имѣлъ причины подозрѣвать заговоръ еще ранѣе, такъ какъ еще 21 февраля, призвавъ къ себѣ великаго князя Александра Павловича, Обольянинова и Куракина, объявилъ имъ, что ждетъ въ ближай-

шемъ будущемъ „рожденія двухъ своихъ дѣтей, которыя если родятся мужского пола, получатъ имена: старшій—Никиты, а младшій — Филарета, съ фамиліею Муспныхъ-Юрьевыхъ, а если родятся женскаго пола, то наречены будутъ: старшая—Евдокіею, а младшая—Маръою, съ полученіемъ той же фамиліи": дѣтямъ этимъ назначено было по 1.000 душъ *). Чѣмъ объяснить эти предсмертныя заботливыя распоряженія императора, какъ не гнѣздившеюся въ его душѣ боязнью грядущаго?

Встревоженный Паленъ спѣшилъ осуществленіемъ замысла, назначеннымъ первоначально на 15 марта, до пріѣзда Аракчеева. Въ дѣйствительности, успѣхъ заговора висѣлъ на волоскѣ, такъ какъ солдаты гвардіи всѣ преданы были императору, и даже среди 60 офицеровъ, вовлеченныхъ въ заговоръ, многіе попали туда довѣряя лишь распущеннымъ Паленомъ слухамъ объ опасности, угрожавшей великому князю Александру. Нѣкоторые готовы были даже предать заговорщиковъ, если бы ихъ не удерживала боязнь, что Павелъ, не повѣривъ доносу, выдастъ ихъ головой тому же Палену. Большинство офицеровъ не вѣдало о существованіи заговора, а изъ полковыхъ командировъ единомышленниками Палена являлись только трое: Талызинъ — Преображенскаго, Депрерадовичъ—Семеновскаго и Уваровъ—Кавалергардскаго. Несчастіе Павла заключалось въ томъ, что онъ самъ создалъ вокругъ себя пустыню, самъ отдалъ себя въ руки своимъ врагамъ. Пріѣздъ Аракчеева, энергичнаго и преданнаго императору человѣка, многое могъ перевернуть вверхъ дномъ, и что тогда могло бы произойти съ Паленомъ, и заговорщиками, съ великимъ княземъ Александромъ? Слухи о заговорѣ невидимыми путями уже расходились по Петербургу; 11-го марта даже извозчики говорили о „концѣ", указывая на Михайловскій замокъ. Жеребцова, въ ожиданіи развязки, еще въ началѣ марта уѣхала

*) Младшая дочь, Маръа Павловна, осталась въ живыхъ, но умерла въ младенчествѣ; воспитывалась въ Павловскѣ подъ наблюденіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Матерью ея была камеръ-фрау императрицы, дворянка Юрьева.

за границу... Паленъ назначилъ день осуществленія намѣреній заговорщиковъ на 11-е марта.

11 марта императоръ, по обычаю, былъ на вахтъ-парадѣ, но никто на немъ не подвергся его гнѣву. Но послѣ парада Паленъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи явиться къ нему на квартиру. Пріѣхавъ изъ дворца, онъ съ мрачнымъ видомъ сказалъ имъ: „Господа! Государь приказалъ объявить вамъ, что онъ службой вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность и невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что если онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то, онъ приказалъ вамъ сказать, онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и вести себя лучше“. Вслѣдъ затѣмъ Паленъ далъ приказаніе выпустить изъ Петропавловской крѣпости нѣсколькихъ особенно преданныхъ офицеровъ и назначилъ заговорщикамъ собраться вечеромъ къ 10 часамъ у командира Преображенскаго полка, Талызина. Сюда должны были явиться братья Зубовы, Беннигсенъ, начальникъ гвардейской артиллеріи кн. Яшвиль, офицеры гвардіи Аргамаковъ, Татариновъ и мн. другіе. Караулы во дворцѣ назначены были отъ полковъ Преображенскаго, Семеновскаго, Кавалергардскаго и конногвардейскаго. Офицеры — конногвардейцы не участвовали въ заговорѣ; поэтому Паленъ убѣдилъ Павла, что они заражены якобинствомъ, надѣясь на то, что караулъ конногвардейскій, расположенный у самой спальни императора, будетъ снятъ, по его приказанію. Но, въ сущности, многое предоставлено было случайности, твердой увѣренности въ успѣхѣ быть не могло, да и конечная цѣль предпріятія—цареубійство ясной была лишь вожакамъ: Палену, Бенингсену и Зубовымъ. Не будучи увѣренъ въ успѣхѣ предпріятія, Паленъ уже обдумалъ, какія нужно принять мѣры, чтобы самому выйти сухимъ изъ воды въ случаѣ неудачи.

Павелъ также принималъ мѣры къ своей охранѣ, но не зналъ, кому онъ можетъ довѣриться, не зналъ даже, когда и при какихъ условіяхъ онъ долженъ бояться за свою

безопасность. Если онъ имѣлъ достовѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ, то время, первоначально опредѣленное для дѣйствій заговорщиковъ—11-е марта, давало ему еще нѣкоторую свободу дѣйствій, а ожидаемое съ часу на часъ прибытіе Аракчеева вселяло увѣренность въ будущее. Поэтому весь день 11-го марта императоръ Павелъ не проявлялъ особой тревоги, хотя и обнаружилъ свою подозрительность: въ этотъ день онъ утромъ приказалъ Обольянинову привести великихъ князей Александра и Константина къ новой присягѣ на вѣрность себѣ, а вечеромъ велѣлъ снять конногвардейскій караулъ у дверей своей спальни, поставивъ вмѣсто него двухъ камеръ-гусаровъ. „Вы—якобинцы", сказалъ онъ призванному для этого и крайне удивленному полковнику Саблукову и, на его возраженіе, отвѣчалъ: „а я лучше знаю". Присутствовавшій при этой сценѣ въ свитѣ императора генералъ Уваровъ, бывшій въ заговорѣ, дѣлалъ при этомъ гримасы изъ-за спины императора: онъ хорошо зналъ, чьихъ рукъ было это дѣло. Другой выходъ изъ спальни императора велъ въ покои императрицы Маріи, не подозрѣвавшей о какой бы то ни было опасности, угрожавшей императору: Паленъ убѣдилъ государя, что съ этой стороны угрожаетъ ему опасность, и поэтому дверь эта была давно заперта. Существовала еще, у самыхъ дверей спальни, потайная лѣстница въ нижній этажъ въ покои княгини Гагариной, по которой Павелъ могъ бы спастись въ случаѣ нападенія на него, но ею онъ не успѣлъ, какъ увидимъ, воспользоваться.

Вечеромъ 11 марта Аракчеевъ дѣйствительно подъѣхалъ къ Петербургской заставѣ, но былъ здѣсь задержанъ по приказанію Палена, якобы исполнившаго тѣмъ повелѣніе государя. Вслѣдъ затѣмъ въ 11 часовъ Паленъ также именемъ императора приказавъ арестовать Обольянинова, Куракина, Кушелева и др., а потомъ отправился на сборище заговорщиковъ къ Талызину, гдѣ его давно уже ждали и для внушенія себѣ бодрости пили шампанское. „Поздравляю васъ съ новымъ государемъ", сказалъ имъ Паленъ и раздѣлилъ ихъ на два отряда: одинъ изъ нихъ долженъ былъ находиться въ распоряженіи Зубовыхъ и Беннигсена, другимъ взялся командовать онъ самъ. Баталіонъ Преображен-

скаго полка, по приказанію Талызина, также слѣдовалъ по Михайловскому замку, но солдаты были въ невѣдѣніи, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ. У воротъ Михайловскаго замка Зубовы не встрѣтили Палена, который долженъ былъ ждать ихъ въ этомъ мѣстѣ, и это обстоятельство породило уже недовѣріе къ Палену. Но дѣлать было нечего, слѣдовало идти дальше: „pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les oeufs", внушалъ имъ Паленъ предъ отправленіемъ.

Заговорщиковъ вызвался провести Аргамаковъ, адъютантъ Преображенскаго полка. Они взошли по маленькой лѣстницѣ, донынѣ существующей въ Рождественскихъ воротахъ (на Садовой улицѣ, тогда еще не существовавшей) и ведшей въ покои императора, но когда они подошли къ запертой двери у передней, то изъ 40 человѣкъ въ отрядѣ остались едва десять, и то болѣе или менѣе пьяныхъ. Даже князь Платонъ Зубовъ обнаружилъ робость и предложилъ возвратиться назадъ, но былъ остановленъ Бенингсеномъ. „Какъ, вы завели насъ сюда, а теперь хотите уйти?" закричалъ онъ: „мы слишкомъ далеко зашли, чтобы послѣдовать вашему совѣту, который погубилъ бы насъ всѣхъ. Le vin est tiré, il faut le boire".

Заговорщики постучались въ дверь, и, на вопросъ камеръ-гусаровъ, Аргамаковъ отвѣчалъ: „пожаръ", такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда долженъ былъ докладывать государю въ любой часъ ночи. Узнавъ голосъ Аргамакова, камеръ-гусары не поколебались отворить ему дверь, но когда увидѣли съ Аргамаковымъ толпу, то подняли крикъ. Тогда Яшвиль нанесъ одному камеръ-гусару ударъ саблей, отъ котораго тотъ упалъ наземь, но другой камеръ-гусаръ успѣлъ выбѣжать изъ комнаты и сталъ кричать: „бунтъ!" Бенингсенъ и Платонъ Зубовъ поспѣшили въ спальню Павла. Императоръ, разбуженный криками, оставилъ свою постель и сталъ за экраномъ, стоявшимъ у кровати. Онъ могъ бы бѣжать по потайной лѣстницѣ ко княгинѣ Гагариной, но на это у него, вѣроятно, не хватило времени. „Мы погибли!" вскричалъ Зубовъ, когда увидѣлъ пустую постель, но Бенингсенъ уже замѣтилъ Павла и, подойдя къ нему, ска-

залъ: „Государь, вы арестованы“. Павелъ посмотрѣлъ молча на Бенингсена и, обратясь къ Зубову, сказалъ ему: „что вы дѣлаете? Платонъ Александровичъ?“ Въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжалъ офицеръ и сказалъ Зубову на ухо, что главный караулъ замка въ броженіи, такъ какъ камеръ-гусары и истопники уже разнесли по замку вѣсть о покушеніи на императора, а графа Палена, который долженъ былъ удержать караулы, не оказалось на мѣстѣ. На мѣсто ушедшаго Зубова появились Яшвиль, Аргамаковъ, графъ Николай Зубовъ, Татариновъ, Скарятинъ и много др. офицеровъ, которые отстали прежде на лѣстницѣ; всѣ были болѣе или менѣе пьяны и возбуждены. Бенингсенъ, внушавшій своимъ сообщникамъ, что „les demi-mesures ne valent rien“, отошелъ къ дверямъ, чтобы не принимать участія въ дальнѣйшемъ. „Я арестованъ? что же это значитъ?“ спросилъ Павелъ.— „Уже четыре года слѣдовало бы съ тобою покончить“, было грубымъ отвѣтомъ одного изъ заговорщиковъ.—„Что же я вамъ сдѣлалъ?“ спросилъ императоръ. Тогда кн. Яшвиль первый съ ожесточеніемъ бросился на Павла, который пробовалъ сопротивляться, но Николай Зубовъ ударилъ его золотой табакеркой въ високъ. Павелъ, собравъ послѣднія силы, пробовалъ было привстать, но вновь былъ опрокинутъ и при паденіи расшибъ себѣ о мраморный столъ високъ и голову. Въ это время Бенингсенъ, стоя у дверей, два раза повторилъ Павлу: „не защищайтесь, дѣло идетъ о вашей жизни“. Но уже масса пьяныхъ офицеровъ набросилась на Павла, кто-то накинулъ ему на шею шарфъ... Слышно было, какъ Павелъ успѣлъ сказать по-французски: „Господа, именемъ Бога умоляю васъ, пощадите меня“, но чрезъ нѣсколько секундъ шарфъ былъ затянутъ... Тогда Бенингсенъ, увидя уже бездыханное тѣло своего монарха, подошелъ къ нему и велѣлъ всѣмъ выйти вонъ. Въ эту минуту вошелъ въ комнату графъ Паленъ, выжидавшій у дверей конца этой ужасной сцены. Современники увѣрены были, что онъ шелъ медленно къ подъѣзду замка съ баталіономъ Преображенцевъ для того, чтобы, въ случаѣ неуспѣха заговора, поспѣшить на помощь Павлу и переловить всѣхъ заговорщиковъ. Должно замѣтить, что разсказы объ отреченіи, ко-

торое было будто бы предложено Павлу, съ обязательствомъ сохранить ему жизнь, и было имъ отвергнуто, являются выдумкой, имѣвшей цѣлью смягчить впечатлѣніе цареубійства въ глазахъ новаго императора и общества. Такъ же мало заслуживаетъ довѣрія и разсказъ о томъ, что мрачная сцена убійства совершилась въ темнотѣ, потому что ночникъ будто бы былъ опрокинутъ: одумавшись и боясь возмездія, заговорщики старались потомъ замести свои слѣды.

Графъ Паленъ недаромъ сомнѣвался въ конечномъ успѣхѣ своего предательства и готовилъ новое. Когда по карауламъ замка распространилась тревога, то солдаты были возбуждены и требовали, чтобы ихъ вели къ императору. Капитанъ преображенцевъ, Маринъ, знавшій о заговорѣ, едва удержалъ ихъ въ повиновеніи напоминаніемъ о воинской дисциплинѣ, а караулъ Семеновскаго полка, съ ничего не вѣдавшимъ поручикомъ Полторацкимъ во главѣ, даже двинулся уже по направленію къ спальнѣ императора, но на пути встрѣченъ былъ Бенингсеномъ и Паленомъ, сказавшимъ ему: „Государь скончался апоплексическимъ ударомъ; у насъ теперь новый императоръ — Александръ Павловичъ". Настроеніе солдатъ, мрачное и молчаливое, выказывало однако ихъ истинныя чувства: они считали, что офицеры ихъ обманули. Когда преображенскіе офицеры стали выражать свою радость по поводу смерти Павла и внушать солдатамъ, что онъ былъ тиранъ, они отвѣтили: „для насъ онъ былъ не тиранъ, а отецъ".

Отъ кого перваго услышалъ великій князь Александръ Павловичъ вѣсть о трагической смерти отца—существуютъ противорѣчивые разсказы. Полторацкій разсказываетъ, что когда Паленъ и Бенингсенъ остановили его караулъ, то онъ бросился въ комнаты Александра Павловича. „Александръ былъ въ камзолѣ; увидя меня, онъ сильно поблѣднѣлъ. Я первый наименовалъ его: „ваше императорское величество". — „Что ты, что ты, Полторацкій?" сказалъ онъ упавшимъ голосомъ. Въ это время желѣзная рука отстранила меня, и къ Александру приблизился Паленъ съ Бенингсеномъ. Первый сказалъ тихимъ голосомъ нѣсколько словъ Александру, который въ горестномъ возбу-

жденіи воскликнулъ: „Какъ вы осмѣлились? я никогда не требовалъ и не позволялъ этого“ и упалъ безъ чувствъ на полъ. Его подняли, и Паленъ, стоя на колѣняхъ, говорилъ ему: „ваше величество, теперь вамъ не время . . . . (точки у автора); 42 милліона людей зависятъ отъ вашей твердости“. Онъ поднялся и сказалъ Полторацкому: „господинъ офицеръ, извольте идти въ вашъ караулъ; императоръ сейчасъ выйдетъ“. Паленъ разсказывалъ Александру, что офицеры убили Павла защищая себя послѣ того, какъ онъ напалъ на нихъ, отказываясь подписать отреченіе. Чрезъ 10 минутъ новый императоръ вышелъ къ караулу и сказалъ: „Батюшка скончался апоплексическимъ ударомъ, все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ“. Отчаяніе Александра не знало предѣловъ, и, по его собственнымъ словамъ, мужество и присутствіе духа возвратили ему слова утѣшенія и благоразумія новой императрицы Елисаветы Алексѣевны. Около 4 часовъ утра Александръ вышелъ къ войскамъ, собравшимся у замка, но Преображенскій полкъ встрѣтилъ его мертвымъ молчаніемъ, и лишь слѣдуя примѣру Семеновскаго (котораго Александръ былъ шефомъ), прочія войска встрѣтили его крикомъ: „ура!“ Дѣло въ томъ, что войска не были увѣрены въ томъ, что императора Павла не стало. По этой же причинѣ нѣкоторыя части войскъ медлили принести присягу новому императору, такъ что нѣкоторымъ солдатамъ пришлось показать бездыханное тѣло Павла. Послѣ обхода войскъ новый императоръ, въ сопровожденіи великаго князя Константина, Уварова и Николая Зубова, переѣхалъ въ Зимній дворецъ. Комендантомъ замка остался Бенингсенъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна узнала о кончинѣ своего супруга отъ графини Ливенъ, которая разбудила ее и подготовила къ этой вѣсти. Несмотря на просьбы окружающихъ и императрицы Елисаветы, явившейся къ свекрови съ словами утѣшенія, Марія Ѳеодоровна, внѣ себя отъ горя, настойчиво добивалась, чтобы ей показали тѣло императора Павла, и отправилась сама чрезъ дворъ въ покои императора. Но караулъ не пропустилъ ея: невозможно было показать ей тѣло, не убравъ его предварительно. Тогда она отказалась переѣхать въ Зимній дворецъ, пока не будетъ

исполнено ея желаніе. „Скажите моему сыну“, сказала императрица посланному отъ Александра, „что пока я не увижу собственными глазами моего мужа мертвымъ, я не признаю его своимъ государемъ“. Въ числѣ посланцевъ явился къ ней и гр. Паленъ. „Васъ до сихъ поръ почитала я честнымъ человѣкомъ“, сказала она рыдая. Графъ старался доказать ей, что она сама только выиграла отъ переворота. „Я остановилъ два возстанія, сказалъ онъ, третье врядъ ли мнѣ удалось бы возстановить, и тогда не только императоръ, но и вы сами со всею вашей фамиліей сдѣлались бы его жертвами“. Лишь въ 7 часовъ утра Марія Ѳеодоровна съ младшими своими дѣтьми была допущена уже къ убранному тѣлу и въ 10 часовъ переѣхала въ Зимній дворецъ. Тамъ она свидѣлась съ сыномъ. „Сначала, говоритъ современникъ, она имѣла мучительное для матери подозрѣніе, что ея сынъ зналъ обо всемъ и потому ея первое свиданіе съ императоромъ подало поводъ къ самой трогательной сценѣ. „Alexandre, êtes-vous coupable?“ Онъ бросился предъ ней на колѣни и съ жаромъ сказалъ: „Матушка! такъ же вѣрно, какъ и то, что я надѣюсь предстать предъ судомъ Божіимъ, я ни въ чемъ не виноватъ!“ — „Можешь ли поклясться?“ спросила она. Онъ тотчасъ поднялъ руку и поклялся. То же сдѣлалъ и великій князь Константинъ. Тогда она привела своихъ младшихъ дѣтей къ новому императору и сказала: „Теперь ты ихъ отецъ!“ Она заставила стать предъ нимъ на колѣни и сама хотѣла сдѣлать то же. Онъ предупредилъ ее, поднялъ рыдая дѣтей; рыдая, поклялся быть ихъ отцомъ, повисъ на шеѣ матери и не хотѣлъ отъ нея оторваться“. Предъ этимъ свиданіемъ императоръ только что принималъ присягу военныхъ и гражданскихъ чиновъ. „Въ 10 часовъ утра явился я въ Зимній дворецъ, говоритъ де-Сангленъ. Здѣсь всѣ залы были наполнены военными и гражданскими чиновниками... Среди первой залы нѣсколько офицеровъ выражали радость свою, что будутъ по—старому носить фраки и круглыя шляпы. Я вошелъ во вторую залу. Здѣсь сидѣлъ у камина гр. Николай Зубовъ и предъ нимъ кн. Яшвиль. Ихъ окружали нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я наканунѣ вечеромъ видѣлъ у гр. Палена. Громко сказалъ

Зубовъ Яшвилю: „А дѣло было жаркое". Я отвернулся, ушелъ назадъ въ первую залу и увидѣлъ стоящаго въ дверяхъ великаго князя Константина Павловича съ лорнетомъ въ рукахъ, устремившаго взоръ на сидящихъ около камина; какъ будто про себя, но громко сказалъ онъ: „я всѣхъ ихъ повѣсилъ бы!" Съ симъ словомъ воротился онъ въ первую залу, и я за нимъ. Здѣсь уже начали приводить къ присягѣ и всѣ другъ за другомъ подписывались. Вдругъ шумъ и говоръ утихли: генералъ Уваровъ расчищалъ дорогу для шедшаго за нимъ наслѣдника. Новый императоръ шелъ медленно, колѣни его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы, смотрѣлъ прямо предъ собою, рѣдко наклонялъ голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка, изображали человѣка, удрученнаго горестію и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Казалось, онъ выражалъ на лицѣ своемъ: „они воспользовались моей молодостью, неопытностью, я былъ обманутъ, не зналъ, что, исторгая скипетръ изъ рукъ самодержца, я неминуемо подвергалъ и жизнь его опасности". Среди общей радости всѣхъ сословій, одинъ Александръ былъ печаленъ. Происшествіе прошедшей ночи, кромѣ участниковъ, никому еще подробно извѣстно не было, и видъ огорченнаго императора-сына пріобрѣлъ ему сердца всѣхъ".

Дѣйствительно, „всѣ сословія" испытывали радость, избавившись отъ гнета, отъ вѣчной боязни, хотя трагическія подробности переворота внушали всѣмъ ужасъ и отвращеніе, но они сдѣлались извѣстны лишь позднѣе. Еще съ утра Петербургъ былъ весь въ движеніи. „Все изъ домовъ выбѣжало и пустилось по городу съ вѣстью о смерти Павла. Многіе такъ были восхищены, что со слезами на глазахъ кидались въ объятія къ людямъ, совершенно незнакомымъ и поздравляли съ новымъ государемъ. Въ 9 часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какой никогда не запомнятъ. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго; одинъ не самый богатый погребщикъ продалъ его на 60,000 р. Пировали во всѣхъ трактирахъ. Пріятели въ свои кружки приглашали вовсе незнакомыхъ и напивались до пьяна, повторяя безпрестанно радостные свои клики въ комнатахъ,

въ окнахъ и на улицахъ. Въ то же утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе запрещенные при Павлѣ наряды; встрѣчники, размахивая палками и шляпами кричали имъ: „браво!“ „Весь городъ, имѣвшій болѣе 300,000 жителей, похожъ былъ на домъ сумасшедшихъ“. Можно вполнѣ повѣрить современнику, что „восшествіе Александра на престолъ было всеобщимъ праздникомъ, уподобляющимся Свѣтлому Христову Воскресенію: люди цѣловались на улицѣ и поздравляли другъ друга“. Въ дворянской Москвѣ было то же самое Императрица Елисавета Алексѣевна, со свойственнымъ ей благородствомъ души, писала матери: „Quelque peine bien réelle que me fasse le triste genre de mort de l'Empereur, je ne puis cependant m'empêcher d'avouer que je respire avec la Russie entière... Je ne voulais que voir cette malheureuse Russie se sentir à quelque prix que ce soit... La Russie certainement va respirer après une oppression de 4 ans et si une mort naturelle avait terminé les jours de l'Empereur, je n' aurais pas eprouvé peut-être ce que j'eprouve à présent; car l'idée d'un crime est affreuse“...

Тѣло императора Павла было набальзамировано и выставлено было для поклоненія народу въ Михайловскомъ замкѣ; на шеѣ былъ широкій галстухъ, а шляпа надвинута была на лицо, такъ что на немъ не видно было никакихъ поврежденій. Въ Великую субботу, 23 марта, прахъ императора Павла была торжественно погребенъ въ присутствіи императора Александра и великаго князя Константина Павловича.

Виновники событія 11 марта и во главѣ ихъ графъ Паленъ, братья Зубовы, окружили престолъ юнаго Александра, но это неестественное положеніе дѣлъ не могло продолжаться долго. Графъ Паленъ надѣялся управлять Россіей при молодомъ, неопытномъ монархѣ. Но Александръ стѣснялся его вліяніемъ и когда Паленъ началъ интриговать противъ Маріи Θеодоровны, то, по ея требованію, вовсе уволилъ его отъ службы 18 іюня 1801 г. Съ этого времени Паленъ долженъ былъ безвыѣздно жить въ своей курляндской деревнѣ до самой смерти 15 февраля 1826 г. Марія Θеодоровна вообще не желала видѣть при дворѣ участни-

ковъ событія 11 марта, хотя, какъ и самъ Александръ I, и не могла узнать сразу именъ ихъ всѣхъ. Мало-по-малу, однако, удалены были изъ столицы почти всѣ они, въ томъ числѣ Зубовы, Беннигсенъ и даже графъ Панинъ, которому Марія Ѳеодоровна не могла никогда простить его участія въ заговорѣ, хотя въ событіи 11 марта Панинъ былъ лично не замѣшанъ. Императоръ Александръ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе чувства матери въ этомъ отношеніи, хотя и не могъ наказать убійцъ своего отца тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ и никогда не могъ предать ихъ суду. Событіе 11 марта осталось, такимъ образомъ, надолго оффиціальной тайной и „тяжелой загадкой" для русскаго общества...

Приложеніе I.

Письмы съ приложеніями Графовъ Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ Блаженной Памяти къ Государю Императору Павлу Петровичу.

Державнѣйшій Императоръ Павелъ Петровичь, Самодержецъ Всероссійскій,

Государь всемилостивѣйшій.

Вашему Императорскому Величеству свѣдомо, что покойный мой братъ Министръ Графъ Панинъ сочинялъ къ поднесенію Вашему Величеству разсужденіе о истребившейся въ Россіи со всѣмъ всякой формы государственнаго правленія, и отъ того озыблемомъ состояніи какъ Имперіи, такъ и Самыхъ Государей.

А какъ Россія предопредѣлена правомъ природы вступить въ свое время подъ обладаніе къ Наслѣднику Престола Ея, воспитанному подъ надзираніемъ покойнаго, то и поставилъ онъ долгомъ своимъ примыслить по возможнымъ силамъ усмотрѣнія его и по всему усердію, форму Государственнаго Правленія и фундаментальные законы, свойственнѣйшіе существительному положенію и правамъ обитателей Отечества своего, къ прочнѣйшей безопасности на всѣ времена оному и Государямъ; но незапность смерти не допустила Покойнаго довѣршить сего намѣренія.

Однако жъ начатое имъ сохранилось отъ преслѣдованія въ самой часъ смерти всѣхъ бумагъ скончавшагося вѣрнѣйшимъ къ нему приверженцемъ Денисомъ Ивановичемъ фонъ Визиномъ, къ которому братъ мой имѣлъ полную довѣренность, а Господинъ фонъ-Визинъ оправдалъ предо мною собственно какъ оную, такъ и подданническую вѣрнѣйшую свою преданность къ Вашему Императорскому Величеству весьма достаточными опытами, ибо онъ означенное брата моего разсужденія, сохранивъ со всею вѣрностію, отдалъ мнѣ коль скоро пріѣхалъ я въ Петербургъ, то потому и не могъ я здѣсь пропустить безъ порученія Господина фонъ Визина въ Вашу Монаршую милость и призрѣніе, какъ человѣка при томъ съ особливыми способностями къ гражданской и политической службѣ.

Покойный братъ мой по послѣднемъ выѣздѣ въ путешествіе Вашего Императорскаго Величества лишился возможности употреблять собственную свою руку на долгое писаніе, да и голова его перестала уже выносить долгую диктатуру, для того все оное разсужденіе писано рукою фонъ Визина изъ преподаваемыхъ словѣсныхъ только Покойнымъ назнаменованій.

Извѣстны по несчастію ужасные примѣры въ Отечествѣ нашемъ надъ цѣлыми родами сыновъ его, за одни только и разсужденія противу деспотизма, распространяющагося изъ всѣхъ уже Божескихъ и естественныхъ

законовъ; сего ради, а особливо что и собственная Вашего Величества безопасность состояла еще въ подвластномъ положеніи, не дерзнулъ я осмѣлиться поднести Вамъ сочиненія брата моего противу всемогущества, господствующаго надъ всякими законами и надъ справедливостію, поставилъ моею должностію сохранить его у себя и пріуготовлять способъ поднести его тогда, когда вышній Промыслъ возведетъ Ваше Величество на Природной Престолъ, хотя уже и по смерти моей.

Соизволите Вы Высочайше усмотрѣть, что сочиненіе брата моего осталось послѣ его чернымъ, то хотя и сказано въ немъ, что фундаментальныя права тутъ же приносятся, но смерть его не допустила и зачать еще оныя.

Я по искреннѣйшимъ братствѣ и дружбѣ съ Покойнымъ имѣлъ при всякомъ удобномъ случаѣ откровенныя разсужденія и примышленіи о всемъ ономъ, то зная его предположенія къ фундаментальнымъ правамъ, поставилъ моею должностію, вѣрностію и усердіемъ къ Вашему Императорскому Величеству сочинить къ разсужденію брата моего прибавленіе о всемъ томъ, на что мнилось имѣть полезнымъ Отечеству нашему фундаментальныя права; которое теперь я пріобщая къ оставшему отъ покойнаго брата моего разсужденію, пріемлю смѣлость симъ препроводить къ Стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Воспріимите, Всемилостивейшій Государь, хотя уже и по смерти моей, сіи два сочиненія отъ обоихъ насъ братьевъ, знакомъ истинныхъ нашихъ усердія и вѣрности къ Вашему Императорскому Величеству не раздѣльно со отечествомъ, и что мы оба промышляли и сочиняли оныя единственно на повержeніе ихъ къ усмотрѣнію во благое ихъ употребленіе, или и ко уничтоженію природному Нашему Государю, одаренному разумомъ проницательнымъ и чистымъ, душею справедливою и всѣмъ просвѣщеніемъ, потребнымъ великому и человѣколюбивому Монарху.

А потому въ полной вѣрѣ и радостной надеждѣ стану смыкать я въ послѣдніе глаза мои, что оставшіе наслѣдники обоихъ насъ, дѣти мои, и при случаѣ уничтоженія сихъ сочиненій не будутъ ни чего претерпѣвать и не отженутся отъ Монаршаго призрѣнія мнѣ всемилостивѣйше обѣщаннаго, для того и дерзаю чрезъ сіе жъ повергнуть ихъ во оное. Имѣя счастіе и умирать безпредкновенно со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ и съ искреннѣйшею подданическою преданностію.

Вашего Императорскаго Величества
Всемилостивѣйшаго Государя

всенижайшимъ и преданнѣйшимъ
подданнымъ, Графъ Петръ Панинъ.

Октября 1-го дня 1784 г.
Въ Селѣ Дугинѣ.

Найденное въ бумагахъ покойнаго Графа Никиты Ивановича Панина разсужденіе о непремѣнныхъ Государственныхъ Законахъ.

Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага Его подданныхъ. Сію истинну тираны знаютъ, а добрые Государи чувствуютъ. Просвѣщенный ясностію сея истинны и великими качествами души одаренный Монархъ, облекшись въ неограниченную власть и стремясь къ совершенству по скольку смертному возможно, Самъ тотчасъ ощутитъ, что власть дѣлать зло есть не совершенство, и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное свое величество, когда само у себя отъемлетъ возможность къ содѣланію какого-либо зла.—И дѣйствительно, все сіяніе Престола есть пустой блескъ, когда добродѣтель не сидитъ на немъ вмѣстѣ съ Государемъ: но вообразя его таковымъ, котораго умъ и сердце столько были-бъ превосходны, чтобъ никогда не удалялся Онъ отъ общаго блага, и что бъ сему правилу подчинилъ Онъ всѣ свои намѣренія и дѣянія, кто можетъ подумать, что-бъ сею подчиненностію безпредѣльная власть Его ограничивалась? Нѣтъ; она есть одного свойства со властію существа Вышняго. Богъ потому и всемогущъ, что не можетъ дѣлать ни чего другаго, кромѣ блага; а дабы сія невозможность была безконечнымъ знамѣніемъ Его совершенства, то постановилъ онъ правила истинны для самаго себя не преложныя, по коимъ управляетъ Онъ вселенною и коихъ не преставъ быть Богомъ самъ преступить не можетъ. Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ вышней Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства Своего иначе, какъ постановя въ Государствѣ своемъ правила непреложныя, основныя, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ не могъ-бы нарушить Самъ, не преставъ быть достойнымъ Государемъ.

Безъ сихъ правилъ, или, точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ Государственныхъ Законовъ, не прочно ни состояніе Государства, ни состояніе Государя. Не будетъ той подпоры, на которой бы Ихъ общая сила утвердилась. Всѣ въ намѣреніяхъ полезнѣйшія установленія ни какого основанія имѣть не будутъ. Кто оградитъ ихъ прочность? Кто поручится, чтобъ Преемнику не угодно было въ одинъ часъ уничтожить все то, что во всѣ прежнія царствованія установляемо было. Кто поручится, чтобъ Самъ Законодатель, окруженный неотступно людьми, затмѣвающими предъ нимъ истинну, не разорилъ того сего дня, что созидалъ вчера? Гдѣ-же произволъ одного есть законъ верховный, тамо прочная общая связь и существовать не можетъ; тамо есть Государство, но нѣтъ Отечества; есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись-бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей. Одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія; ибо не правъ Государя приноравливается къ законамъ, но законы къ Его праву. Какая-же довѣренность,

какое почтеніе можетъ быть къ законамъ, не имѣющимъ своего естественнаго свойства, т. е. соображенія съ общею пользою? Кто можетъ дѣла свои располагать тамо, гдѣ безъ всякой справедливой причины, завтра вмѣнится въ преступленіе то, что сего дня не запрещается? Тутъ каждый подверженъ будучи прихотямъ и не правосудію сильнѣйшихъ, не считаетъ себя въ обязательствѣ наблюдать того съ другими, чего другіе съ нимъ не наблюдаютъ.

Тутъ, съ одной стороны, на законы естественные, на истинны ощутительныя, дерзкое невѣжество требуетъ доказательствъ, и безъ указа имъ не повинуется, когда съ другой стороны безумное велѣніе сильнаго, съ рабскимъ подобострастіемъ непрекословно исполняется. Тутъ, кто можетъ, повелѣваетъ, но ни кто ничѣмъ не управляетъ; ибо править долженствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпятъ. Тутъ подданные порабощены Государю, а Государь обыкновенно Своему недостойному *любимцу*. Я назвалъ его недостойнымъ потому, что названіе *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему Отечеству истинные заслуги, а принадлежитъ обыкновенно человѣку, достигшему высокихъ степеней по удачной своей хитрости нравиться Государю. Въ такомъ развращенномъ положеніи, злоупотребленіе самовластія восходитъ до невѣроятности, и уже престаетъ всякое различіе между Государственнымъ и Государевымъ, между Государевымъ и любимцовымъ. Отъ произвола сего послѣдняго все зависитъ. Собственность и безопасность каждаго колеблется. Души унываютъ, сердца развращаются, образъ мыслей становится низокъ и презрителенъ. Пороки любимца не только входятъ въ обычай, но бываютъ почти единымъ средствомъ къ возвышенію Есть ли любитъ онъ пьянство, то сей гнусный порокъ всѣхъ вельможей заражаетъ. Есть ли духъ его объятъ буйствомъ, и дурное воспитаніе пріучило его къ подлому образу поведѣнія, то во время его знати поведеніе благородное бываетъ уже довольно заградить путь къ щастію: но есть ли Провидѣніе въ лютѣйшемъ своемъ гнѣвѣ къ человѣческому роду попускаетъ душею Государя овладѣть чудовищу, который все свое любочестіе полагаетъ въ томъ, чтобъ Государство неминуемо было жертвою насильствъ и игралищемъ прихотѣй его; Есть ли всѣ уродливые движенія души влекутъ его первенствовать только богатствомъ, титлами и силою вредить; Есть ли взоръ его, осанка, рѣчь, ни чего другаго не знамѣнуютъ, какъ: «боготворите меня, я могу васъ погубить»; — Есть ли безпредѣльная его власть надъ душою Государя, препровождается въ его душѣ безчисленными пороками; есть ли онъ гордъ, наглъ, коваренъ, алченъ къ обогащенію, сластолюбецъ, безстыдный, лѣнивецъ, тогда нравственная язва становится всеобщею, всѣ сіи пороки разливаются и заражаютъ Дворъ, городъ, и наконецъ—Государство. Вся молодость становится надмѣнна и принимаетъ тонъ буйственнаго презрѣнія ко всему тому, что должно быть почтенно. Всѣ узы благочинія расторгаются къ крайнему соблазну, ни вѣкъ изнуренный въ служеніи очечества, ни санъ, пріобрѣтенный истинною службою, не ограждаетъ почтеннаго человѣка отъ нахальства и дерзости едва изъ ребятъ вышедшихъ и однимъ случаемъ поднимаемыхъ негодницъ. Коварство и ухищреніе прі-

емлется главнымъ правиломъ поведенія. Никто нейдетъ стезею себѣ свойственною. Никто не намѣренъ заслуживать; всякой ищетъ выслуживать. Въ сіе благопоспѣшное недостойнымъ людямъ время, какого воздаянія могутъ ожидать истинные заслуги, или паче есть ли способъ оставаться въ службѣ мыслящему и благородное любочестіе имѣющему гражданину? Какой чинъ, какой знакъ почести, какое мѣсто государственное не изгажено скареднымъ прикосновеніемъ пристрастнаго покровительства? Посвятя жизнь свою военой службѣ, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашній капралъ, неизвѣстно кто и не вѣдомо за что, становится сего дня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ?—Лестно ль быть судьею, когда правосуднымъ быть не позволяется? Тутъ алчное корыстолюбіе довершаетъ общее развращеніе. Головы занимаются однимъ примышленіемъ средствъ къ обогащенію. Кто можетъ—грабитъ; кто не можетъ—крадетъ, и когда Государь безъ непреложныхъ Государственныхъ законовъ зиждетъ на пескѣ свои зданія и выдавая непрестанно частные уставы, думаетъ истреблять вредные Государству откупы, тогда незнаетъ онъ того, что въ Государствѣ Его не наказанность всякаго преступленія давно на откупу, что для безсовѣстныхъ хищниковъ стало дѣломъ единаго ращета, исчислить, что принесетъ ему преступленіе, и во что Милостивый Указъ стать ему можетъ.—Когда же правосудіе претворилось въ торжище, и можно бояться потерять безъ вины свое и надѣяться безъ права взять чужое, тогда всякой спѣшитъ наслаждаться безъ пощады тѣмъ, что въ его рукахъ, угождая развращеннымъ страстямъ своимъ. И что можетъ остановить стремленіе порока, когда идолъ самаго Государя, предъ очами цѣлаго свѣта, въ самыхъ Царскихъ Чертогахъ, водрузилъ знамя беззаконія и нечестія; когда насыщая безстыдно свое сластолюбіе, ругается онъ явно священными узами родства, правилами чести, долгомъ человѣчества, и предъ лицомъ Законодателя Божескіе и человѣческіе законы попирать дерзаетъ? Не вхожу я въ подробности гибельнаго состоянія дѣлъ, исторгнутыхъ имъ подъ особенное его начальство: но вообще видимъ, что есть ли съ одной стороны заразившій его духъ любоначалія кружитъ всѣ головы, то съ другой, духъ праздности посѣлившій въ него весь адъ скуки и нетерпѣнія, распространяется далеко, и привычка къ лѣности укореняется тѣмъ сильнѣе, что рвеніе къ трудамъ и службѣ почти оглашено дурачествомъ смѣха достойнымъ.

Послѣ всего мною сказаннаго и живымъ примѣромъ утверждаемаго, не ясно ль видимъ, что не тотъ Государь Самовластнѣйшій, который на недостаткѣ Государственныхъ законовъ чаетъ утвердить Свое самовластіе. Порабощенъ одному или нѣсколькимъ рабамъ Своимъ, почему онъ Самодержецъ? Развѣ потому, что Самаго держутъ въ кабалѣ не достойные люди? Подобенъ будучи прозрачному тѣлу, чрезъ которое на сквозь видны дѣйствующія имъ пружины, тщетно пишетъ Онъ новые законы, возвѣщаетъ благодѣнствіе народа, прославляетъ премудрость своего Правленія: новые законы Его будутъ ни что иное, какъ новые обряды, запутывающіе старые законы, народъ все будетъ угнѣтенъ, дворянство уни-

жено, и не смотря на собственное Его отвращеніе къ тиранству, Правленіе Его будетъ правленіе тиранское. Нація тѣмъ не менѣе страждетъ, что не Самъ Государь принялся ее терзать, а отдалъ на расхищеніе извергамъ себѣ возлюбленнымъ. Таковое положеніе долго и устоять не можетъ. При крайнемъ ожесточеніи сердецъ, всѣ частные интересы, раздробленные существомъ деспотическаго правленія, не чувствительно въ одну точку соединяются. Вдругъ всѣ устремляются разторгнуть узы не стерпимаго порабощенія. И тогда что есть Государство? Колоссъ, державшійся цѣпями. Цѣпи разрываются, колоссъ упадаетъ и самъ собою разрушается. Деспотичество, раждающееся обыкновенно отъ анархіи, весьма рѣдко въ нее опять не возвращается

Для отвращенія таковыя гибели, Государь долженъ знать во всей точности всѣ права Своего Величества, дабы, первое, содержать ихъ у своихъ подданныхъ въ почтеніи, и второе, что бъ Самому не преступить предѣловъ, ознаменованныхъ Его правамъ самодержавнѣйшею всѣхъ на свѣтѣ властію, а именно властію здраваго разсудка. До перваго достигаетъ Государь правотою, до второго кротостію.

Правота и кротость суть лучи Божественнаго Свѣта, возвѣщающіе людямъ, что правящая ими власть поставлена отъ Бога и что достойна она благоговѣйнаго ихъ повиновенія: слѣдственно всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ нещастія времянъ попустили уступая силѣ унизить человѣческое свое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средства разорвать свои оковы тѣмъ-же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаетъ, есть ли разрываетъ. Тутъ дѣло ясное. Или она теперь въ правѣ возвратить свою свободу, или никто не былъ въ правѣ отнимать у ней свободы. Кто не знаетъ, что всѣ человѣческія общества основаны на взаимныхъ добровольныхъ обязательствахъ, кои разрушаются такъ скоро, какъ ихъ наблюдать перестаютъ. Обязательства между Государемъ и подданными суть равнымъ образомъ добровольныя; ибо небыло еще въ свѣтѣ Націи, которая насильно принудила-бы кого стать Ея Государемъ; и есть ли она безъ Государя существовать можетъ, а безъ нея Государь не можетъ, то очевидно, что первобытная власть была въ ея рукахъ, и что при установленіи Государя не о томъ дѣло было, чѣмъ онъ націю пожалуетъ, а какою властію она Его облекаетъ. Возможно ль же, что бъ нація добровольно постановила сама законъ, разрѣшающій Государя дѣлать неправосудіе безъ отчетно.

Не стократно ль для нея лучше не имѣть никакихъ законовъ, нежели имѣть такой, который даетъ право Государю дѣлать всякія насильства? а потому и долженъ Онъ быть всегда наполненъ сею великою истиною, что Онъ установленъ для Государства, и что собственное Его благо отъ щастія Его подданныхъ долженствуетъ быть неразлучно.

Разсматривая отношеніи Государя къ подданнымъ, первый вопросъ представляется разуму, что жъ есть Государь? Душа правимаго Имъ общества. Слаба душа, есть ли не умѣетъ управлять прихотливыми стрем-

леніями тѣла. Нещастно тѣло, надъ коимъ властвуетъ душа безразсудная, которая чувствамъ, своимъ истиннымъ министрамъ, или вовсѣ ввѣряется, или ни въ чемъ недовѣряетъ. Положась на нихъ безпечно принимаетъ кучу за гору, планету за точку: но буде призираетъ она ихъ служеніе, буде возмѣчтаетъ о себѣ столько, что захочетъ сама зажмурясь видѣть и заткнувъ уши слышать, какой правильной разрѣшимости тогда ожидать отъ нея можно, и въ какія напасти она сама себя не завлекаетъ!

Государь, душа политическаго тѣла, равной судьбинѣ подвергается. Отверзаетъ-ли Онъ слухъ свой на всякое внушеніе, отвращаетъ ли оный отъ всякихъ представленій, уже истина Его не просвѣщаетъ: Но есть ли Онъ Самъ и не признаетъ верховной ея власти надъ Собою, тогда всѣ отношенія Его къ Государству въ источникахъ своихъ развращаются: пойдутъ различія между Его благомъ и Государственнымъ; тотчасъ посѣляется къ Нему ненависть; скоро Самъ Онъ начинаетъ бояться тѣхъ, которые его боятся, словомъ: вся власть Его становится беззаконная; ибо не можетъ быть законна власть, которая ставитъ себя выше всѣхъ законовъ естественнаго правосудія.

Просвѣщенный умъ въ Государѣ, представляетъ Ему сіе заключеніе безъ сомнѣнія во всей ясности, но Просвѣщенный Государь есть тѣмъ небольше человѣкъ. Онъ какъ человѣкъ родится, какъ человѣкъ умираетъ и въ теченіи своей жизни какъ человѣкъ погрѣшаетъ: а потому и должно разсмотрѣть, какое есть свойство человѣческаго просвѣщенія. Между первобытнымъ его состояніемъ въ естественной его дикости и между истиннаго просвѣщенія разстояніе толь велико, какъ отъ неизмѣримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхожденія на гору потребно человѣку пространство цѣлой жизни: но взошедъ на нее, есть ли позволитъ онъ себѣ шагнуть чрезъ черту, раздѣляющую гору отъ пропасти, уже ни что не останавливаетъ его надѣнія, и онъ погружается опять въ первобытное свое невѣжество. На самомъ порогѣ сея страшныя пропасти стоитъ просвѣщенный Государь. Стражи, не допускающіе Его падѣніе, суть Правота и Кротость. Въ тотчасъ, какъ Онъ изъ рукъ ихъ Себя изторгаетъ погибель Его совершается, меркнетъ свѣтъ душевныхъ очей Его, и лѣтя стремглавъ въ бездну, вопіетъ Онъ внѣ ума: «все мое, я все, всѣ ничто».

Державшійся Правоты и Кротости Просвѣщенный Государь не поколеблется ни когда въ истинномъ Своемъ Величествѣ; ибо свойство правоты таково, что самое Ея ни какія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое состраданіе поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій, всѣ на одной чредѣ стоятъ;— Добрый Государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія Его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ. Состраданіе производится въ душѣ Его не жалобнымъ лицемъ обманывающаго Его корыстолюбца, но истинною бѣдностію нещастныхъ, которыхъ Онъ не видитъ и которыхъ жалобы часто къ нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможѣ, долженъ Онъ весь Свой народъ имѣть предъ глазами. Онъ долженъ знать, что Государственнымъ награждается одна заслуга Государству, что неповинно оно платитъ за угожденія Его собственнымъ страстямъ,

и что всякой налогъ, взыскуемый не ради пользы Государства, есть грабежъ въ существѣ своемъ и формѣ. Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо Его попеченію, Его правосудію, Его достоинству; что Онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣлъ правленіе, и что слѣдственно ихъ преступленія Имъ терпимыя, становятся Его преступленіями. Тщетно Государь помыслилъ бы оправдаться тѣмъ, что Самъ Онъ предъ Отечествомъ невиненъ и что тѣмъ весь долгъ Свой предъ нимъ исполняетъ. Нѣтъ, невинность Его есть платежъ долгу, коимъ Онъ Самъ Себѣ долженъ: но Государству все еще должникомъ. Онъ повиненъ отвѣчать ему не только за дурно, которое сдѣлалъ, но и за добро, котораго не сдѣлалъ. Всякое попущеніе—Его вина; всякая жестокость—Его вина; ибо Онъ долженъ знать, что послабленіе пороку есть одобрѣніе злодѣяніямъ, и что съ другой стороны наистрожайшее правосудіе надъ слабостьми людскими есть наивеличайшая человѣчеству обида. Къ нещастію подданныхъ, приходитъ иногда на Государя такая полоса, что Онъ ни о чемъ больше не думаетъ какъ о томъ, что Онъ Государь; иногда ни о чемъ больше, какъ о томъ, что Онъ человѣкъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно походитъ Онъ въ дѣлахъ своихъ на худаго человѣка, вовторомъ бываетъ неминуемо худымъ Государемъ. Чтобъ избѣгнуть сихъ обѣихъ крайностей, Государь не на одинъ мигъ не долженъ забывать ни того, что Онъ человѣкъ, ни того, что Онъ Государь. Тогда бываетъ Онъ достоинъ имени Премудраго. Тогда во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ вмѣщаетъ судъ и милость. Ничто за черту свою не преступаетъ. Кто поведеніемъ своимъ возмущаетъ общую безопасность, предается всей строгости законовъ. Кто поведеніемъ своимъ безчеститъ самаго себя, наказывается Его презрѣніемъ. Кто не рачитъ о должности, теряетъ свое мѣсто. Словомъ, Государь, правоту наблюдающій, исправляетъ всечастно пороки, являя имъ грозное чело, и утверждаетъ добродѣтель, призывая ее къ почестямъ.

Правота дѣлаетъ Государя почтеннымъ; но кротость, сія человѣчеству любезная добродѣтель дѣлаетъ Его любимымъ. Она напоминаетъ Ему непрестанно, что Онъ человѣкъ и правитъ людьми. Она не допускаетъ поселиться въ Его голову нещастной и нелѣпой мысли, будто Богъ создалъ милліоны людей для ста человѣкъ. Между кроткимъ и горделивымъ Государемъ та ощутительная разница, что одинъ заставляетъ себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждаетъ себя боготворить, тотъ внутри души своей видно чувствуетъ, что онъ человѣкъ. Напротивъ того кроткій Государь не возвышается никогда униженіемъ человѣчества. Сердце Его чисто, душа права, умъ ясенъ. Всѣ сіи совершенства представляютъ Ему живо всѣ Его должности. Они твердятъ Ему всечасно, что Государь есть первый служитель Государства; что преимущества Его распространены націею только для того, что бъ Онъ въ состояніи былъ дѣлать больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти Ему ввѣренной, можетъ Онъ жаловать почести и преимущества частнымъ людямъ, но что самое націю ничѣмъ пожаловать не можетъ; ибо она дала ему все то, что Онъ Самъ имѣетъ; что для Его же собственнаго блага, долженъ Онъ уклоняться отъ власти дѣлать зло,

и что слѣдственно желать деспотичества есть ни что иное, какъ желать найти Себя въ состояніи пользоваться сею пагубною властію. Не возможность дѣлать зло можетъ ли быть досадна Государю? а есть ли можетъ, такъ развѣ для того, что дурному человѣку всегда досадно не смочь дѣлать дурна. Право деспота есть право сильнаго: но и разбойникъ то же право себѣ присвояетъ. И кто невидитъ, что изрѣченіе *право сильнаго* выдумано въ посмѣяніе. Въ здравомъ разумѣ сіи два слова никогда вмѣстѣ не встрѣчаются. Сила принуждаетъ, а право обязываетъ. Какое-же то право, которому повинуются не по должности, а по нуждѣ и которое въ тотъ моментъ у силы изчезаетъ, когда большая сила сгоняетъ ее съ мѣста. Войдемъ еще подробнѣе въ существо сего мнимаго права. Потому, что я не въ силахъ кому нибудь сопротивляться, слѣдуетъ-ли изъ того, чтобъ я морально обязанъ былъ признавать Его волю правиламъ моего поведенія? Истинное право есть то, которое за благо признано разсудкомъ, и которое слѣдственно производитъ нѣкое внутреннее чувство, обязывающее насъ повиноваться добровольно. Въ противномъ случаѣ повиновеніе не будетъ уже обязательство, а принужденіе. Гдѣ-же нѣтъ обязательства, тамъ нѣтъ и права. Самъ Богъ въ одномъ Своемъ качествѣ Существа Всемогущаго, не имѣетъ ни малѣйшаго права на наше повиновеніе. Вообразимъ себѣ существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить насъ можетъ, которое захотѣло бы сдѣлать насъ нещастными, или по крайнѣй мѣрѣ не захотѣло бы никакъ пещись о нашемъ благѣ, когда чувствовали ли бы мы въ душѣ обязанность повиноваться сей вышней волѣ, клонящейся къ нашему бѣдствію, или насъ прэнебрегающей? Мы уступили бы по нуждѣ Ея всемогуществу, и между Богомъ и нами было бъ ничто иное, какъ одно физическое отношеніе. Все право на наше Благоговѣйное повиновеніе имѣетъ Богъ въ качествѣ Существа Всеблагаго. Разсудокъ, признавая благимъ употребленіе Его всемогущества, совѣтуетъ намъ соображаться съ Его волею и влечетъ сердца и души Ему повиноваться. Существу Всеблагому можетъ ли быть пріятно повиновеніе, вынужденное однимъ страхомъ? И такое гнусное повиновеніе прилично ль существу разсудкомъ одаренному? Нѣтъ; Оно не достойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Сила и право совершенно различны какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ образѣ дѣйствованія. Праву потребны достоинства, дарованія, добродѣтели. Силѣ надобны тюрьмы, желѣзы, топоры. Совсѣмъ излишне входить въ толки о разностяхъ формъ правленія и розыскивать, гдѣ Государь самовластнѣе, и гдѣ ограниченнѣе. Тиранъ, гдѣ бъ онъ ни былъ, есть тиранъ, и право народа спасать бытіе свое, пребываетъ вѣчно и вѣздѣ непоколебимо.

Истинное блаженство Государя и подданныхъ тогда совершенно, когда всѣ находятся въ томъ спокойствіи духа, которое происходитъ отъ внутренняго удостовѣренія о своей безопасности. Вотъ прямая *политическая вольность* націи. Тогда всякой воленъ будетъ дѣлать все то, чего позволѣно хотѣть, и никто не будетъ принужденъ дѣлать того, чего хотѣть не должно: а дабы нація имѣла сію вольность надлежитъ правленію быть такъ устроену, чтобъ гражданинъ не могъ страшиться злоупотребленія

власти; чтобъ никто не могъ быть игралищемъ насильствъ и прихотѣй, чтобъ по одному произволу власти никто изъ послѣдней степени не могъ быть взброшенъ на первую, ни съ первой свергнуть на послѣднюю; что-бъ въ лишеніи имѣнія, чести и жизни одного данъ былъ отчетъ всѣмъ и чтобъ слѣдственно всякой безпрепятственно пользоваться могъ своимъ имѣніемъ и преимуществами своего состоянія.

Когда жъ свободной человѣкъ есть тотъ, которой не зависитъ ни отъ чьей прихоти; на противъ же того рабъ деспота тотъ, которой ни собою, ни своимъ имѣніемъ располагать не можетъ, и которой на все то, чѣмъ владѣетъ, не имѣетъ другого права, кромѣ Высочайшей милости и благоговѣнія, то по сему истолкованію политической вольности, видна не разрывная связь Ея съ правомъ *собственности*. Оно есть ни что иное какъ право пользоваться: но безъ вольности пользоваться, что оно значитъ? Равно и вольность сія не можетъ существовать безъ права; ибо тогда не имѣла бы она никакой цѣли; а потому и очевидно, что нельзя никакъ нарушать вольности не разрушая права собственности, и нельзя никакъ разрушать права собственности, не нарушая вольности.

При изслѣдованіи, въ чемъ состоитъ величайшее благо государствъ и народовъ, и что есть истинное намѣреніе всѣхъ системъ законодательствъ, найдемъ необходимо два главнѣйшіе пункта, а именно тѣ, о коихъ теперь разсуждаемо было: *вольность* и *собственность*. Оба сіи преимущества, равно какъ и форма, каковою публичной власти дѣйствовать, должны быть устроены сообразно съ физическимъ положеніемъ государства и моральнымъ свойствомъ націи. Священные законы, опредѣляющіе сіе устройство, разумѣемъ мы подъ именемъ законовъ фундаментальныхъ. Ясность ихъ должна быть такова, чтобъ ни малѣйшаго недоразумѣнія никогда не по встрѣчалось, чтобъ изъ нихъ Монархъ и подданный равномѣрно знали свои должности и права. Отъ сихъ точно законовъ зависитъ общая ихъ безопасность, слѣдственно они и должны быть непремѣнными.

Теперь представимъ себѣ государство, объемлющее пространство, каковаго ни одно на всемъ извѣстномъ земномъ шарѣ не объемлетъ, и котораго по мѣрѣ его обширности нѣтъ въ свѣтѣ малолюднѣе; государство, раздробленное съ лишкомъ на тридцать большихъ областей, и состоящее можно сказать изъ двухъ только городовъ, изъ коихъ въ одномъ живутъ люди большою частію по нуждѣ, въ другомъ большою частію по прихоти; — государство, многочисленнымъ и храбрымъ своимъ воинствомъ страшное, и котораго положеніе таково, что потеряніемъ одной баталіи, можетъ иногда бытіе Его вовсѣ истребиться; — государство, которое силою и славою своею обращаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта, и которое мужикъ, однимъ человѣческимъ видомъ отъ скота отличающійся, и никѣмъ не предводимый, можетъ привести такъ сказать въ нѣсколько часовъ на самый край конечнаго разрушенія и гибели;—Государство, дающее чужимъ землямъ Царей, и котораго собственный Престолъ зависитъ отъ отворенія кабаковъ для звѣрской толпы буяновъ, охраняющихъ безопасность Царскія Особы;—государство, гдѣ есть всѣ политическія людей состоянія, но гдѣ ни которое не имѣетъ никакихъ преимуществъ, и одно отъ дру-

гого пустымъ только именемъ различаются; — государство, движимое вседневными и часто другъ другу противурѣчущими указами, но не имѣющее никакого твердаго законоположенія;—государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія, имѣетъ право быть вмѣстѣ истцемъ и судьею надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть за всегда или тиранъ, или жертва; —государство, въ которомъ почтеннѣйшее изъ всѣхъ состояній, долженствующее оборотомъ Отечество купно съ Государемъ и корпусомъ своимъ представляетъ націю, руководствуемое одною честію *Дворянство* уже именемъ только существуетъ, и продается всякому подлецу, ограбившему Отечество; гдѣ знатность, сія единственная цѣль благородныя души, сіе достойное возмездіе заслугъ, отъ рода въ родъ оказываемыхъ Отечеству, затмѣвается фаверомъ, поглотившимъ всю пищу истиннаго любочестія; — государство не деспотическое: ибо нація ни когда не отдавала себѣ Государю въ самовольное Его управленіе и всегда имѣла трибуналы гражданскіе и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступленія; не монархическое: ибо нѣтъ въ немъ фундаментальныхъ законовъ; не аристократія: ибо верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина, движимая произволомъ Государя; на демократію же и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаяся во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства.

Просвѣщенный и добродѣтельный Монархъ заставъ Свою Имперію и Свои Собственныя права въ такой несообразности и неустройствѣ, начинаетъ великое Свое служеніе немѣдленнымъ огражденіемъ общія безопасности посредствомъ законовъ непреложныхъ. Въ семъ главномъ дѣлѣ не долженъ Онъ изъ глазъ выпускать двухъ уваженій: первое, что государство Его требуетъ немедленнаго врачеванія отъ всѣхъ золъ, приключаемыхъ Ему злоупотребленіемъ самовластія; второе, что государство Его ничѣмъ такъ скоро не можетъ быть подвергнуто конечному разрушенію, какъ есть ли вдругъ и не пріуготовя націю, дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные Европейскіе народы. При таковомъ соображеніи, каковы могутъ быть первые фундаментальные законы, прилагается при семъ особенное начертаніе *).

Въ заключеніе надлежитъ признать ту истину, что главнѣйшая наука правленія состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть сдѣлать людей способными жить подъ добрымъ правленіемъ. На сіе никакіе именные указы не годятся. Узаконеніе быть добрыми не подходитъ ни подъ какую главу Устава о благочиніи. Тщетно было бы вырѣзывать Его на доскахъ и ставить на столы въ Управахъ; буде не врезано оно въ сердца, то всѣ Управы будутъ плохо управляться. Чтобъ устроить нравы, нѣтъ нужды ни въ какихъ пышныхъ и торжественныхъ обрядахъ. Свойство истиннаго Величества есть то, чтобъ наивеличайшія дѣла дѣлать наипростѣйшимъ обра-

*) Сего начертанія не допустила Покойнаго сочинить скоропостижная его кончина.

зомъ. Здравой разсудокъ и опыты всѣхъ вѣковъ показываютъ, что одно благонравіе Государя образуетъ благонравіе народа. Въ Его рукахъ пружина куда повернуть людей: къ добродѣтели или пороку. Всѣ на Него смотрятъ, и сіяніе, окружающее Государя, освѣщаетъ Его съ головы до ногъ всему народу. Ни малѣйшія Его движенія ни отъ кого не скрываются, и таково есть щастливое или нещастное Царское состояніе, что Онъ ни добродѣтелей, ни пороковъ Своихъ утаить не можетъ. Онъ судитъ народъ, а народъ судитъ Его правосудіе. Есть ли жъ надѣется Онъ на развращеніе Своей націи столько, что думаетъ обмануть ее ложною добродѣтелію, Самъ сильно обманывается. — Чтобъ казаться добрымъ Государемъ, необходимо надобно быть такимъ; ибо какъ люди порочны ни были бъ, но умы ихъ никогда столько не испорчены, сколько ихъ сердца, и мы видимъ, что тѣ самые, кои меньше всего привязаны къ добродѣтели, бываютъ часто величайшіе знатоки въ добродѣтеляхъ. Быть узнану есть необходимая судьбина Государей, и достойный Государь ся не устрашается. Первое Его титло есть титло честнаго человѣка, а быть узнану есть наказаніе лицемѣра и истинная награда честнаго человѣка. Онъ, ставъ узнанъ своею націею, становится тотчасъ образцомъ Ея. Почтеніе Его къ заслугамъ и лѣтамъ бываетъ наистрожайшимъ запрещеніемъ всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый мужъ, добрый отецъ, добрый хозяинъ, не говоря ни слова, устрояетъ во всѣхъ домахъ внутренное спокойство, возбуждаетъ чадолюбіе, и самодержавнѣйшимъ образомъ запрещаетъ каждому выходить изъ мѣръ своего состоянія. Кто не любитъ въ Государѣ мудраго человѣка? а любимый Государь чего изъ подданныхъ сдѣлать не можетъ? Оставя всѣ тонкіе разборы правъ политическихъ, вопросимъ себя чистосердечно: кто есть Самодержавнѣйшій изъ всѣхъ на свѣтѣ Государей? Душа и сердце возопіютъ единогласно: тотъ, кто болѣе любимъ...

Прибавленіе къ разсужденію, оставшемуся послѣ смерти Министра Графа Панина, сочиненное Генераломъ Графомъ Панинымъ, о чемъ между ими разсуждалось имѣть полезнымъ для Россійской Имперіи фундаментальные права, не премѣняемыя на всѣ времена никакою властію.

1.

О утвержденіи на всѣ времена формы государственному правленію, признанной всѣмъ разумнымъ свѣтомъ для Монаршескаго владѣнія съ фундаментальными, непремѣнными законами.

2.

О утвержденіи и о непремѣнномъ всегда соблюденіи безъ всякой прикосновенности, господствующей издревлѣ и до нынѣ въ Россійской Импе-

ріи Греко-Каѳолической вѣры въ точности настоящихъ церковныхъ догматовъ.

3.

О не исповѣданіи Монархомъ Россійскимъ и Высокой Ихъ Фамиліи иной вѣры какъ Греко-Каѳолической.

4.

О не воспрещеніи и о дозволеніи прочимъ всякаго званія вѣрамъ уже утвердившимся, а не отпадающимъ сектамъ, имѣть полную свободность вѣры свои во всей Имперіи содержать и богослуженіе отправлять по законамъ своимъ безпрепятственно.

5.

О запрещеніи подъ неизбѣжною смертною казнію ни какой другой вѣры, кромѣ господствующей, принимать въ Россіи изъ одной вѣры въ другую, да и господствующей въ присоединеніи и къ своея церкви силою ни кого не принуждать и не принимать.

6.

О запрещеніи подъ наказаніемъ за возмущеніе общаго покоя ни въ какой безъ изъятія вѣрѣ не только не проповѣдывать въ церквахъ ниже и не произносить ни въ публичныхъ, ни въ тайныхъ собраніяхъ, ничего изъ одной вѣры противъ другой предосудительнаго и дерзновеннаго, а паче еще поносснаго и оклевѣтывающаго.

7.

О не раздробленіи и о не раздѣленіи никакою самоизвольною властію Россійской Имперіи, ни въ наслѣдства, ни въ продажи, ни въ мѣны, ни въ заклады, ниже и ни подъ какими другими наименованіями или предлогами какого бы то роду и названія быть могло.

8.

О утвержденіи Престолу Россійскому единаго права наслѣдственнаго, не премѣняемаго никакою единою властію, съ предпочтеніемъ мужской Персоны и колѣна предъ женской.

9.

О прехожденіи наслѣдственнаго права къ Престолу, при пресеченіяхъ, съ одного лица и съ одного колѣна на другія.

10.

О узаконеніи лѣтъ возраста къ полученію наслѣдственнаго надъ Имперіею Монаршескаго владѣнія и формы къ торжественному онаго восприятію.

11.

О узаконеніи формы опекунскаго государственнаго правленія при невозрастныхъ лѣтахъ, или при слабости законнаго Престолу Наслѣдника, до вступленія въ оныя или по случаю слабости до исправленія онаго.

12.

О узаконеніи государственной формы на случай нещастливаго пересеченія наслѣдственныхъ къ Престолу колѣнъ: кому, какъ, изъ кого избирать и торжественно какъ оглашать и утверждать Монарха на Всероссійскій Престолъ и послѣдующаго отъ Него Наслѣдника ко обладанію Имперіею на фундаментальныхъ правахъ.

13.

О предположеніи изъ государственныхъ доходовъ денежныхъ не премѣнныхъ отдѣленій, сходственныхъ съ достоинствомъ и богатствомъ Имперіи, при самомъ рожденіи не только Наслѣдника Престола, да и при рожденіи изъ законнаго брака владѣющаго Монарха всякаго дитяти какъ мужескаго такъ и женскаго пола, въ капиталы каждому, съ роздачею оныхъ на имя всякаго дитяти въ проценты, дабы съ ихъ капиталовъ процентами и ежегодныхъ соразмѣрнымъ прибавленіемъ къ капиталамъ, могли капиталы возрасти къ приспѣенію возраста каждаго на достойное содержаніе по достоинству всякаго, а Великія Княжны чтобъ достойно могли капиталы свои понести за собою и въ приданое.

14.

О узаконеніи права наслѣдственнаго на оные капиталы при нещастливыхъ случаяхъ пресеченія чьей жизни.

15.

О правѣ Дворянству.

16.

О правѣ Духовенству.

17.

О правѣ Купечеству.

18.

О правѣ Мѣщанству.

19.

О правѣ Крестьянству.

20.

О узаконеніи для каждаго состоянія государственныхъ подданныхъ личнаго наслѣдственнаго права ко всякому званію имѣнія ихъ, съ прехожденіемъ послѣ смерти отъ одного къ другому, держась сколько возможно ближе къ окоренившимся прежде въ Имперіи о томъ законамъ.

21.

О правѣ собственности каждому.

22.

О правѣ надъ наслѣдственными имѣніями.

23.

О правѣ вольности къ незапрещенному, но къ позволенному законами.

24.

О правѣ и формѣ завѣщаніямъ, или духовнымъ.

25.

О правѣ на раздѣлы всякому имѣнію, остающемуся безъ завѣщаній.

26.

О правѣ на приданыя при замужествахъ, и о обязательствахъ при томъ.

27.

О правѣ для расходившихся необходимостію отъ брачнаго сожитія на прижитыхъ дѣтей и на всякое имѣніе ихъ.

28.

О правѣ родителей надъ дѣтьми, и о должностяхъ дѣтей противу-родителей.

29.

О правѣ и обязательствахъ между супружествомъ.

30.

О власти помѣщиковъ надъ своими подданными, и о должностяхъ оныхъ къ помѣщикамъ ихъ.

31.

О власти господъ надъ вольными служителями, и о должностяхъ оныхъ къ господамъ ихъ.

32.

О не сужденіи ни закакія злодѣянія и преступленія, ни какого званія людей въ иныхъ особыхъ мѣстахъ, какъ единственно въ учрежденныхъ публичныхъ для всѣхъ на то судахъ.

33.

О истолкованіи и утвержденіи истиннаго существа злодѣянію, оскорбляющему Величество.

34.

О утвержденіи во всей Россіи на всѣ мирныя времена не премѣнной доброты и цѣны ходячей монеты, и числу той, которая выпускается въ народное обращеніе къ облегченію перевозокъ, по соразмѣрности числа, полагаемаго на замѣнъ оной капитала.

35.

О не наложеніи и о не умноженіи ни подъ какими названіями на подданныхъ новыхъ податей и работъ, безъ разсужденія и предположенія на передъ о томъ въ главномъ государственномъ присутственномъ мѣстѣ, а потомъ въ Министерскомъ Совѣтѣ на поднесеніе доклада къ утвержденію Самому Монарху.

36.

О предположеніи и утвержденіи одного главнаго государственнаго присутственнаго мѣста къ надзиранію подъ очами Самаго Монарха во всемъ государствѣ надъ всѣми прочими присутственными мѣстами и надъ всѣмъ государствомъ управленія и преподаванія суда и расправы, съ наблюденіемъ всю точность и не прикосновенность къ не опроверженію фундаментальныхъ законовъ.

37.

О учрежденіи и утвержденіи повсемѣстно для государственнаго правленія и суда и разправы присутственныхъ мѣстъ, никогда не премѣняемыхъ.

38.

О учрежденіи и утвержденіи жъ единаго не премѣняемаго никакою властію присутственнаго государственнаго мѣста подъ угоднымъ названіемъ Монарху, но такого, что бъ чрезъ оное только, а не какими другими дорогами приходили къ Самому Монарху жалобы и доношеніи на послѣднее рѣшеніе, и что бъ всѣ оныи безъ изъятія въ присутствіи Самаго Манарха, или и безъ Его, но всегда прочитываны были въ семъ мѣстѣ, и каждый въ немъ Министръ чтобъ давалъ къ запискѣ въ протоколъ свое на нихъ разсужденіе, которыя бы относились на рѣшительную единственную власть Самаго Монарха.

39.

О ясномъ утвержденіи и истолкованіи всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, что въ должностяхъ ихъ есть часть государственнаго управленія, и что единое разобраніе тяжебъ и преподаваніе суда и расправы, дабы впредь уже недоумѣніями и придирками не могла употребляться во зло власть отдѣляется судебнымъ мѣстамъ единственно на часть государственнаго управленія, въ часть разобранія тяжебъ.

40.

О предположеніи изъ государственныхъ доходовъ денежной ежегодной суммы на содержаніе во всемъ государствѣ всѣхъ войскъ для обороны Имперіи и славы Государя, а по размѣрности оной суммы о предположеніижъ на всякое мирное время содержанія числа всякаго званія войскъ, и особенно тѣхъ, которыя наполняются хлѣбопашцами, размѣривъ число оныхъ къ неоскудѣнію земледѣльства, какъ главнаго члена на существованіе Имперіи.

41.

Объ отдѣленіи изъ государственныхъ же доходовъ денежной соразмѣрной суммы на построеніе и на ежегодное содержаніе для всего государства четырехъ крѣпостей ко вмѣщенію знатныхъ гарнизоновъ, сверхъ всѣхъ донынѣ имѣющихся, съ предположеніемъ по зрѣлымъ разсужденіямъ знающими особыми избранія подъ нихъ мѣстоположеній наиспособнѣйшихъ по не отдаленности отъ послѣднихъ Россійскихъ границъ, и сколько можно ближе къ пристанямъ, съ тѣмъ наблюденіемъ, дабы таковымъ устроеніемъ крѣпостей, съ наполненіемъ въ нихъ на всякой военной случай достаточно арсенала и магазейновъ, были бы отвращены уже на всѣ времена существующія до нынѣ отъ того опасности, есть ли бъ по нещастію случилось Россіи потерять и одну только генеральную баталію, то побѣдителю отверсты разныя безпрепятственные пути внести оружіе свое и утвердиться въ сердцѣ Имперіи, и подвергнуть изобильнѣйшія части земли подъ свою контрибуцію, но чтобъ при случаяхъ начинающейся войны, отъ которой стороны быть бы то не могло, оныя четыре крѣпости, приближенныя къ сторонамъ границъ, служили впередъ какъ собирающимся противу непріятеля, такъ и при нещастіи разбитымъ войскамъ сборными мѣстами, готовыми арсеналами и магазейнами.—

Сего Россія со всею своею обширностію еще не имѣетъ, кромѣ единственно къ сторонѣ Швеціи и на самомъ краю противу Пруссіи; но въ нынѣшнемъ положеніи сосѣдственныхъ державъ сколько Швеція противу Россіи ослабѣла, столь больше усилились и приближились чрезъ Польшу Имперія Римская и Пруссія, а Россія возращеніемъ своимъ и вліяніемъ въ связь всей Европы обратила на себя гораздо больше прежняго вниманія, зависти и осторожности къ противнымъ союзамъ безсильныхъ державъ съ сильными.

42.

О предположеніи, чтобы отдѣленныя денежныя суммы изъ государственныхъ доходовъ на ежегодное содержаніе всей государственной обороны и всѣхъ воинскихъ устроеній, не употреблялися никакою властію ни въ какія безъ изъятія другіе расходы, кромѣ единственнаго содержанія государственной обороны и на войну, то чтобъ и остатки отъ неполности по штатамъ сохраняемы были всегда ежегоднымъ отдѣленіемъ въ военную кладовую золотыми и серебренными монетами, къ милованію при случаѣ войны, есть ли не совсѣмъ, то хотя на первыя кампаніи, особливыхъ для войны налоговъ и займовъ на государство.

43.

О утвержденіи пребывать на всѣ времена безъ всякой прикосновенности всему тому, чего въ формѣ государственнаго правленія и въ фундаментальныхъ правахъ точно не предписано, въ единственной собственно

Самодержавной во всемъ власти владѣющаго законнаго Монарха, а по Немъ и Наслѣдниковъ Всероссійскаго Престола.

44.

О предположеніи формы присяги для всѣхъ государственныхъ подданныхъ на всеподданническое повиновеніе и соблюдѣніе фундаментальныхъ правъ по установленной формѣ государственному монаршескому правленію.

Сочинено въ селѣ Дугинѣ, 1784 года,
въ мѣсяцѣ Сентябрѣ.

Письмо къ Наслѣднику Престола для поднесенія при законномъ вступленіи Его на Престолъ.

По обыкновенномъ титулѣ.

Приготовленнымъ мною предъ симъ всеподданнѣйшимъ письмомъ для поднесенія Вашему Императорскому Величеству въ падлежащее время сочиненія покойнаго моего брата съ прибавленіемъ къ оному и отъ меня собственно, сколько я ни надѣялся успокоиться отъ государственнаго позора, угрызающаго всегда насъ съ покойнымъ, о томъ, что общее злополучіе со всѣми вѣрнѣйшими дѣтьми Отечества, судило жить намъ въ томъ вѣкѣ, когда два Правителя Отечества и два Государя наши, коимъ всѣ подданные въ вѣрности присягами, свергались съ такимъ гнуснымъ обличеніемъ въ клятвопреступленіяхъ подданныхъ, что никто и изъ незнавшихъ совсѣмъ, по какимъ законнымъ и справедливымъ причинамъ производится сверженіе, не сдѣлалъ ни малѣйшаго и виду на защищеніе своего Государя.

Столь позорное угрызеніе сердецъ было во обоихъ насъ братьяхъ почти при всякомъ съѣздѣ, по безпредѣльной нашей подданнической вѣрности и преданности къ Вашему Императорскому Величеству, сильнѣйшимъ возбужденіемъ на размышленіе къ спознанію причинъ: отъ чего бы народъ, просвѣщенный христіанскимъ закономъ, и оказующій въ военныхъ случаяхъ похвальную храбрость и мужество, могъ весь безъ изъятія ввергаться въ такія порабощеннѣйшія клятвопреступленія? Чѣмъ-бы оное отвратить, и чѣмъ утвердить надежнѣйшую безопасность Вашему Императорскому Величеству и Высокому Наслѣдію на всѣ времена, и чѣмъже привлечь искреннѣйшую вѣрность и любовь всѣхъ подданныхъ къ Государямъ Нашимъ?

Сколько мы оба ни напрягали къ оному всѣхъ нашихъ силъ и лучшаго разумѣнія, но по всему нашему чистосердечію не могли мы пріобрѣсти другихъ о томъ вѣроятнѣйшихъ спознаній, кромѣ сихъ:

Въ Россійской Имперіи издревлѣ окорененныхъ нетолько общихъ обы-

часвъ, ниже и изъ самихъ тѣхъ законовъ, которые пріемлются во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ фундаментальными законами и вѣрнѣйшею твердостію державъ, ни единой почти не остался, въ святой неприкосновенности, но всѣ они безъ изъятія свержены подъ самовластіе не только Самодержавцевъ, да и попранны подъ ноги злонамѣренныхъ людей, достигающихъ къ похищенію государскихъ довѣренностей на самовластное употребленіе, отъ чего Россійскіе сыны не имѣли уже въ общемъ государственномъ благосостояніи ни какого съ Государями союза, и пребывая во всегдашнемъ трепетѣ, не только о своихъ всѣхъ собственностяхъ, да и о себѣ самихъ остаются при нещастливыхъ сверженіяхъ Государей всѣ безъ изъятія въ недѣйствіяхъ къ соблюденію присягъ своихъ, ласкаясь единственно, не можетъ ли при новыхъ перемѣнахъ произойти чего лучшаго къ твердости Отечества и къ вѣрнѣйшей безопасности собственностямъ и безвинностямъ каждаго, а потому на возвращеніе Россійскихъ подданныхъ къ соблюдѣнію при всякихъ случаяхъ данныхъ Государямъ своихъ присягъ, и къ привлеченію всѣхъ ихъ въ искреннѣйшую подданическую вѣрность и любовь къ Вашему Величеству, не находили мы, по всему нашему къ Вамъ чистосердечію, другихъ способовъ, кромѣ, чтобъ въ общемъ на всегда благосостояніи государства связать всѣхъ подданныхъ съ Государемъ неразрывнымъ узломъ утвержденныхъ государственныхъ фундаментальныхъ правъ и формы правленія, не подверженіемъ ихъ къ перемѣнамъ и отрѣшеніемъ ни какому самовластію, дабы таковымъ союзнымъ сопряженіемъ Государя со всею Имперіею, весь народъ по внутреннему увѣренію каждаго въ себѣ, не имѣлъ уже причины ожидать въ новыхъ перемѣнахъ лучшаго, но былъ бы всегда готовъ защищать жизнію своею того Государя, подъ владѣніемъ котораго сохраняются во всей цѣлости государственные фундаментальные законы и форма правленія, подъ сѣнію коихъ соблюдались общее благо, вѣрность и безопасность каждаго подданнаго.

На семъ единственномъ предположеніи, возбуждаемомъ чистѣйшею вѣрностью къ Вашему Императорскому Величеству, подданническою преданностію и усердіемъ, покойный братъ мой составлялъ то сочиненіе, да и я прибавленіе къ оному, которыя учредилъ я поднести въ свое время Вашему Императорскому Величеству; но и съ тѣмъ совсѣмъ не могъ я еще освободиться отъ прежняго меня государственнымъ стыдомъ угрызенія, для того принужденъ сталъ пойтить въ дальнѣйшія размышленія, предписуемыя душѣ моей самою чистѣйшею подданническою вѣрностію и усердіемъ къ Государямъ, и составилъ еще для поднесенія къ Стопамъ Вашего Величества въ надлежащее время два сочиненія: одно подъ № 1, изъ котораго не можетъ ли быть что угодно при законномъ вступленіи Вашемъ на Престолъ ознаменовать о Государственныхъ Вашихъ примѣчаніяхъ, пріобрѣтшихъ съ возрастомъ лѣтъ Вашихъ, и о предположеніи намѣренія о Царствованіи Вашемъ со увѣщаніемъ развратившихся изъ благонравія исправиться; а подъ № 2—есть ли соизволите Всемилостивѣйше пожаловать Отечество утвердительными какими формою государственнаго правленія и фундаментальными непремѣнными пра-

вами, то не можетъ ли къ оному благословенному начинанію удостоиться что либо изъ того ко Всемилостивѣйшему Вашему употребленію.

Я не могу не признаться, что какъ въ сихъ двухъ поднесеніяхъ, такъ и въ прибавленіи моемъ къ сочиненію брата моего, распространился я на нѣкоторые предмѣты не совсѣмъ пристойные въ помѣщенныя имъ мѣста: но оное произошло единственно изъ жарчайшаго моего усердія, что бы при начальномъ Вашемъ восцарствованіи не прокралось отъ Монаршаго свѣдѣнія ни чего изъ того, что мнѣ воображалось потребнымъ къ истинной Славѣ Величайшему въ свѣтѣ Государю, къ твердѣйшей Ему и Наслѣдію Его на всѣ времена безопасности ихъ совершенному на всегда союзному благосостоянію Государя и Отечества. Что же тутъ не могло входить ни какое собственное мое пристрастіе, въ томъ засвидѣтельствоваться не зазираетъ меня совѣсть симъ, что проживши я 65 лѣтъ и разрушившись увѣчною болѣзнію во всемъ моемъ тѣлесномъ составѣ, не могу имѣть уже я нужды для себя ни въ чемъ другомъ, кромѣ могилы, и чтобъ войтить въ ее съ тѣмъ сладостнымъ душевнымъ послѣднимъ утѣшеніемъ, что я тому моему Государю, которому преданъ былъ вѣрнѣйшимъ и непорочнѣйшимъ сердцемъ, принесъ все то, что душа моя поставляла вѣрнѣйшими способами къ возведенію истинной славы на самую вышнюю степень Государя моего и отечества и на обоюдное ихъ утвержденіе ко всей безопасности на всѣ времена.

Почту я себя наиблагополучнѣйшимъ изъ подданныхъ во всемъ мірѣ, есть ли обоихъ насъ братьевъ сочиненія, которыя будутъ отъ меня поднесены къ подножію Вашему, признаются къ таковому Вашего Императорскаго Величества благоволѣнію, съ каковыми мы оба не предкновенными никогда были подданническими вѣрностію къ нашимъ Государямъ и къ отечеству, и съ каковыми же буду я смыкать въ послѣдніе глаза мои преданностію и благоговѣніемъ собственно

Вашего Императорскаго Величества
Всемилостивѣйшаго Государя и прочая.

№ 1-й. Формы Манифесту, какой разсуждаются, не можетъ ли быть угоденъ къ изданію при законномъ по предопредѣленію Божескому возшествіи на Престолъ Наслѣдника.

По обыкновенномъ титулѣ.

Призирающее всегда на Отечество Наше, а особливо при опасныхъ случаяхъ, милосердіе Всевышняго Творца соизволило Насъ какъ единый остатокъ уже крови, предопредѣленной Святымъ Промысломъ Его къ обладанію Всероссійскаго Престола, возрастить со младенчества безъотлучно въ нѣдрахъ нашего Отечества, и сохранивъ чудесно отъ разныхъ бѣдственныхъ угроженій, угодно стало Святой Его волѣ возвести Насъ на Праро-

дительской Престолъ, руководствуясь и къ сему, что Мы, поколику созрѣвали въ возрастѣ, по толику входило въ Наше примѣчаніе и вниманіе все то, что отъ Царствованія незабвенной никогда памяти Покойнаго Прародителя Нашего Государя Петра Великаго, вовлечено зловреднаго въ Отечество Наше, какими соблазнами и чьими похитительными алчностьми отъ захватившихъ довѣренности Государей своихъ возлоупотребительное самовластіе, и что оныя зловредности окоренились въ государствѣ Нашемъ до той степени, что большую часть сыновъ Россійскихъ совратили съ кореннаго Россіяновъ праводушія, прежде утвержденнаго на страхѣ Божескихъ естественныхъ и гражданскихъ законовъ, а развращеніемъ общаго благонравія censisверглu всю святость законовъ частію въ неисполнительное ослабѣніе, а частію и въ совершенное попраніе, предпочитая законамъ при всякихъ случаяхъ собственную каждаго корысть и домогательство до возвышенія въ чины не дѣятельными заслугами Отечеству и Государю, а ухищренными происками и угожденіями страстямъ и требованіямъ захватившихъ силу въ свое злоупотребленіе.

Мы взирая на все оное съ содраганіемъ сердца, но съ великодушною терпеливостію, соблюдали во всей неприкосновенности Заповѣди Божіи, законы естественные и гражданскіе и не позволяли Себѣ по тогдашнему Нашему природію и законами обязательству ничего, кромѣ единственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всѣми тѣми усерднѣйшими и вѣрнѣйшими дѣтьми Отечества, которые съ похвальною твердостію душъ непопускали прикасаться къ себѣ ни какихъ соблазновъ на государственное уязвленіе; но пребывая въ безмолвіи, не могли скрывать только отъ Насъ душевныхъ своихъ страданій.

Въ такомъ для Насъ тяжкомъ, но не избѣжномъ положеніи, возносили Мы единственно ко Христу Спасителю благодарныя молитвы за сохраненіе милосерднымъ Его промысломъ Отечества и Насъ Самихъ при таковыхъ развращеніяхъ, обязываясь при томъ Нашими обѣтами, есть ли будетъ Святой Его волѣ угодно довести до Нашего обладанія Всероссійскую Имперію, то да будетъ Нашимъ первымъ дѣяніемъ и непремѣннымъ попеченіемъ истребить изъ Отечества Нашего внѣдрившіяся въ него всѣ государственныя зловредности и развращеніе въ благонравіи, противныя закономъ Божественнымъ, естественнымъ и гражданскимъ, возстановляя и и утверждая безъ всякаго лицепріятія всю силу законовъ и правоту естественную и гражданскую.

Достигнувши нынѣ до совершенія надъ Нами милосердной воли Всевышняго Творца врученіемъ Намъ Прародительскаго Престола, принимаемъ теперь первою Нашею должностію произвести дѣятельно сдѣланные Нами предъ Творцомъ вселенной обѣты; но нѣтъ отнюдь ни расположенія сердца, ни намѣренія въ Насъ, что бъ симъ исполненіемъ и одинъ изъ подданныхъ Нашихъ и при всей справедливости могъ бы быть ни за что подверженъ подъ строгость законовъ безъ предварительнаго Нашего обще всѣмъ чрезъ сіе увѣщанія и преподанія времени на исправленіе себя и на признаніе всякому вовлеченному въ соблазны, противные всѣмъ законамъ, истинной добродѣтели и правотѣ.

Приступая исполнять столь важный Нашъ предъ Творцомъ вселенной обѣтъ и призывая на помощь Всемогущую Его Десницу, восхотѣли Мы первоначально слѣдующими подъ симъ пунктами всенародно какъ объявить, на какихъ непремѣнныхъ предположеніяхъ утвердились Мы обладать Богомъ врученною Намъ Имперіею и взыскивать неупустительно по законамъ исправленія предписанныхъ каждому должностей и безпорочности въ истинномъ благонравіи, такъ и увѣщевать о признаніи чистосердечномъ въ совѣстяхъ каждому и о исправленіи себя безъ упущенія времени во всемъ томъ, въ чемъ найдетъ кто себя обличеннымъ противу пунктовъ здѣсь изображенныхъ, на которое исправленіе и даемъ Мы времени « » мѣсяцевъ отъ публикованія сего въ каждомъ мѣстѣ, по минованіи которыхъ будутъ уже во всей своей силѣ и непремѣнности дѣйствовать Божескіе и государственные законы надъ всѣми обличающими въ государственныхъ зловредностяхъ и въ развращеніи общаго благонравія, утвержденнаго заповѣдьми господними и законами гражданскими.

Пункты.

1.

Монаршая Наша Самодержавная воля и узаконеніе есть и всегда будетъ, дабы во всей Російской Имперіи любезнаго Отечества, каждый житель и ни кто вообще не дерзали отнюдь обнаруживаться не толико дѣяніями, ниже и соблазнами противу заповѣдей Господнихъ и противу догматовъ Господствующей и Нами исповѣдуемой Греческой Православной вѣры, и чтобъ все обитатели Россійскіе содержали вѣры свои и исполняли по законамъ каждой во всей принадлежащей имъ святости, поступая и исполняя во всемъ должности и обязательства свои со страхомъ Божіимъ, съ безмолвственнымъ повиновеніемъ къ Его Святому Промыслу, съ любовію къ отечеству, къ Государю и къ ближнему по гражданскимъ законамъ и по всей гражданской и естественной правотѣ.

2.

Какъ гражданскія узаконенія не имѣютъ конечно отъ своихъ законодателей ни какихъ отнюдь другихъ основаній и намѣренія, кромѣ гражданской и естественной правоты, утвержденныхъ единственно для истинныхъ вообще жизни, безопасности, вѣрности, предохраненія и пользы каждому лицу и всѣмъ вообще, то и повелѣваемъ Мы: въ отправленіи всякихъ дѣлъ и въ преподаваніи суда и расправы по присутственнымъ мѣстамъ и при всякихъ чиноначальствахъ, въ случаяхъ иногда притивурѣчныхъ указовъ и рѣшительныхъ примѣрныхъ опредѣленій, хотя бы и Именныхъ, брать всегда къ рѣшеніямъ своимъ, но безпристрастно, точность правоты гражданской, то есть особое узаконеніе какъ въ гражданствѣ, такъ и войскѣ, изданное не на одно отдѣленное лицо, но на всѣхъ вообще; а есть ли на

что и онаго въ законахъ не найдется, то брать къ рѣшеніямъ въ основаніе единую, самую чистую, естественную истину, которая уже есть и всегда будетъ всѣмъ законамъ непремѣнное и точное предположеніе.

3.

Объявя Мы здѣсь Нашу Монаршую волю и непремѣнное предположеніе о Царствованіи Нашемъ, подтверждаемъ благовременно всѣмъ и каждому любезнымъ сынамъ Нашего Отечества, осмотрясь въ совѣстяхъ чистосердечно, есть ли кто найдетъ самъ себя въ чемъ обличеннымъ, тому раскаясь, да и всѣмъ вообще, запретить себѣ навсегда попускаться впередъ погрѣшать или развращать противу Нашей воли, предписанной здѣсь какъ въ первоначальныхъ, такъ во всѣхъ послѣдующихъ пунктахъ.

4.

Да сохранится во всѣхъ случаяхъ по самому чистосердечію и праводушію подданническая вѣрность къ Государю и къ Отечеству, съ неприкосновенностію ни подъ какими видами для собственныхъ корыстей и гнуснаго тщеславія къ расхищенію государства и ко введенію примѣрами и развращеніями зловредныхъ соблазновъ, противныхъ истинамъ, добродѣтели, праводушію, благонравію и мѣрѣ собственнымъ прожиткамъ противугодовыхъ доходовъ каждаго, ибо предъ Нашими глазами расточившій собственное имѣніе и ввергшійся въ раззорительные долги, лишаетъ самъ себя полной государственной довѣренности и подвергается въ большое сомнѣніе на корыстныя искушенія.

5.

Какъ истинная цѣлость славы Государевой, безвредная навсегда прочность Отечества и безопасность собственно каждаго, утверждаются и сохраняются особливо на томъ, чтобы всѣ вступающіе и избираемые лица въ государственное служеніе употребляли ревности свои съ чистосердечіемъ и безкорыстіемъ возвышаться въ чины дѣятельными трудами и заслугами, желая отличествовать одинъ другаго трудами и способностями, въ радѣніяхъ къ истинной славѣ Государя и Отечества, и отвращаться всѣми образами подлыхъ подслугъ въ личныя угодности для происковъ себѣ мѣстъ и чиновъ, куплею и предательными ласкательствами съ пожертвованіемъ и собственнаго благороднаго любочестія.

6.

То, во утвержденіе сего, Мы здѣсь Императорскимъ словомъ объявляемъ и обѣщаемъ, что къ Нашему благоволѣнію и къ справедливымъ воздаяніямъ будутъ угодны только тѣ достойныя дѣти и слуги Имперіи, которые будутъ отправлять государственное служеніе по установленнымъ

каждому званію дорогамъ безъ пронырствъ и подлыхъ домогательствъ въ чины и къ мѣстамъ тунеядскимъ, неприличнымъ каждому по своей породѣ всѣ же пронырщики въ службѣ государственной и праздполюбцы въ разумѣніи Нашемъ суть уничижены и недостойны справедливыхъ въ чины возвышеній и Монаршихъ награжденій, потому что чины установлены для награжденія трудовъ и заслугъ, а не ради испорченія службы и нерадѣнія къ трудамъ.

7.

Весь благоразумной свѣтъ, да и Мы Сами признаемъ корпусъ благороднаго дворянства первымъ членомъ государства, подпорою и обороною Государя и Отечества отъ непріятелей внѣшнихъ и отъ случающихся внутреннихъ злодѣевъ, а оборона Отечеству надежнѣйшая утверждается военною службою; по государственнымъ же законамъ, дворянство рождается къ пріобрѣтенію себѣ наслѣдства землями и подданными, а напротивъ того прочихъ подданныхъ государству жребій пріобрѣтать и первоначальное себѣ пропитаніе трудами разныхъ промысловъ и работою собственныхъ рукъ, то и неоспоримо по всей справедливости корпусу дворянскому, по обязательству къ Государямъ и Отечеству за всегдашнее сохраненіе въ цѣлости дворянскаго права и наслѣдствамъ своимъ, принадлежитъ въ особенности и предпочтительнѣй всѣмъ прочимъ служеніе въ войскѣ, обороняющемъ и ихъ собственное имѣніе.

8.

По сей непреложной истиннѣ, принятой во всемъ разумномъ свѣтѣ, полагаемъ Мы твердую надежду, и требуемъ, чтобъ впередъ при воспитаніи всего дворянскаго въ Имперіи Нашей юношества, какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и во всѣхъ государственныхъ училищахъ, прилагалось лучше прежняго старанія вкоренять въ самые еще нѣжныя сердца дворянства главнымъ любочестіе къ истинной военной славѣ, то есть пріобретаемой дѣятельною службою, а не чинами только, къ мужеству ихъ храбрости, каковыми преизхвальными качествами сыны Россійскаго дворянства издревлѣ и по сіе время знаменитѣйше прославлялись, и употребляли безъ малѣйшей утомленности въ военное служеніе всѣ лѣта лучшей молодости и всю крѣпость здоровья своего, стараясь всѣми силами превосходить въ ономъ одинъ другаго и гнушаясь совершенно похищать и входить въ тѣ гражданскія службы, которыя отнюдь не свойственны не оборонѣ, ниже и правленію государственныхъ дѣлъ, а оставляются для государственныхъ прочихъ разночинцовъ.

9.

Съ того времени, какъ Россійское дворянство получило по единому милосердію своего Монарха, драгоцѣннѣйшій всему своему корпусу даръ

вольности со всею свободою вступать и не вступать въ службу Государя и Отечества, выходить и возвращаться въ оную по выгодамъ единственно собственно каждому и сколько можетъ обязывать къ оному всякаго усердіе, можно было понадѣяться, что вліяніе въ чувствы благородныхъ сердецъ справедливаго къ тому признанія обяжетъ дворянство продолжать изъ особливой благодарности службу Государямъ и Отечеству ревнительнѣй и неутомленнѣй еще и предковъ своихъ; но кто изъ правомыслящихъ сыновъ Отечества не видитъ съ душевною прискорбностію, что большая часть молодого дворянства покидаютъ службу въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ молодости и здоровья своего, а къ сугубой неблагодарности противу Отечества, и самые тѣ, которые милосердымъ Монаршимъ попеченіемъ отъ самаго младенчества на коронномъ иждивеніи возращены, обучены и офицерскими чинами награждены, да и тѣ еще, кои не выходя почти изъ домовъ семей своихъ пожалованы офицерами-же, выходятъ изъ службы, да и семьи ихъ къ себѣ принимаютъ безъ малаго зазора о томъ, что они ни малѣйшей заслуги Отечеству своему не сдѣлали за толико полученныя отъ него себѣ милости.

10.

Какъ представляется быть оному главною причиною первоначальное обрадованное движеніе къ воспользованію пріобрѣтеннаго вольностію, то Мы и надѣемся, что по миновании уже первой запальчивости къ оной, все дворянство Россійское перестанетъ не чувствовать обязательства своего къ службѣ Государей и Отечества, оберегающей и ихъ собственную во всемъ цѣлость и обратитъ свою ревность еще сугубѣй прежняго изъ новой благодарности за полученный даръ вольности и за воспитаніе весьма многихъ дворянскихъ дѣтей почти отъ самаго младенчества на иждивеніи Государственномъ, особливо есть ли въ семьяхъ и училищахъ станутъ при воспитаніи дворянскаго юношества, предпочтительно многому прочему, вкоренять въ нѣжныя сердца ихъ любочестіе къ истинной военной славѣ, къ мужеству и къ храбрости на подражаніе предковъ ихъ, прославляющихся сими препохвальными качествами издревлѣ и до сего времени, и которые превосходили одинъ другаго всею ревностію въ томъ, чтобъ лучшую свою молодость и здоровье употреблять въ военной службѣ, и съ покрытыми ранами никакъ ею не утомляться, а стыдиться до крайности похищать происками и вступать въ тѣ государственныя службы, которыя не составляютъ ни обороны Отечества, ни государственнаго правленія, слѣдовательно и не свойственныя совсѣмъ благорожденію дворянскому.

11.

Не можемъ Мы проминовать и сего вкравшагося злоупотребленія, что молодые люди, не отдѣленные еще отъ семей своихъ и не пріобрѣтшіе никакого себѣ собственнаго пропитанія, покидая службы безъ позволѣнія

ни родителей, ни старшихъ имъ своихъ родственниковъ, возвращаются въ семьи свои на пропитаніе ко умноженію въ оныхъ собственнаго отъ крайней бѣдности претерпенія, но такихъ своевольствъ противу родителей, противу семей и противу старшихъ родственниковъ своихъ, не дозволяютъ отнюдь ни оказанность покрова, ни Божескіе, ни Гражданскіе законы, да и Мы не только сіе святое узаконеніе не отрѣшаемъ, но еще и возобновляемъ во всю его законную силу, съ тѣмъ объясненіемъ, что изъ получающихъ пропитаніе свое изъ единаго жалованья, повинны изъ службы не выступать на чужой хлѣбъ, не пріобрѣтши собственно своего безъ благословѣнія родителей.

12.

Всякой правомыслящій человѣкъ не можетъ съ Нами не согласиться, что между худомыслящими Россійскими сынами вкоренилась еще и сія зловредность, что дѣти, не вошедшіе въ указный возрастъ, а хотя и вошедшіе, но не отдѣленные отъ семей, или состоящіе подъ опекунствами мужеска и женска пола, да къ пущему пострамленію и жены, живущія съ мужьями, скрытно отъ семейства и отъ начальства надъ собою, занимаютъ деньги и забираютъ товары на векселя и на щеты, а купечество, промышляющее беззаконными ухищреніями, даютъ на таковые векселя имена свои изъ грабительныхъ процентовъ, либо для собственнаго воскорыствованія, либо ради тѣхъ, кто умышляетъ на переписываніе такихъ векселей и щетовъ изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока умретъ тотъ, изъ чьего имѣнія наслѣдуетъ такой векселедавецъ, слѣдовательно весь въ томъ корыстной и продерзостный умыселъ, можно сказать проклятой, основывается на желаніяхъ скорѣйшей смерти тѣмъ, послѣ кого имѣетъ наслѣдство принять, и тому, отъ кого получены беззаконные векселя и щеты, то Мы и объявляемъ, что оная окоренившаяся въ государствѣ Нашемъ беззаконнѣйшая зловредность, предъ справедливостію Нашею есть въ существѣ и формѣ самое воровство и измѣна притиву кровныхъ, надъ которыми при обличеніяхъ и будутъ дѣйствовать во всей строгости предписанные законы за воровство и обманы.

13.

Не могло же скрыться отъ Нашего примѣчанія, что не только разночинцы, но и знатное и многое дворянство, предавшись въ необузданныя и безпредѣльныя роскоши, сдѣлались безчеловѣчными игроками, ищущими въ игрѣ не забавъ, но убивственнаго раззорѣнія, и не между собою только, но приискивая невиннѣйшую молодость, поставляли игры коммерческимъ промысломъ, а подобно тому и многое Россійское купечество, отступая совсѣмъ отъ праводушія предковъ своихъ, слѣдующихъ во всемъ страху Божію, позволило себѣ давать обыгранной молодости на векселя въ число денегъ товары за безсовѣстнѣйшія цѣны и проценты, подсылая въ то же время къ нимъ изъ сообщниковъ своихъ тѣ-же самые товары обращать

къ себѣ за меньшія еще цѣны, да и при всякихъ купеческихъ торгахъ и промыслахъ попускаются возвышать цѣны не только на прихотныя вещи, но и на самое пропитаніе, до такой неумѣренности, что бѣдныхъ людей, не возмогшихъ оныя платить, подвергаютъ умирать съ голоду, да и въ мѣрахъ и вѣсахъ употребляютъ всякія на ухищреннѣйшія обманы, того ради не оставляемъ Мы объявить во всенародно, что въ играхъ, въ торгахъ, въ промыслахъ, въ договорахъ и во всемъ прочемъ безъ изъятія, всякія обманы и отступленія отъ праводушія почитаемъ Мы сущимъ воровствомъ, подлежащимъ неупустительному наказанію, предписанному законами за воровство и обманы, съ присовокупленіемъ совершеннаго омерзенія и изгнанія изъ честныхъ сообществъ всякаго обличеннаго въ ономъ.

14.

Всякой праводушный сынъ Отечества не можетъ не согласиться съ Нами, что вкоренившимся въ Россію зловредностямъ изображеннымъ здѣсь суть главныя причины: 1-я, выступленіе почти всеобщее прожитками безпредѣльными изъ всей мѣры благословенныхъ каждому доходовъ; 2-я, произшедшая изъ того алчность къ безпредѣльнымъ обогащеніямъ на роскошныя жизни и ко извлеченіямъ себя изъ нажившихъ роскошью пагубныхъ долговъ, первовстрѣчающимися всякими способами по представляющимся соблазнамъ въ расхищеніяхъ государственной казны, въ мздоимствахъ съ народа и со всѣхъ безъ исключенія, до кого только кому доходить ухищреніями удастся, а какъ однимъ и другимъ изъ сихъ государственныхъ уязвленій угрожается Отечество Наше бѣдственными слѣдствіями, то Мы по расточительной роскоши увѣщеваемъ каждому впадшему возвратиться конечно прожитками своими въ мѣру только годовыхъ своихъ доходовъ всею не предкновенною вѣрою, что Мы будемъ имѣть довѣренности къ государственнымъ употребленіямъ гораздо предпочтительнѣйшему, кто по умѣреннымъ прожиткамъ есть добрые хозяева въ своихъ домахъ, добрые мужья къ женамъ, добрые отцы къ дѣтямъ и добрые господа къ своимъ слугамъ, передъ тѣмъ, кто не выдутъ и будутъ еще погружаться въ долги выше своихъ доходовъ.

15.

Кто не видитъ и прискорбность не ощущаетъ, что мздоимство распространено въ любезномъ и благомъ Нашемъ Отечествѣ до такой степени, что оно угрожаетъ ему крайнимъ бѣдствіемъ и невинный Нашъ народъ не выходитъ почти отъ онаго изъ горчайшихъ слезъ, ибо все мздоимство, съ кого бы оно ни было, падаетъ напослѣдокъ на невинныхъ и всегда потомъ омывающихся хлѣбопашцевъ и промышленниковъ, доставляющихъ всѣмъ вообще прокормленіе, то Мы и почли необходимымъ объявить въ въ особенности Наше Монаршее заключеніе и послѣдующее здѣсь повелѣніе на мздоимство.

Сколько до Насъ доходить могло то о лихоимствѣ, окорѣнились между

мздоимцами два раздѣленія: одно подъ названіемъ подарки за праведные по дѣламъ труды, а другое уже лихоимство, но предъ Нашими глазами и въ Нашемъ Монаршемъ заключеніи все то безъ изъятія, что берется съ другаго волоченіемъ его дѣла, всякими разными другими притяжками и притесненіями, равнымъ образомъ угроженіями и обѣщаніями отъ сильнаго къ безсильному, сдѣланная какъ въ дѣлѣ неправда, такъ произвожденіе въ чинъ и перемѣщенія отъ мѣста къ мѣсту, содѣланные же къ убытку казнѣ всякаго рода подряды и казенныя покупки, суть во всемъ существѣ и формѣ государственныя воровства и грабительство, а емлемое при наборахъ рекрутскихъ, при всякихъ государственныхъ поборахъ, работахъ и нарядахъ, сверхъ воровства суть еще государственныя уязвленіи, подлежащія всѣ оныя злодѣянія непремѣнному наказанію по предписаннымъ законамъ на государственныя воровства и уязвленіи по мѣрѣ содѣланнаго каждымъ чрезъ то государству зла, но безщаднаго всегда возвращенія всего пограбленнаго назадъ тому, кому что прежде принадлежало, сего ради Монаршая справедливость и востребовала повелѣть Намъ чрезъ сіе въ особенности, дабы каждый обличающійся совѣстію своею воспретилъ себѣ совершенно дерзать впередъ поступать на таковыя зловредныя и уязвительныя Отечеству своему и Государству лихоимства и раскаясь чистосердечно въ содѣланномъ, всякой бы доставилъ письмами въ собственныя Наши руки покаяніе, отдавая оныя письма въ ближнихъ городахъ почтмейстерамъ, съ показаніемъ въ нихъ, кто съ кого за какое именно дѣло или за что именно жъ прочее кому самолично или чрезъ кого именно взялъ или далъ, а Мы Императорскимъ словомъ обѣщаемъ чрезъ сіе, что кто принесетъ Намъ таковыя повинновѣнія, то не только не отданы будутъ къ наказаніямъ, инже и никому отъ Насъ объявлены они не будутъ, да и по постороннимъ иногда въономъ обличеніямъ останутся безъ указнаго наказанія; но ежели кто останется ожесточеннымъ въ своемъ сердцѣ безъ принесенія Намъ покаянія, надъ таковыми подлежащіе указы конечно воздѣйствуютъ во всей ихъ безпощадной строгости и силѣ, да и тѣ самые, кои хотя брали лихоимства не для себя, а ради господъ, или другихъ какихъ лицъ, и не принесутъ къ Намъ означеннаго покаянія, будутъ же безъ всякаго помилованія подвержены подъ всю строгость законовъ.

16.

Нельзя не почесть большимъ же государственнымъ поврежденіемъ въ общемъ благоустройствѣ и оскорбленіемъ службы вошедшій сей соблазнъ, что почти всѣ, не только дворянство да и имущіе разночинцы происками или куплею вводятъ дѣтей своихъ въ службу почти со младенчества, проискивая имъ еще до возраста и сержантскіе, а потомъ отпуская въ полки для единственнаго вмѣщенія въ старшинство списковъ и къ пріисканію жъ въ ординарцы къ штабъ-офицерамъ съ домогательствомъ обратнаго отпуска къ семьямъ своимъ на погруженіе въ праздную жизнь и на ожиданіе старшинства ко вступленію въ офицеры, со всѣмъ незнающими офицер-

скаго званія, и облѣнившимися и къ малымъ трудамъ: то кто же изъ усердныхъ Россіянъ не видитъ съ оскорбленіемъ, что такіе къ службѣ пронырства доставляютъ Отечеству не заслуги, но похищеніе чиновъ и оскорбленіе какъ усердно служившихъ, такъ и самому корпусу дворянскому, потому, что ревнительно заслуживающіе чины обижаются похищеніемъ принадлежащихъ имъ чиновъ и изгоняются сами изъ службы подверженіемъ ихъ въ подчиненство ребятамъ и незнающимъ совсѣмъ должностей званія ихъ, а весь корпусъ дворянскій обижается тѣмъ, что объявленнымъ образомъ достигающіе въ ребячьихъ лѣтахъ въ офицерскіе чины и разночинскія дѣти вступаютъ въ право дворянское, которое принадлежитъ единственной породѣ дворянской и оказавшимъ Отечеству многіе заслуги почтеннымъ разночинцамъ, а не пронырщикамъ, да и самыя дворянскіе дѣти вступленіемъ ребятами въ офицеры безъ всякаго наученія ихъ должностей, обижаются тѣмъ, что офицеры не слѣдуютъ уже къ наученію должностей своихъ чиновъ, но принадлежатъ ко взысканію исправнаго во оныхъ со всѣмъ знанія, то получившіе пронырствомъ юноши офицерскіе чины, при самомъ не строгомъ взысканіи за незнаніе своихъ должностей, тотчасъ службу по праву дворянской вольности покидаютъ и погружаясь потомъ въ пущую праздность, лѣнь и во всю силу пороковъ, свойственныхъ молодымъ людямъ, а тѣмъ причиняютъ какъ потерю себя самихъ, такъ и раззоряютъ Отечественную службу, по таковой же справедливости Мы надѣемся и повелѣваемъ чтобъ впредь пресѣчься такими пронырствами къ похищенію чиновъ не возрастнымъ дѣтямъ, да и нужды въ томъ никакой не будетъ, потому, что менѣе двадцати лѣтъ никто въ службу приниматься изъ таковыхъ не будутъ, особливо дворянство. которые воспитываются въ своихъ ли семьяхъ, или въ учрежденныхъ корпусахъ, въ училищахъ и университетѣ, въ наукахъ полезныхъ и способствующихъ службѣ Нашей, но по мѣрѣ наученія оными, имѣютъ таковые приниматься прямо въ офицерскіе субалтерскіе чины, для того здѣсь и объявляемъ Мы. какія именно науки—предпочтительнѣй другимъ, будутъ руководствовать юношеству вступать въ войско въ офицерскіе субалтерскіе чины прямо.

17.

Поставляемъ Мы науки, способствующія государственному служенію, слѣдующія на Россійскомъ языкѣ: 1-е, Читать и писать по правиламъ Грамматики, Катехизисъ, четыре части Ариѳметики, воинымъ экзерциціямъ пѣшей и кавалерійской какъ показанію темповъ, такъ и командующихъ словъ и построенію фронтовъ по изданнымъ о томъ предписаніямъ; 2-е, Геометріи, Фортификаціи съ полевыми укрѣпленіями и съ практическими показаніями; 3-е, Исторія и Географія послѣдняго вѣка, съ предпочтеніемъ о собственномъ Отечествѣ и прилежащихъ къ нему границами постороннихъ державъ и 4-е, Разсуждать и мыслить по правиламъ Логики, на бумагу мысли располагать и говорить по правиламъ Риторики.

Всѣмъ же симъ наукамъ, раздѣленнымъ на четыре части, почитающимся

Нами способственными къ служенію Имперіи и руководствующими къ полученію при вступленіи возрастнаго уже Юношества въ военную службу прямо Офицерскихъ Субалтерскихъ чиновъ, нѣтъ отъ нынѣ уже отговорки, чтобъ нельзя имъ научиться на собственномъ языкѣ, есть-ли только будутъ радѣтельно способствоваться сверхъ заведенныхъ государственныхъ училищныхъ корпусовъ, публичныхъ школъ, университета, гимназій и самыхъ семинарій, не только отдавая дѣтей своихъ въ оныхъ заведенія, но приговаривая изъ нихъ для подаванія уроковъ способныхъ учителей, а для военныхъ наукъ свободныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ; Мы же таковымъ съ военными науки свободнымъ не только офицерамъ да и генераламъ благодѣтельствовать въ томъ юношеству собственнаго Отечества, не только дозволяемъ къ Нашему собственному благоволѣнію, да и обѣщаемъ таковымъ смотря по успѣхамъ учениковъ и Наше покровительство и поощреніе.

18.

Науки чужестраннымъ языкамъ, вышней математики и всѣмъ прочимъ вышнимъ познаніямъ, пріемлемъ Мы въ особливое же Наше покровительство, и упражняющихся въ оныхъ весьма нетолько похваляемъ, да и успѣвающихъ съ превосходствомъ, неоставимъ конечно отличать Монаршимъ благоволѣніемъ и поощреніями; но какъ сіи науки больше украшаютъ самихъ себя и возвышаютъ слава сколько государственную, столько же и собственную, а способностями своими руководствуютъ на пріуготовленіе каждому себя къ службѣ внѣшняго и внутренняго Министерства и на предсѣдательства при дѣлахъ государственнаго правленія, то и нельзя никакъ великому числу Дворянства настоль малое число въ Государствѣ оныхъ мѣстъ помѣщаться, почему и приличныя наученія чужестраннымъ языкамъ и путешествіи по чужимъ государствамъ единственно тѣмъ домамъ, которые въ состояніи выносить потребные на то не малые издержки безъ всякаго въ капиталахъ своихъ раззорѣнія, а отнюдь не съ причиненіемъ юношеству такихъ долговъ на самое вступленіе еще только ихъ въ службу, которыхъ тягость будетъ ихъ обремѣненіемъ своимъ принуждать не о службѣ радѣть, но какъ всѣми и не позволѣнными хотя уже способами только извлечь себя изъ долговъ.

Сочинено въ 1784 году.

№ 2-й). Есть либъ возможно было при вступленіи по власти Божіей на Всероссійскій Престолъ Наслѣдника испросить о пожалованіи Свое Отечество на первый случай хотя только семью написанными здѣсь статьями, то объ оныхъ симъ представляется форма Манифесту.

По обыкновенномъ титулѣ.

Волею Всевышняго Творца и правомъ Природы по преемничеству отъ Предковъ Нашихъ, вступили Мы на Всероссійской Прародительской Нашъ Престолъ со властію безпредѣльнаго Самодержавства, и хотя душа и сердце Наши не желаютъ и не имѣютъ другихъ намѣреній, кромѣ един-

ственно обладать Отечествомъ Нашимъ и преподавать судъ и расправу всегда по Божескимъ и естественнымъ законамъ и по всей правотѣ, да и попеченіи Наши употреблять къ общему благу всей врученной Намъ отъ Бога Имперіи, не раздѣляя ничѣмъ отъ собственнаго Нашего благосостоянія; но какъ Всевышнее Откровеніе утвердило Насъ въ сей непреложной истинѣ, что не можетъ никакъ ни въ какомъ государствѣ быть на всѣ времена общей и каждому безопасности и благова во всемъ состоянія, надежныхъ и вѣрныхъ, безъ утвердительныхъ непремѣнныхъ на всѣ времена формы государственному правленію и фундаментальныхъ правъ, и когда все безъ изъятія какъ до нынѣ и въ Отечествѣ Нашемъ порабощено единому господствующему самовластію, которое подвержено всегдашнимъ перемѣнамъ не только по пресѣченіямъ жизней каждому смертному, да и по естественнымъ премѣнамъ во правахъ при теченіи жизни владѣющихъ съ безпредѣльною властію всякаго Самодержца.

Сего ради возжелая Мы утвердить въ Отечествѣ Нашемъ непоколебимыя безопасность и вѣрность общія и каждому особенно, для того по Нашей Самодержавной Наслѣдственной власти жалуемъ силою сего всей въ нынѣшнемъ положеніи Всероссійской Имперіи отъ сего дня на всѣ послѣдующія времена непремѣнныя никакою властію никогда фундаментальныя узаконенія, предписанныя въ семъ Нашемъ Манифестѣ послѣдующими статьями.

Статья первая.

Все, чего не будетъ точно предписано ни въ сихъ статьяхъ, ни впредь въ даваемыхъ отъ Насъ Нашему Отечеству статьяхъ же фундаментальному праву и въ формѣ государственнаго правленія, то все безъ изъятія да остается и утверждается къ непремѣнному и неприкосновенному на всѣ времена пребыванію единственно въ самодержавной собственной власти Владѣющаго законно Монарха, а по Немъ у Наслѣдника Престолу Всероссійскому.

Вторая статья.

Да будетъ отъ нынѣ во всей Россійской Имперіи по нынѣшнему ея обладанію не раздѣляемой никогда никакимъ самовластіемъ, форма государственнаго правленія Монаршеская во всей ея силѣ и точности, принятая во всемъ разумномъ свѣтѣ, съ данными и утвержденными Отечеству Нашему фундаментальными отъ Насъ не премѣнными правами, не подверженными на всѣ времена не только къ перемѣнѣ, ниже и къ прикосновенію никакой власти и силѣ.

Третья статья.

Во всей Россійской Имперіи право Наслѣдства къ Престолу да будетъ на всѣ времена первородному сыну, рожденному изъ законнаго перваго

брака Владѣющаго Монарха, а при случаяхъ кончинъ оныхъ, да послѣдуетъ сіе наслѣдственное право всегда въ колѣнѣ перворοднаго Монархическаго сына на законнорожденнаго отъ Него уже перваго же сына, а послѣ того на другихъ Его же сыновей, на одного послѣ другаго по порядку перворожденія Ихъ, предпочитая всегда мужескій полъ предъ женскимъ.

Четвертая статья.

При случаяхъ пресѣченія кончинами въ мужескихъ лицахъ наслѣдственнаго къ Престолу колѣна отъ перворοднаго Монаршескаго сына да переходитъ право наслѣдства къ Престолу на втораго сына послѣдне Владѣющаго Монарха, а по Немъ въ колѣно Его; по пресѣченіи же и того колѣна, переносится на третьяго сына того же Монарха, а такъ и далѣе всегда по сему порядку до пресѣченія всѣхъ колѣнъ въ мужескихъ лицахъ, произшедшихъ отъ перваго брака послѣдне Владѣющаго Монарха; но въ томъ уже случаѣ да переходитъ право наслѣдства на мужескіе лицы во всемъ по предписанному порядку въ колѣна, произшедшія уже изъ втораго, а по онымъ и изъ третьяго брака послѣдне Владѣющаго Престоломъ Монарха.

Пятая статья.

Есть ли Богу соизволившу пресѣчь жизни всѣхъ мужескихъ лицъ и колѣнъ узаконенныхъ симъ къ Наслѣдству Всероссійскаго Престола, то въ томъ уже случаѣ да перенесется право Наслѣдства къ Престолу на лицо и въ колѣнѣ перворοдной дочери, произшедшей изъ перваго законнаго брака послѣдне Владѣющаго Монарха; а при пресѣченіи жизней всѣхъ лицъ и въ семъ первомъ женскомъ колѣнѣ, да переходитъ право наслѣдства къ Престолу изъ колѣна въ колѣно и съ лица на другое по кончинамъ лицо такъ точно вовсемъ и въ женскихъ колѣнахъ, какъ здѣсь предписано о мужескихъ колѣнахъ и лицахъ, до тѣхъ поръ, пока въ колѣнѣ женскомъ законно произойдетъ мужеское лицо, которое да и вступаетъ въ право обладанія Россійскаго Престола, по кончинѣ послѣднее Владѣющей по сему Монархини, а по Немъ да и послѣдуетъ возобновленіе мужескаго Наслѣдства къ Престолу по всему тому порядку, какъ здѣсь предписано.

Шестая статья.

Къ истинному и твердому во всемъ благосостоянію на всѣ времена любезному Нашему Отечеству потребныя еще въ фундаментальныя права непремѣнныя статьи, соизволяемъ Мы сочинять безъ упущенія времени по предположенному отъ Насъ имъ основанію и порядку, и будемъ ихъ по утвержденіи Нами выдавать Отечеству Нашему по толику, по колику въ сочиненіи ихъ успѣвать будетъ можно.

Седьмая статья.

Между тѣмъ какъ Всемилостивѣйше данныя уже Нами отечеству Нашему симъ семь статей, такъ и впредь выдаваемыя съ Нашимъ утвержденіемъ еще всѣ статьи фундаментальнымъ правамъ, Мы уже чрезъ сіе Нашею Самодержавною властію и святостію Императорскаго слова, за Насъ собственно, за Наслѣдниковъ Нашимъ и за преемниковъ Престола Всероссійскаго утверждаемъ на всѣ времена государственными фундаментальными правами, непремѣнными и ни въ чемъ никакою властію къ перемѣнѣ не прикасающимися, съ тѣмъ наисвятѣйшимъ еще узаконеніемъ. что есть ли кто дерзнетъ коснуться не только къ опроверженію, но и къ поврежденію данныхъ Нами любезному Нашему Отечеству формы Монаршескаго государственнаго правленія и статей фундаментальныхъ правъ, тотъ и сообщники его въ то же самое время лишають сами себя всѣхъ безъ изъятія собственныхъ въ Отечествѣ своемъ правъ, преимуществъ и наслѣдства ко всякому принадлежащему имъ по государственнымъ законамъ имѣнію, дѣлая свободными противу себя всѣхъ и каждаго отъ сочиненныхъ съ ними въ Отечествѣ всякаго рода и званія обязательствъ, и таковые силою же сего объявляются предательми Государей Своихъ и Отечества; насупротивъ же того, всѣ тѣ, кои восхотятъ и станутъ защищать форму Монархическаго государственнаго правленія и фундаментальныя права данныя отъ Насъ Отечеству Нашему на всѣ времена для твердой ему и каждому его сыну безопасности и вѣрности, тѣ симъ-же признаются и оглашаются вѣрнѣйшими подданными своего Государя, усерднѣйшими сынами собственнаго Отечества и подпорою Престола Всероссійскаго; да и не коснется ихъ и родовъ оныхъ на всѣ послѣдующія времена отъ усилующихся иногда сонмищъ противу сихъ Нашихъ не премѣнныхъ фундаментальныхъ Россійской Имперіи узаконеній никакое ни отъ кого никогда обезчещеніе и поношеніе, но да будутъ имена ихъ всегда и вездѣ прославляемы защитниками твердости и благосостоянія своихъ Монарховъ и Отечества, чего къ существительному во всемъ исполненію да утвердятся всѣ Наши подданные и любезные дѣти Отечества нынѣ же присягали въ подданнической вѣрности къ Намъ, къ Наслѣднику Нашему, къ Престолу Всероссійскому и къ соблюдѣнію данныхъ отъ Насъ формы Монаршескому Государственному Правленію и фундаментальныхъ непремѣнныхъ правъ.—Данъ въ лѣто...

Положенъ на бумагѣ Генераломъ Графомъ
Панинымъ въ 1784-мъ году въ декабрѣ
мѣсяцѣ въ Москвѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

